

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2019

Актуальные проблемы
российско-китайских отношений

Китай и урегулирование
в Афганистане

Солнечная энергетика
в Китае и Японии

Экономика Автономного района
Внутренняя Монголия

Советско-японские отношения
в 1927-1929 гг.

1/139 550

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2019

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках.
Издается с марта 1972 года

Редакция: Российская академия наук
Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН
Общественным наукам РАН

0402

76

33

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
В.В. Кузьминков
зав. отделом Японии
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии

Содержание

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений 4

ПОЛИТИКА

Н.А. Замараева. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане 41

ЭКОНОМИКА

Д.Д. Лебедева. Китайская система планирования на современном этапе 54

В.В. Акимова, И.С. Тихоцкая. Подъем солнечной энергетики в Китае и Японии 62

В.О. Намжилова. Экономическое развитие Автономного района Внутренняя Монголия в начале XXI века 73

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.М. Каптуненко, В.В. Вишнякова. Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея 82

Ф.Г. Стругач. Япония в классических американских геополитических теориях 88

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

И.И. Грузинов. Элементы традиционной китайской идеологии в современном идеологическом курсе КПК 97

Н.В. Анисимцев. О гражданско-правовых аспектах модернизации Тайваня 105

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Сунь Сюэвэнь. О некоторых аспектах геополитических отношений в Арктике 118

В.И. Балакин. Выбор оптимальной парадигмы интеграции в Евразии 128

ИСТОРИЯ

С.А. Спартак. Восточная экспансия России на рубеже XIX–XX веков и отношение к ней в Америке 135

О.Д. Сандомирская. Освещение в прессе Великобритании, Франции и США политической ситуации в Японии в середине XIX века 150

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов. И.М. Майский и советско-японские отношения в 1927–1929 гг. 157

РЕЛИГИЯ

М.А. Хаймурзина. Конфуцианство как гражданская религия: проблемы и перспективы166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.Н. Коледенкова. Ежегодная научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «40 лет экономических реформ в КНР».....176

РЕЦЕНЗИИ

В.Е. Петровский. Китай и развивающийся мир: диалектика отношений (Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки).....184

Contents188

Summary.....190

16

Круглый стол в ИДВ РАН

72

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений

3 апреля 2019 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН был организован Круглый стол «Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений», в работе которого приняли участие ведущие специалисты Института и других научно-образовательных учреждений и организаций: д.и.н., профессор РАН А.В. Ломанов; к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.С. Давыдов; д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН Ю.М. Галенович; к.и.н., старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.О. Виноградов; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Е.И. Сафронова; к.и.н., заместитель директора ИДВ РАН С.В. Уянаев; д.полит.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН В.Е. Петровский; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН С.Л. Сазонов; старший научный сотрудник ИДВ РАН А.Ч. Мокрецкий; к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН К.В. Асмолов; к.э.н., член Международной ассоциации арктических социальных наук А.К. Криворотов; к.и.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН Н.А. Замараева; консультант фонда «Озеро Байкал» А.Ю. Ефимов; д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН А.В. Островский; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН М.В. Александрова; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН В.А. Матвеев; к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН П.Б. Каменов; к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН А.С. Исаев; младший научный сотрудник ИМЭМО РАН К.А. Гемуева; первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы Г.В. Куликова.

Открывая обсуждение, директор ИДВ РАН, проф. С.Г. Лузянин обратил внимание собравшихся на то, что текущий год является юбилейным с нескольких точек зрения — в 2019 г. исполняется не только 70 лет со дня образования КНР, но 70 лет с момента установления дипломатических отношений между новым Китаем и Советским Союзом. Китай сегодня является стратегическим партнером России, а отношения с КНР — ведущим направлением российской внешней политики. В апреле текущего года президент РФ В.В. Путин должен присутствовать на форуме «Один пояс, один путь» в Пекине в качестве почетного гостя. Отношения стратегического партнерства и взаимодействия с КНР являются для России важными и приоритетными как для обеспечения развития РФ, так и для обеспечения стратегических интересов российского государства на международной арене. Вместе с тем, в российско-китайских отношениях существуют определен-

и/но

ные проблемы, мешающие в полной мере развивать двусторонние связи долгосрочного сотрудничества и партнерства.

Ниже следует основное содержание выступлений участников Круглого стола.

А.В. Ломанов

Перспективы развития российско-китайских отношений в изменяющемся внешнеполитическом контексте

Ситуация, когда отношения России с Западом были заметно хуже, чем отношения Китая с Западом, завершилась в 2018 г. с началом «торговой войны», которую инициировала администрация Дональда Трампа. Внешнее давление заставляет Пекин более активно развивать отношения с другими партнерами, китайская заинтересованность в сотрудничестве с Россией увеличилась.

Китайский ответ на «торговую войну» включает меры по расширению экономической открытости внешнему миру. На сессии ВСНП в марте 2019 г. был принят новый Закон об иностранных инвестициях, расширяющий возможности и гарантии для зарубежных предпринимателей. Подобные действия помогли Китаю три десятилетия назад преодолеть негативное влияние западных санкций, введенных после событий на площади Тяньаньмэнь.

Однако ситуация заметно изменилась. В наши дни Китай воспринимают на Западе уже не как отсталую страну с переходной экономикой, продвигающуюся в направлении постепенного демонтажа однопартийной системы власти, а как опасного соперника, который бросает западным корпорациям вызов на мировых рынках. «Антикитайский консенсус» американской элиты становится все более прочным, в отношениях между Китаем и США слишком явно проявился элемент стратегического соперничества, который отсутствовал на прежних этапах осуществления китайских реформ.

Выступления китайских руководителей показывают, что концепция «дипломатии большого государства с китайской спецификой», как и прочие аспекты «внешнеполитических идей» Си Цзиньпина, не будут пересмотрены, даже если они вызывают раздражение у западных политиков и побуждают их к проведению более жесткой политики в отношении Китая.

Несмотря на все трудности, с китайской точки зрения китайско-американские отношения по-прежнему являются приоритетом. В Китае всячески подчеркивают позитивное значение встречи Си Цзиньпина и Дональда Трампа в начале декабря 2018 г. на саммите «большой двадцатки» в Аргентине. Их договоренность о прекращении новых действий в «торговой войне» характеризуют как «важный консенсус». Российской общественности не следует ожидать от китайского руководства напористой антиамериканской риторики. Публичная критика в адрес США не будет звучать до тех, пока у Пекина остается хотя бы малейшая надежда на заключение выгодной сделки по условиям двусторонней торговли.

Россия устойчиво занимает в китайской шкале внешнеполитических приоритетов почетное второе место. Изменение этого порядка может произойти в случае перехода китайско-американских отношений от соперничества к враждебности и конфронтации до той степени, когда у Китая появится заинтересованность в создании военно-политического союза с Россией. Этот сценарий сулит много рисков для обеих стран, его нельзя считать желательным.

В начале 2019 г. глава МИД КНР указал на появление в отношениях с Россией «полностью нового проекта» (*цюань синь ланьту*) развития связей двух стран. Эта формулировка может указывать на существенное обновление планов сотрудничества с учетом изменения внешнего контекста. Пекин выражает намерение использовать в 2019 г. празднование 70-летия установления дипломатических отношений двух стран для того, чтобы «по всем направлениям продвигать стратегическое сотрудничество высокого уровня», «вывести отношения всестороннего стратегического партнерства на новую ступень».

162/178

На пресс-конференции в марте 2019 г. министр иностранных дел КНР Ван И выразил уверенность в том, что под руководством лидеров двух стран отношения Китая и России «войдут в новую эпоху». Тема «новой эпохи» стала ключевой в китайском политическом лексиконе со времени провозглашения на XIX съезде КПК в 2017 г. наступления «новой эпохи социализма с китайской спецификой».

Китайская сторона подчеркивает, что видит большой потенциал развития двустороннего экономического сотрудничества с Россией. В марте 2019 г. премьер Ли Кэцян отметил, что на фоне спада в мировой торговле двусторонний товарооборот в 2018 г. превысил 100 млрд долл. По его словам, это «новый знак», который показывает, что сотрудничество имеет большой потенциал. Призыв премьера использовать все имеющиеся приемы (буквально — «восемнадцать видов оружия») для закрепления достигнутого объема торговли выглядит как указание на понимание китайской стороной неустойчивости достигнутого показателя и его зависимости от волатильности цен на сырьевых рынках. Тем не менее, Ли Кэцян сказал о продвижении к цели выведения двустороннего товарооборота на уровень 200 млрд долл.

Продолжение и расширение западного давления на Россию и Китай будет стимулировать дальнейшее сближение двух стран. Обретение новых международных партнеров, экономические реформы и расширение открытости внешнему миру способны стать эффективным инструментом противодействия санкциям и «торговым войнам».

А. С. Давыдов

Китайско-американские отношения: взгляд из России

Взаимоотношения КНР и США вызывают жгучий интерес широких общественных кругов. Что на самом деле происходит в отношениях двух стран? В чем причины конфликта?

Оценки причин возникновения торговой войны между США и КНР варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли — до признания вины за Соединенными Штатами, не желающими смириться со стремлением Пекина к приобретению статуса глобальной державы. В первом случае действия Вашингтона оцениваются как «принуждение Пекина к ответственному поведению, соблюдению правил и норм, принятых в современной международной торговле, расширению открытости сообразно собственным китайским заявлениям о либерализации торговли, ускорению перехода к рыночной экономике».

Во втором случае нынешняя американско-китайская торговая война трактуется как геополитическая борьба двух государств за глобальное лидерство. И в этом контексте действия Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа затормозить становление КНР как сверхдержавы. Это гораздо ближе к истине, т.н. торговая война — всего лишь внешняя оболочка глубинных внутренних противоречий и конфликтов во взаимоотношениях двух стран.

США переживают кризисный период недовольства и разочарований, связанных с потерей надежд на мировое лидерство и абсолютное доминирование, якобы гарантированные им после победы в холодной войне. Они усугубились также несбывшимися расчетами на усиление превосходства и преимуществ Америки за счет запущенного в свое время не без ее участия процесса всемирной глобализации, «вожжи» которого у нее на определенном этапе перехватил все тот же Китай.

Трамп, сменивший «глобалиста» Обаму, начал шаги по отходу от глобализационных трендов, включая отказ от тех правил международной торговли по нормам ВТО, которые он считал несправедливыми для США. Антиглобализм Трампа привел к пересмотру основ торгово-экономических отношений между США и КНР, к возникновению пресловутой «торговой войны». Но это не просто торговая война в чистом виде, а начало схватки за изменение нынешнего мироустройства.

США сочли, что схватку начал Китай, который, помимо достижения статуса второй (а в чем-то уже первой) экономики мира, активно расширяет свое глобальное влияние и геостратегическое пространство не только в АТР, но и в других частях света. Его замысел «пояса и путей» они восприняли как один из инструментов Пекина по усилению такого влияния.

Китай, со своей стороны, заняв ведущие позиции в мировой экономике и решительно отрицая при этом собственное стремление к гегемонизму, на деле по существу демонстрирует непреодолимое желание перейти из статуса региональной в статус глобальной державы с последующим, если сложится, превращением в единственную супердержаву. На это прямо и косвенно указывают его планы, озвученные во многих государственных и партийных документах, включая материалы последнего XIX съезда КПК.

Для достижения статуса сверхдержавы любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на него в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, современной науке и технологиях, военной мощи и геостратегическом положении и влиянии. На данный момент указанным критериям отвечают лишь США.

Китай имеет высокий экономический рейтинг, обеспеченный в свое время за счет выполнения роли «мировой фабрики» и широкого пользования торгово-экономическими льготами, предоставляемыми ВТО развивающимся странам. Проводившаяся КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика привела в итоге к тому, что у нее появилась реальная возможность не просто догнать экономически более развитые страны Запада, но войти в группу мировых лидеров в области технологий и производства.

Страх и тревога в США в связи с тем, что КНР становится их реальным конкурентом в высокотехнологичных отраслях, являются обоснованными: китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире; крупнейший в мире радиотелескоп находится в Китае. И, наконец, Китай намерен доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

В то же время США и Китай не только конкурируют, но и взаимно зависят друг от друга. США — от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай же зависит от сохранения способности американских потребителей по-прежнему покупать китайские товары, а также от передовых технологий США в некоторых ключевых областях.

Известно, что наряду с экономическим лидерством целью КНР является достижение к середине нынешнего столетия мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния. Для этого Китай предпринимает активные шаги и наряду с военной реформой, усилением НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений активизирует ее участие в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом. А реализация концепции «полюса и путей» при определенных условиях может способствовать усилению не только торгово-экономического, но и стратегического воздействия Китая в глобальном масштабе.

Особый китайский «подход» к развивающимся странам зачастую заставляет их верить в то, что только Пекин способен адекватно воспринимать имеющиеся у них проблемы и предоставлять эффективную поддержку и помощь.

Однако силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций не идут пока ни в какое сравнение с теми возможностями и средствами, которыми располагают США, не говоря уже о сопоставлении военно-стратегической мощи двух госу-

дарств. Даже без учета ракетно-ядерного компонента, преимущества США в боевой сухопутной и морской мощи на сегодня являются решающими.

Ряд зарубежных и российских наблюдателей считают, что даже если планируемая торговая сделка США и КНР состоится, она поможет ослабить напряженность в отношениях между ними лишь на короткое время, но не решит фундаментальных экономических проблем в их отношениях, которые ведут к росту геополитической и военной напряженности. Теоретически с этим можно согласиться, но реальной горячей войны в ближайшей перспективе пока не предвидится. Во-первых, в силу тех военных и геостратегических ограничений у Китая, которые упоминались выше, а во-вторых, вследствие наличия во взаимоотношениях двух стран т.н. красных линий, за которые они не рискнут переступить. К ним относятся колоссальная торгово-экономическая взаимозависимость, взрывоопасный фактор Тайваня и фактор географической удаленности двух стран друг от друга, «недостигаемости» Америки для китайских боевых средств.

Самым существенным для России является вопрос, как ей поступать в сложившейся ситуации? Каким образом, не потеряв ничего ценного в отношениях с Китаем, сделать так, чтобы наши отношения с США и КНР были чуть-чуть лучше, чем отношения между ними. Задача эта архитрудная, но выполнимая. Если пока маловато сил, нужно искать новые свежие идеи, без которых не будет вообще никакой российской внешней политики. Они могут обнаружиться.

Так, еще до начала торговой войны мимо внимания большинства наблюдателей прошла готовность Трампа, по его словам, пойти на экономические уступки Китаю в случае уступок с его стороны в корейском вопросе, подразумевая, очевидно, не только ядерное разоружение, но и окончательное воссоединение Кореи. Можно помогать ему в этом, заручившись в обмен на согласие КНР согласием со стороны Трампа на воссоединение Китая и Тайваня. Несмотря на кажущуюся фантастичность такой комбинации, в перспективе она стабилизирует обстановку в Восточной Азии, и довольными в итоге окажутся все стороны «треугольника». В политике нет ничего нереального. Кто бы мог подумать в 1966 году, когда в Китае разворачивалась «культурная революция» с ее яркими антиимпериалистическими лозунгами, что через пять с небольшим лет в Пекине Мао Цзедун и Р. Никсон договорятся о прекращении вражды и восстановлении двусторонних отношений?

Ю.М. Галенович

Американский фактор в российско-китайских отношениях

Когда речь идет о российско-китайских отношениях, для России главным является обеспечение собственных интересов, особенно при нынешнем состоянии отношений между Америкой и Китаем. Это тем более необходимо, учитывая активный, наступательный характер осуществления в настоящее время руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии. Это проявляется, в частности, и в том, что власти в Пекине все чаще публикуют интервью в «Жэньминь жибао» и на центральном телевидении с теми из нашей страны, кто превозносит достижения и проекты руководителей КПК-КНР.

Тем, кто занимается изучением проблем, связанных с Китаем, приходится реагировать на действия Пекина и работать в условиях, когда утверждается, что отношения России и Китая в настоящее время находятся в наилучшем состоянии за всю их историю.

Необходимо учитывать также политику США в отношении России и Китая. Прежде всего, заявления руководителей США о том, что именно со стороны России и Китая исходит главная угроза для США. Очевидно, что в наших интересах использовать определенные моменты, связанные с нынешним состоянием американо-китайских отношений.

Мы живем во времена, когда без учета фактора и политики Америки невозможно говорить об отношениях России и Китая, о политике Китая в отношении России и о политике России в отношении Китая. Здесь необходимо вспомнить о том, что Россия и Америка никогда не вели между собой войн на территории друг друга. Америка и Ки-

тай тоже никогда не вели между собой войн на территории друг друга. В то же время Мао Цзэдун несет ответственность за подготовку и начало пограничной войны против нашего народа и нашей страны в 1969 году.

Исторически первые связи КНР и США были установлены в конце 1960-х годов на основе «общего понимания» Мао и Никсона, заключавшегося в том, что СССР (Россия) — это якобы агрессор, что со стороны СССР существует угроза войны для Китая и для США. Дипломатические отношения между КНР и США были установлены в 1979 г. и сопровождались главной мыслью, которую Дэн Сяопин довел тогда до президента США Джеймса Картера: КНР заранее уведомляет США о том, что будет совершено военное нападение на Вьетнам как на «союзника» СССР.

В свое время Мао Цзэдун призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны в составе Китая, Америки, Японии, государств Европы, мусульманских стран. Дэн Сяопин после смерти Мао Цзэдуна повторил этот призыв Мао Цзэдуна.

В последние несколько лет в отношениях Америки и Китая возникли новые обстоятельства. Америка как бы «очнулась» и пересматривает свой прежний взгляд на Китай. Начинает понимать, что Китай всегда относился к Америке как к сопернику, и начинает реагировать на это. Появляется и понимание того, что в мире главной проблемой становится глобальное противостояние между США и КНР. Противостояние происходит на всех «полях», в том числе и на «поле России». Америка и Китай проводят в отношении России политику в расчете воздействовать на нее.

И в КНР, и в США внимательно изучают политику России в отношении этих двух стран и делают свои выводы. Как себя вести России, исходя из интересов нашего народа и нашей страны?

Прежде всего, очевидно, проводить полностью независимую и самостоятельную политику. Не «склоняться» ни в одну, ни в другую сторону. При этом важно иметь в виду, что в отношениях России и Китая есть факторы, которых нет в отношениях России и Америки. Это — вопрос о границе, о неравноправных договорах, договоре о режиме границы, об оценке исторического прошлого, особенно относительно подготовленного и осуществленного по воле Мао Цзэдуна нападения на нас на границе в 1969 г. Это и вопрос об оценке властями КПК-КНР политики «царской и советской России» в отношении Китая, вопрос о «старых и новых царях». Сюда включается фактор войны, фактор «долга крови». С Америкой у Китая такого нет. Следовательно, нам необходимы настойчивость и терпение для защиты наших интересов, готовность обсуждать и решать все вопросы, не боясь касаться проблем.

Америка должна оставаться «внешним фактором» для нашей стороны, когда речь идет об отношениях России и Китая. Наша политика должна быть такой, чтобы американцы понимали, что Россия не выступает на стороне Китая. В то же время китайцы должны понимать, что Россия не выступает на стороне Америки.

Россия должна исходить из стремления налаживать отношения, как с Китаем, так и с Америкой. При этом важно основываться на трех принципах: вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие. Соблюдать эти принципы целесообразно и нам, и Америке, и Китаю. Такова цель. Именно это может поставить в правильное положение американский фактор в наших отношениях с Китаем.

А.О. Виноградов

Российско-китайские отношения в контексте взаимоотношений КНР с европейскими странами

В результате продолжающегося кризиса Европа стремительно теряет остатки субъектности в мировой политике и превращается из субъекта в объект.

Кризис Европы был замечен мыслителями еще 100 лет назад. Этот процесс ускорился после окончания второй мировой войны, когда Европа стала зависимой и в экономическом, и в военном отношении (Западная — от США, Восточная — от Советского Союза). Европу, по сути, разделили на части, на сферы влияния. При этом некоторые крупные страны, такие как Германия и Польша, вообще потеряли суверенитет, на их территории были расположены иностранные войска.

После добровольного ухода СССР с международной арены Европа сделала лихорадочную попытку объединиться и вновь стать одним из центров мировой политики, создав Европейский Союз и включив в него страны Центральной и Восточной Европы. Однако это не решило проблем, а лишь усугубило их. Произошло «расширение НАТО на восток», и новые члены ЕС стали проводниками влияния США.

Ситуация еще более ухудшилась с началом процесса «брэксита» и торговых войн. «Брэксит» еще раз показал неспособность Брюсселя контролировать национальные правительства и неумение европейской бюрократии договариваться и учитывать ситуацию в конкретных странах. И независимо от его итогов серьезно пострадают и сама Британия, и ЕС в целом. Причем не только в том, что касается имиджа, но и в том, что касается финансовых рычагов и веса в ВТО, МВФ и других структурах. Торговые войны показали, что США не собираются даже минимально учитывать интересы европейских союзников.

Ко всему этому добавляется миграционный кризис, который привел к нарастанию противоречий между основной страной ЕС — Германией — и другими членами, прежде всего странами Южной Европы, с одной стороны, и Восточной (так называемая Вышеградская группа — Польша, Венгрия, Чехия и Словакия), с другой. Попытки прижать эти страны, в том числе ограничить их экономическое сотрудничество с Китаем, наталкиваются на жесткое противодействие и неподчинение.

Таким образом, все большее число стран начинают строить свои отношения с Китаем без оглядки на Брюссель. Греция, Венгрия, Польша, Чехия, Испания, Сербия, Черногория — это страны, которые находятся в серьезной зависимости от КНР и лоббируют в Европе интересы Китая. В конце 2018 г. к ним прибавилась Португалия — Си Цзиньпин заезжал в эту страну в декабре, на пути с саммита в Аргентине, и подписал меморандум о взаимопонимании, который, по мнению китайцев, может послужить образцом для остальных.

С этого года к ним присоединилась Италия. В ходе недавней поездки Си Цзиньпина (март 2019) она подписала с Китаем порядка 30 соглашений на инвестиции в итальянские порты в рамках ОПОП на 2,5 млрд евро. Это вызвало резкую критику со стороны Германии, призвавшей Брюссель блокировать эти сделки. Франция также высказала обеспокоенность, но в ответ получила подписание контрактов на закупку 300 самолетов «Аэрбас» (чего добивалась с начала прошлого года) и замороженных цыплят в общей сумме на 40 млрд евро. А канцлер ФРГ Ангела Меркель и председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер прилетели в Париж специально для встречи с Си, не дожидаясь запланированного на 9 апреля саммита КНР — ЕС.

Серьезную головную боль европейцам доставляет, разумеется, Украина. Участие ведущих стран ЕС в осуществлении на Украине американского сценария дополнительно поставило их в зависимость от заокеанского партнера и серьезно ухудшило ситуацию с поставками в Европу нефти и газа из России.

Расширение НАТО на восток привело не только к росту угроз безопасности РФ, но и к угрозам безопасности всех стран, которых коснулось расширение — от Прибалтики до Болгарии. При этом военный и ядерный зонтик перестал быть бесплатным — торговля по поводу того, сколько платить, продолжается, но платить, очевидно, придется.

В целом можно сказать, что европейцы попались на миф о «золотом миллиарде», который был в моде некоторое время назад. Они были убеждены, что уж они в этот «зо-

лотой миллиард» войдут точно. Оказалось, что в условиях кризиса существующей модели мировой экономики Европа войдет в этот «золотой миллиард» только небольшой частью своей элиты. И то в том случае, если она будет выполнять чужую волю. Результат осознания этого факта — всплеск популизма и радикализма, появление «новых правых» и националистов, рост их популярности в ведущих европейских странах.

На этом фоне продолжается рост китайских инвестиций в страны Европы и проникновение китайского капитала в различные сферы европейской экономики. Этому способствуют серьезные ограничения, которые ввели в последние два года США и Австралия. В результате инвестиции Китая в Европу превысили инвестиции в США и Канаду почти в 10 раз (за первую половину 2018 г. — 20 млрд долларов против 2,5 млрд долларов, завершённые сделки — 12 млрд против 2 млрд). При этом основные инвестиции идут в те страны, которые проводят благоприятную для Китая политику и не выполняют требования Европейской комиссии — Великобританию, Венгрию, Грецию, Польшу.

Существенно изменились основные направления инвестиций — теперь это недвижимость, финансовые услуги, туризм, индустрия моды, индустрия развлечений и здравоохранение, а не производство товаров.

Такова общая ситуация с положением Европы в мировом геополитическом противостоянии США и Китая. И при этом именно ЕС по-прежнему является основным торгово-экономическим партнером России. Несмотря на санкции, «поворот» на Восток и утверждения, что таковым является Китай — торговля РФ с КНР уступает торговле России со странами ЕС примерно в три раза (без учета транзита через Белоруссию). Еще хуже соотношение по части инвестиций, как накопленных, так и текущих — за последний год инвестиции только со стороны германского капитала в РФ выросли и составили 3 млрд евро, в то время как инвестиции из Китая по большей части остаются на бумаге (если не считать крупных проектов, находящихся под патронажем глав государств).

Е.И. Сафронова

Новые моменты и вызовы в отношениях КНР со странами развивающегося мира

В последние два-три года так называемая лозунговая дипломатия Пекина показала свою способность к модернизации в отношениях КНР с развивающимся миром (далее — РМ). Так, концепция «сообщества единой судьбы», сформулированная КНР в 2013 г., в исполнении для развивающегося мира предстала как симбиоз испытанного десятилетиями тезиса об общности исторических судеб и текущих задач Китая и развивающихся стран, с одной стороны, и нового лозунга о созвучии китайской мечты с «мечтами дружественных государств», с другой. Похоже, что с самого начала «адресатом» концепции «сообщества единой судьбы» КНР избрала развивающийся мир в силу его политической и экономической податливости. Но, выдвигая новые концепции, Пекин столкнулся и с новыми вызовами: лозунг о совпадении «китайской мечты» с «мечтами» развивающихся стран не всегда находит понимание. Пекин предпочитает работать с правящими властями и элитами РМ, а рядовое население несет основное бремя реализации амбициозного сотрудничества, мало что имея «для себя» (Камбоджа, Мьянма, Габон, Камерун и др.). Это способно составить проблему внешней политики и пропаганды КНР на длительную перспективу.

В практическом плане развивающийся мир недавно принял на себя роль «колыбели» китайских военных баз и опорных пунктов. Так, начал функционировать «пункт материально-технического обеспечения» (ПМТО) ВМС Китая в Джибути, задуманный и как механизм силовой защиты проекта ОПОП, и как площадка антитеррористической активности вдоль восточного побережья Африки. Это первая военная база КНР за рубежом.

Однако создание ПМТО в Джибути породило новые вопросы: в Африке полагают, что строительство этой военной базы — «неудачная попытка» Китая подражать «жестью силе» западных держав и «шаг в неправильном направлении».

Подозрения в «неоколониалистских» устремлениях Китая стали подкрепляться сетованиями на проведение им политики «долговой ловушки». Так, в 2018 г. Китай пообещал Африке новые 60 млрд долл. кредитов, что обострило дискуссию о том, зачем КНР финансировать страны, неспособные погасить долги: возможно, это попытка заключить РМ в «долговую ловушку», дабы потом получить собственность или доступ к природной ренте.

Вспоминается передача стратегического порта Хамбантога в Шри-Ланке в аренду китайской компании на 99 лет в обмен на уменьшение долга страны. Высказывается мысль (правда, оспариваемая Пекином и Коломбо), что порт впоследствии может быть использован под создание военной базы для слежения за активностью Индии. Аналогичные передачи Китаю активов или сдача в залог объектов имели место в Кении и в Камеруне.

Вместе с тем налицо спад фактической (не декларативной) инвестиционной активности Китая из-за кризисных явлений в глобальной экономике и в экономиках развивающихся стран. Так, в ряде стран Африки и в Венесуэле обостряется проблема с погашением задолженности и получением новых кредитов от Китая в связи с внутренним экономическим и политическим кризисом. При этом практикуемая Китаем модель хозяйственных связей с РМ — «займы в обмен на природные ресурсы» — начинает давать ощутимые сбои. Эта модель, похоже, эффективна только в условиях политической и финансовой стабильности и подвержена немалым рискам, если «что-то пошло не так». И Венесуэла — яркий тому пример.

Новый момент и в том, что если ныне КНР хочет добиться признания своего лидерства не только в РМ (здесь это уже произошло), но и на глобальном уровне, то ситуация вокруг Венесуэлы как раз и предоставляет Китаю возможность «обкатать» новую линию поведения воистину мирового «игрока». В РМ от Китая начинают ждать не просто заявлений в поддержку развивающихся стран, но ощутимого рвения за его интересы согласно многочисленным заявлениям Пекина о том, что КНР — друг развивающегося мира и всегда будет выступать в их защиту. РМ ожидает «повышения статуса» КНР с политико-декларативного и экономического лидера развивающихся стран до статуса их активного заступника, а не продуцента лозунгов и дружественных заверений.

Новый деликатный момент в отношениях Китая с РМ сопряжен с приходом к власти в ряде важных стран консервативных и правых сил (Аргентина, Бразилия, Чили, Эквадор и др.). Так, президент Бразилии Ж. Болсонару заявил о своей поддержке США по многим мировым и региональным вопросам, включая венесуэльский. Хотя Китай и является ключевым торговым партнером Бразилии, однако появляются реальные опасения за судьбу БРИКС в случае, если президент Болсонару захочет либо «оптимизировать» участие его страны в БРИКС, либо вообще покинуть эту структуру. Тогда этому проекту будет нанесен немалый урон, что не может не сказаться на авторитете всех стран-учредителей.

Еще одно новое обстоятельство в контактах КНР с развивающимся миром — нарастающая нестабильность в ряде его регионов, чреватая не только серьезными политико-экономическими, но и гуманитарными последствиями. В одной только Венесуэле насчитывается до 400 тыс. иммигрантов из КНР (в дополнение к уже существовавшей там китайской диаспоре в 130 тыс. человек). И, похоже, именно сейчас для Китая встает во весь рост сложнейшая задача защиты его граждан и объектов собственности в развивающемся мире. Этому же требуют и интересы ОПОП. Трудность здесь в том, чтобы найти

пути урегулирования, не скатываясь в соблазн проведения «гуманитарной интервенции». Иначе десятилетиями нарабатываемый авторитет Китая в РМ будет подорван.

С.В. Уянаев

Инициатива «Пояс и путь» и российско-китайское «сопряжение» в Евразии

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) вскоре после ее оглашения предстала как системная программа, которая за счет внешнеэкономических (прежде всего мощных инвестиционных), а также внешнеполитических механизмов призвана обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье и в то же время решить ряд структурных проблем развития экономики КНР, тем самым решительно подкрепив общий поступательный алгоритм внутреннего и международного развития Китая. ИПП была вписана в базовые установки КНР — о мечте великого возрождения нации и «сообществе единой судьбы человечества». В их реализации ИПП отводится роль «созидательной платформы».

Один из очевидных импульсов ИПП — это диспропорции, возникшие как побочное следствие стремительного развития КНР, в том числе переизбыток товаров и производств. Для купирования данных проблем выдвинуты системная перестройка экономики с опорой на качество и рост внутреннего потребления, а также концепция «широкого выхода вовне». Свою роль, несомненно, играет и задача доступа на сырьевые, углеводородные рынки.

К концу 2018 г. в реализации ИПП по пяти ее главным направлениям достигнуты следующие результаты.

В части «Политических согласований» к концу сентября 2018 г. Китай подписал со 105 странами вдоль «Одного пояса, одного пути» и с 29 международными организациями 149 межправительственных документов по ИПП.

По направлению «Торговля» совокупный торговый оборот Китая со странами «Пояса и пути» за пять лет превысил 5 трлн долл., причем темпы его роста были на 4% выше динамики внешнеторгового оборота КНР в целом. Для 25 стран Китай стал самым крупным торговым партнером, подписал или вывел на более высокий уровень пять соглашений о ЗСТ.

В рамках направления «Взаимосвязанность инфраструктуры, производства и транспорта» создано 82 торгово-экономические зоны и около 4 тыс. предприятий, обеспечено около 250 тыс. рабочих мест. По новому евразийскому континентальному мосту (НЕКП) совершено порядка 13000 рейсов контейнерных поездов; железнодорожная сеть в рамках НЕКП связала почти 50 китайских мегаполисов с таким же числом городов в 15 странах Европы.

В сфере «Свободы капиталов» прямые инвестиции Китая в страны ИПП превысили 70 млрд долл., ежегодный рост — 7,2%. Стоимость планируемых контрактов — 500 млрд долл.

В области «Гуманитарных связей» КНР развивает, в частности, связи в сфере образования, пригласив свыше 300 тыс. студентов из стран ИПП.

Подход РФ к китайской концепции определяется совместным Заявлением о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП от 8 мая 2015 г., в известной степени, компромиссным документом, который обозначил главное — не отчуждение, а поиск вариантов взаимовыгодной кооперации. Истекшие годы в целом подтвердили сделанные тогда прогнозы, которые сводились к узловому тезису о том, что сопряжение чревато для России как шансами, так и определенными вызовами. В части шансов и возможностей можно по-прежнему говорить о двух основных сферах сотрудничества — инвестиционной в виде привлечения китайских капиталов в совместные инфраструктурные проекты, а также транспортно-коммуникационной, где у РФ есть надежды на плюсы в качестве страны — транзитера в рамках НЕКМ.

Пока все эти шансы продолжают носить главным образом потенциальный характер. Прорывов в крупных проектах, особенно тех, которые бы генерировались непосредственно «шелковым сопряжением», практически не видно, если не подводить под его «крышу» известные двусторонние предприятия вроде Ямал СПГ. Белым пятном остается и давняя тема привлечения китайских капиталов на Дальний Восток.

Оптимистичней видится картина «включения» РФ в постепенное формирование НЕКМ, в основном применительно к Транссибу западнее Урала. Однако становится все более туманной судьба ВСМ Москва — Казань. Иными словами, шансы остаются, но есть и вопросы по их реализации.

Сохраняют значение и ранее спрогнозированные вызовы. Один из основных — вопрос противоречий в целевых установках между ИПП, ратующей за максимум торговых свобод, и ЕАЭС, нацеленного на защиту рынков стран-участниц. Пока данный вызов не имеет критических проявлений, но он не способствует реальной и плодотворной работе. Торговое соглашение ЕАЭС-КНР, подписанное в 2018 г. в Астане, — шаг в верном направлении. Но в контексте реального сопряжения он носит пока начальный характер.

Другой известный вызов — снижение интереса перевозчиков к сибирскому и дальневосточному участкам Транссиба, поскольку развивающийся мост «Китай — Европа» через Казахстан для Китая более выгоден. Теоретически не снят и вопрос о прохождении данного моста полностью в обход РФ (через Центральную Азию — Турцию). Правда, отмечен рост грузопотока с северо-востока КНР, что потенциально сохраняет для КНР интерес к дальневосточным портам РФ, а значит и надежды на совместную модернизацию восточного участка Транссиба и региональных железнодорожных сетей в целом.

На вопрос «сопряжения» во многом проецируются известные проблемы двустороннего формата. Например, по словам академика С.Г. Глазьева, в РФ отсутствует механизм кредитования совместных проектов. Не способствует сотрудничеству РФ и КНР и растущий дисбаланс в объемах экономик. Но все эти вызовы не отменяют необходимости адаптации к китайскому мега-проекту, поскольку очевидно, что КНР вряд ли от него откажется. Задачей РФ является оптимальное использование шансов, предельная минимизации рисков и потерь при общем понимании важности (особенно в нынешнем международном контексте) углубления всеобъемлющего партнерства с Китаем.

В.Е. Петровский

Большое евразийское партнерство как важное направление повестки двусторонних отношений

Предложенная российским президентом Владимиром Путиным идея Большого евразийского партнерства (БЕП) призвана гармонизировать различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды.

Опираясь на представление В.В. Путина о БЕП как о потенциальном широком интеграционном контуре в Евразии, мы можем представить Большое евразийское партнерство как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения процессов евразийской экономической интеграции и предложенной Китаем инициативы «Пояса и Пути» (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Первый контур — концептуализация БЕП и перспективы его формирования в контексте российско-китайского стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия, которые рассматриваются на фоне интеграционных процессов в АТР. Последние, в свою очередь, связаны с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли, включая Азиатско-тихоокеанскую зону свободной торговли (АТЭС), всеобъемлющее региональное экономиче-

ское партнерство (ВРЭП), а также продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Второй контур содержит основной компонент создания БЕП, связанный с процессом сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской ИПП. Последняя является одним из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей реализации она коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

ИПП и, в частности, ее сухопутная часть, «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) — комплексная инициатива и мега-проект нового типа. Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) — ЕАЭС. ШОС при энергичном развитии может стать центральным институтом создания сообщества Большой Евразии. Развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого евразийского сообщества.

Третий контур формирования БЕП — процессы развития приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии (СВА). Ускоренное освоение и развитие российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири имеет принципиальное значение для реализации экономической стратегии России, модернизации российской экономики, придания ей инновационного характера и интеграции в экономическое пространство АТР. Решение этих задач требует значительного усиления взаимодействия России со странами АТР, прежде всего с Китаем и его северо-восточными провинциями (что, впрочем, не принижает интереса России к развитию всестороннего приграничного сотрудничества с другими странами региона — Японией, КНДР и Республикой Корея).

Контур трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР — необходимое условие и предпосылка для формирования остальных контуров интеграции и сотрудничества в рамках БЕП. Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ИПП находится в прямой зависимости от их безопасности.

Как представляется, гарантии безопасности такого рода могут быть обеспечены лишь сотрудничеством и координацией политики КНР и РФ, в том числе, в рамках ШОС. Они создадут предпосылки для устойчивого и беспрепятственного процесса реализации инициативы ЭПШП и ее сопряжения с процессами Евразийской экономической интеграции.

С.Л. Сазонов

Проблемы и перспективы инфраструктурной интеграции РФ и КНР в рамках концепции «ОПОП»

Первостепенное значение в обеспечении транзитных перевозок по континентальному сухопутному маршруту КНР — Европа через территорию РФ имеет функционирование Транссибирской магистрали (ТСМ). Сегодня транспортировка груза по ТСМ осуществляется в 2,5–3 раза быстрее в сравнении с морским маршрутом, но при этом перевозка по ТСМ сегодня вдвое-втрое дороже морского фрахта. Так, цена перевозки 20-футового контейнера составляет 5–6 тыс. долл. по сравнению с примерно 2 тыс. долл. при морском варианте транспортировки. Такой уровень стоимости транспортировки делает потенциально сложным использование западного полигона Транссиба не только для перевозки в Россию китайских товаров, но и для обслуживания транзитного грузопотока из Китая и стран АТР в Европу. Чрезмерно высокие тарифы ОАО «РЖД» создают китайским отправителям и грузоперевозчикам много проблем, поскольку для получения минимальной прибыли приходится «собирать» по всем провинциям страны и комплектовать

на транзитных складах небольшие партии и небольших по объемам грузов с высокой добавленной стоимостью для последующего формирования полностью заполненного железнодорожного состава, направляющегося в европейские страны.

В свою очередь европейским экспортным компаниям приходится выбирать такие виды грузов для отправки в КНР и страны АТР через территорию РФ, которые имеют значительную себестоимость и небольшой габарит, чтобы обеспечить достаточную прибыль при транспортировке с учетом чрезмерных тарифов ОАО «РЖД». Эта проблема приводит к тому, что при транзитных перевозках через территорию РФ большинство составов из стран ЕС в восточном направлении идут либо недогруженными, либо следуют порожняком для возврата китайским владельцам. Китайские специалисты в области железнодорожных перевозок отмечают, что маятниковые евразийские железнодорожные маршруты на практике зачастую превращаются в поездки с обратным холостым пробегом — в 2018 г. лишь около 40% поездов из Европы были заполнены товарами.

Ежегодный объем товарооборота Северо-Восточного Китая со странами АТР превышает 15 млн т грузов при тенденции его дальнейшего роста, а объем транзита через территорию Приморского края РФ составляет менее 1%. Однако экспортный поток северо-восточных провинций КНР, из которых только Ляонин имеет выход к морю через свои порты (Далянь, Цзиньчжоу, Инкоу), осуществляется в основном через крайне загруженную железнодорожную магистраль Харбин — Чанчунь — Шэньян — Далянь протяженностью свыше 800 км (что значительно увеличивает себестоимость перевозимой продукции) с последующей отправкой экспортных грузов через порт Далянь или еще более отдаленный порт Тяньцзинь (расстояние более 1 тыс. км). Перевозка основной номенклатуры сельскохозяйственных и промышленных товаров провинций северо-восточного Китая в центральные и южные регионы КНР по железным дорогам также представляет серьезную проблему вследствие наличия больших объемов грузов, предъявляемых к транспортировке по железным дорогам другими провинциями КНР — в 2018 г. из-за лимитирующих ограничений железнодорожной сети Китая провинции Северо-Востока страны не смогли обеспечить вывоз более 130 млн т грузов.

Поэтому основную выгоду от инициативы создания ОПОП Россия может извлечь из совместного с китайской стороной освоения проектов развития международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», через которые по восточному полигону Транссиба осуществляется перевозка товаров и грузов северо-восточных провинций КНР до морских портов Приморского края для последующей их транспортировки в южные порты Китая или страны АТР. МТК «Приморье-1» через КПП Забайкальск — Маньчжоули, Гродеково — Суйфэньхэ связывает Хэйлуцзян с портами Владивосток, Находка и Советская Гавань, а МТК «Приморье-2» через КПП Махалино — Хунчунь позволяет вывезти грузы из провинции Цзилинь через российские южные порты Приморского края — Зарубино, Славянка, Посьет.

Потенциальный объем грузовой базы этих двух российских международных транспортных коридоров очень значителен. К 2030 г. общий объем грузопотока из провинций СВК по этим МТК может превысить 55 млн т (из которых только по МТК «Приморье-2» может составить 35 млн т грузов и около 2 млн контейнеров). Одновременно расширится объем экспорта российских компаний в провинции Северо-Востока КНР. В перспективе возможно привлечь также транзитный поток грузов через российскую территорию из стран ЮВА, Республики Корея и Японии. Снижение стоимости транспортировки 1 т груза из северо-восточных провинций КНР по маршрутам МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» составит 20 долл. (автомобильным транспортом) и 10 долл. (железными дорогами), что позволит ежегодно сокращать общий объем логистических расходов на 0,5 млрд долл. С 2030 г. ежегодный объем прибыли стивидорных, портовых и ло-

гистических компаний может превысить 90 млрд руб. (автомобильных и железнодорожных перевозчиков — 50 млрд руб., портовых компаний — 40 млрд руб.).

Расчеты, основанные на существующих ставках морского фрахта и автомобильных/железнодорожных тарифах, свидетельствуют, что капиталовложения в модернизацию и развитие инфраструктуры МТК смогут окупиться через 10 лет (при средней доходности 10% годовых), а основную выгоду будут приобретать транспортные компании Приморского края РФ, чья доля в общем объеме прибыли может превысить 75%. Кроме того, в 2030 г. перевозчики Приморского края смогут аккумулировать до 10% общего объема грузопотока между провинциями СВК и центральными/южными регионами КНР (до 40 млн т), а деятельность российских транспортных, логистических, стивидорных компаний приведет к росту ВРП Приморского края на 30 млрд руб. и позволит к 2030 г. обеспечить увеличение налоговой базы ДФО РФ на 5,5 млрд руб.

А. Ч. Мокрецкий

Позиции сторон по важным международным проблемам и положению в «горячих точках»

Лидеры России и Китая неоднократно заявляли о приверженности всеобъемлющему стратегическому взаимодействию и доверительному партнерству в двусторонних отношениях. Позиции двух стран по многим ключевым международным вопросам, согласно официальной версии, совпадают или близки, в документах звучит и следующая формулировка: «стороны едины во мнении». Действительно, между двумя государствами наблюдается общность целей: а) развитие и модернизация; б) совпадение подходов к обеспечению глобальной и двусторонней безопасности, территориальной целостности и суверенитета каждой из стран; в) приверженность международному праву и Уставу ООН.

Достаточно посмотреть на совместные заявления и декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики за последние шесть лет, чтобы убедиться в том, насколько широка международная и региональная двусторонняя повестка. В документах подчеркивается, что стороны достигли консенсуса по широкому спектру проблем и вопросов. Сложившийся формальный характер российско-китайских отношений является для двух стран надежным тылом в сложных современных международных реалиях. Тем не менее, практика показывает, что чем ярче демонстрируется «наилучший период в истории», тем больше противоречий на самом деле проявляется.

На наш взгляд, имеет смысл обратить внимание на используемую в совместных заявлениях лидеров России и Китая лексику. Все чаще в текстах встречается китайская терминология: «Россия и Китай, основываясь на историческом опыте и практике строительства отношений нового типа между крупными странами», «продвигать международные отношения нового типа», «двойное замораживание» и «параллельное продвижение» (если речь идет о ситуации на Корейском полуострове), «построение сообщества единой судьбы человечества», «способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка» и т.д.

Говоря об общих подходах и разночтениях/разногласиях в позициях России и Китая по «горячим точкам», стоит, прежде всего, обратить внимание на динамику голосования в Совете Безопасности ООН. С 11 мая 1993 г. по 28 февраля 2019 г. право вето использовалось 41 раз, в том числе РФ — 23 раза, США — 16 раз, КНР — 11 раз. При этом стоит отметить, что Китай всего дважды использовал это право самостоятельно: 10 января 1997 г. и 25 февраля 1999 г., остальные девять раз — совместно с Россией: 12 января 2007 г., 11 июля 2008 г., 4 октября 2011 г., 4 февраля и 19 июля 2012 г. и 22 мая 2014 г., 5 декабря 2016 г., 28 февраля 2017 г. и 28 февраля 2019 г. При этом самостоятельное использование права вето относится к концу 1990-х годов, а совместное — начиная с 2007 г. Таким образом, статистика применения права вето Китаем демонстрирует усиление координации.

Однако если посмотреть на статистику российского голосования, то картина получается несколько другая. 14 вето из 23 Москва применила самостоятельно (во всех этих случаях Пекин воздерживался). Это составляет приблизительно 61% от общего числа голосований. К ним относятся следующие резолюции: Кипр (2 раза: 11 мая 1993 г. и 21 апреля 2004 г.), Босния и Герцеговина (2 раза: 2 декабря 1994 г. и 8 июля 2015 г.), Грузия (15 июня 2009 г.), Украина (2 раза: 15 марта 2014 г. и 29 июля 2015 г.), Ближний Восток (7 раз: 8 октября 2016 г., 12 апреля 2017 г., 24 октября 2017 г., 16 ноября 2017 г., 17 ноября 2017 г., 26 февраля 2018 г. и 6 апреля 2018 г.).

События на Украине (с 2013 г.), а также проведение референдума и присоединение Крыма в состав РФ (2014 г.) можно назвать своеобразным водоразделом, который прямо или косвенно повлиял на динамику голосования двух государств в ООН. Несмотря на то, что «наилучший период в истории отношений» России и Китая предполагает совместную координацию и согласование позиций, динамика использования права вето показывает обратную картину. С одной стороны, общее количество совместного вето осталось прежним, с другой — заметно возросла доля «одионого» голосования России против невыгодных для нее резолюций. Формально совместная координация Москвы и Пекина сохраняется (КНР не голосует официально против проектов резолюций РФ, витиевато объясняя, что у вопроса есть своя история и пр.), но позиция Китая, которая выражается в максимальном неучастии, говорит об обратном.

В таких условиях необходимо поддерживать диалог со всеми заинтересованными акторами международных отношений, не склоняясь в одну сторону. Глубокий анализ «позитивных» и «негативных» факторов с учетом национальных интересов позволит России найти возможности для ускорения собственного развития, а сохранение равноправного диалога РФ со всеми сторонами будет являться гарантией безопасности, мира и процветания в целом мире.

К.В. Асмолов

Российско-китайское взаимодействие по проблемам Корейского полуострова
И Россия, и Китай категорически не заинтересованы в исчезновении КНДР с карты мира. Для них это будет означать целый комплекс проблем — от потоков беженцев до экологической обстановки, — отягощающих жизнь приграничных территорий и требующих большого количества сил и ресурсов на их решение. Кроме того, теряется важный политический и территориальный буфер, усиливается позиция США.

И Россия, и Китай хотели бы видеть Корейский полуостров зоной, свободной от напряженности и ядерного оружия (именно в такой последовательности). Желание Пхеньяна стать ядерной державой раздражает Москву и Пекин в основном, потому, что запускает порочный круг эскалации напряженности. Именно поэтому Москва и Пекин всегда выступают за разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова политико-дипломатическим путем, а во время шестисторонних переговоров пытались привести к компромиссу обе стороны.

Кроме того, в течение последних лет геополитическое соперничество между Вашингтоном — с одной стороны, Москвой и Пекином — с другой, существенно обострилось. И дело здесь не только и не столько в личности нового президента США.

Российско-северокорейские отношения отличаются от отношений КНР и КНДР, и Москву не стоит воспринимать как младшего партнера Пекина. В данном вопросе китайско-российский союз — не столько союз друзей, сколько объединение, связанное общей проблемой.

С одной стороны, по сравнению с Китаем наши возможности влиять на Север ограничены, а в рамках иерархии внешнеполитических приоритетов КНДР находится у России на третьем месте после Украины или Сирии. С другой стороны, из-за этого Москва не очень пытается навязывать КНДР свою повестку и учить ее жить, отчего отно-

шения двух стран можно назвать стабильно дружественными. Отношение к России и к русским в КНДР существенно отличается в лучшую сторону по сравнению с отношением к китайцам.

Теперь о том, как в Москве и Пекине видят текущее положение вещей. Ситуация нас более чем устраивает, поскольку де-факто соответствует российско-китайской концепции «двойной заморозки». В рамках таковой предполагалось, что КНДР объявит мораторий на ядерные испытания и ракетные пуски, а США воздержатся от действий, обостряющих региональную обстановку. При этом такой статус может длиться неограниченно долго, пока Пхеньян и Вашингтон декларируют курс на диалог, а не разрывают его. Полная денуклеаризация видится как желательная, но мало достижимая цель, однако процесс важнее результата, а направленность важнее скорости. Россия поддерживает данную тенденцию и в целом полагает, что усилия КНДР, которая уже пошла на некоторое количество необратимых действий, должны быть минимально вознаграждены, а текущий процесс переговоров не должен превратиться в односторонние уступки.

Логично, что на фоне усиления противостояния Москвы, Пекина и Вашингтона позиция двух стран будет сводиться к тому, чтобы, с одной стороны, продолжать поддерживать КНДР, а с другой — не дать диалогу угаснуть. Процесс может идти черепашьим шагом, в нем возможны «временные трудности», но пока этот диалог идет, текущий статус полуострова находится в режиме «двойной заморозки», что соответствует национальным интересам России и Китая.

Мы понимаем, что обе стороны приближаются к черте, когда лимит односторонних и необременительных уступок будет исчерпан. В такой ситуации диалог может быть либо разорван, либо искусственно растянут, и нас устраивает второй вариант.

Если говорить о конкретных действиях, то их можно разделить на несколько направлений.

Во-первых, Россия и Китай оказывают Северу политическую и экономическую поддержку, стараясь не выходить за допустимые рамки. КНДР нужна китайская и российская поддержка на случай, если США будут жестко требовать необратимых и односторонних уступок, ничего не давая взамен. При этом ни Москва, ни Пекин не собираются вовлекаться в защиту КНДР чрезмерно.

Во-вторых, Россия и Китай пытаются воздействовать на США с тем, чтобы «хорошее поведение КНДР» было вознаграждено ослаблением санкционного давления.

В-третьих, Москва и Пекин работают с Сеулом, поддерживая его в желании ослабить межкорейскую напряженность, хотя политика Сеула кажется двойственной. Во многом вследствие этого США, в свою очередь, разыгрывают северокорейскую карту в отношениях с Россией и Китаем, обвиняя их в нарушении санкционного режима.

В текущей внешнеполитической ситуации Россия и Китай могут считать положение дел на Корейском полуострове своей «малой победой», если сосредоточиться не на скорости процесса, а на его направленности. При неизменности трендов Республике Корея стоит позаботиться об усилении сотрудничества в этом направлении, чтобы курс на диалог и постепенное ослабление напряженности продолжались как можно дольше.

А.К. Криворотов

Политика Китая в Арктике: национальные и международные аспекты

По итогам событий последних двух лет можно констатировать завершение первого этапа арктической активности Китая, длившегося примерно с конца XX века.

Его основные задачи не были сформулированы в официальных документах. Но, судя по практическим действиям китайской стороны, такими задачами, вполне успешно решенными, стали:

– первичное накопление критического объема научной информации об Арктике;

– поэтапное встраивание Арктики в инициативу «Пояс и путь», которое шло параллельно с концептуальным оформлением самой этой инициативы;

– активная работа со всеми арктическими государствами для отыскания оптимальных «точек» китайского проникновения в Заполярье (такowymi в итоге стали Гренландия, Исландия, а затем также Россия и отчасти Финляндия);

– формальное признание интересов КНР в регионе через получение статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете (2013 г.).

Начало нового этапа было ознаменовано публикацией в январе 2018 г. Арктической политики Китая. Главное ее положение — недвусмысленно сформулированная заявка КНР, как «приарктического государства», на участие в управлении макрорегионом, причем в рамках общего активного позиционирования страны на мировой арене. Представляется обоснованным замечание А.Н. Пилясова, что «все действия Китая в Арктике, включая и новую официальную арктическую политику, нужно понимать в контексте его претензии на роль главного двигателя, главного сторонника, защитника и драйвера глобализации в современном мире, в том числе в Арктике».

В то же время, по многим направлениям документ сформулирован весьма широко, оставляя за КНР свободу выбора содержательных, географических и отраслевых приоритетов. Очевидно, что проектам, желающим включиться в программу «Ледового шелкового пути», предстоит достаточно жесткая конкуренция и с другими регионами мира, и друг с другом по таким критериям, как инфраструктурная обеспеченность, политическая значимость и сроки окупаемости китайских инвестиций.

Период после принятия Арктической политики был насыщен активной практической работой, в которой выделяются новые моменты.

Во-первых, начата реализация арктических инвестиционных проектов в рамках «Пояса и пути». Прежде всего, безусловно, следует назвать российско-китайско-французский завод «Ямал СПГ», который был запущен в декабре 2017 г., а в ноябре 2018 г., на год раньше планового срока, вышел на максимальную мощность. Он имеет для России принципиальное значение как опыт масштабного сотрудничества с КНР и освоения Арктики на новых хозяйственных принципах, как инструмент для закрепления страны на мировом рынке сжиженного газа и ведущий источник формирования грузовой базы для Северного морского пути (СМП).

В то же время нельзя не отметить, что проект реализован в строгом соответствии с неписанным правилом «Пояса и пути» — широким участием китайской стороны в его уставном капитале (29,9%), финансировании (63%), поставке оборудования и закупках готовой продукции. Предприятия КНР, в частности, создали новое для страны производство теплообменников для установок сжижения газа (поставив 85% всех модулей), при этом возможность кооперации с российскими компаниями не рассматривалась.

Кроме того, проект получил масштабные налоговые и иные льготы: освобождение от НДС и экспортных пошлин, право самостоятельно экспортировать 100% продукции, сооружение порта, портового ледокольного флота и аэропорта за счет бюджетных средств и др. Размер господдержки беспрецедентен для России, но теперь будет невольно восприниматься инвесторами как исходная база для сравнения с другими проектами.

Во-вторых, китайские научные и транспортные организации ведут интенсивную проработку арктических транзитных путей, оценивая маршруты через Россию на общих основаниях. Так, одновременно с транзитом по СМП (в ходе которого китайские суда, кстати, стремятся по минимуму заходить в российские порты) китайцы изучают перспективы судоходства по Северо-Западному проходу через Канадский Арктический архипелаг и по высокоширотному трансполярному маршруту. За прокладку волоконно-оптической линии связи между Европой и Восточной Азией конкурируют финский проект (че-

рез Северную Норвегию и далее по трассе СМП) и американский (через арктическую Канаду, Аляску и Тихий океан).

С ноября 2017 г. запущен первый проект «Пояса и пути» в Северной Европе — регулярное железнодорожное сообщение из Сианя (КНР) через Казахстан и Центральную Россию в Коуволу (Финляндия). Далее грузы могут направляться по железной дороге как внутри Скандинавии, так и в норвежский незамерзающий заполярный порт Нарвик, связанный контейнерными линиями с США и Канадой. При этом весьма ограниченным остается китайский транзит по азиатскому «плечу» Транссибирской магистрали, что привело к торможению связанных с ним проектов высокоскоростной магистрали Москва — Казань и «Белкомур» с выходом на порт Архангельска.

В-третьих, наблюдается кратное расширение масштабов научной деятельности КНР в Арктике. Еще пару лет назад у страны была лишь одна полярная станция на Шпицбергене и одно научно-исследовательское судно (НИС) ледового класса «Сюзелун», закупленное на Украине еще в 1990-х годах и раз в два года проводившее экспедиции в Ледовитом океане. К началу 2019 г. появились еще две станции — в Исландии и Гренландии и новое НИС «Сюзелун-2», построенное по финскому проекту на китайской верфи. Начиная с 2018 г. китайские арктические экспедиции проводятся ежегодно, причем объем открытой информации о них ограничен и имеет тенденцию к постепенному сокращению.

Прикладную направленность этих НИОКР хорошо иллюстрирует китайский проект численного прогнозирования арктической природной среды и погоды на основе спутниковых данных, запущенный в декабре 2018 г. Официально было заявлено, что проект расширит участие КНР в управлении Арктикой и будет способствовать строительству «Полярного шелкового пути».

В-четвертых, значимым фактором развития общемировой Арктики стал китайский туризм. Он, как показывает опыт ряда стран, может служить для КНР эффективным средством регулятивно-распорядительной деятельности китайских властей, в том числе в Арктике.

В-пятых, международные условия реализации «Пояса и пути» осложняются. Масштабный рост внешних инвестиций КНР (причем по жесткой модели, которая предусматривает всестороннее доминирование китайской стороны) наталкивается на растущее сопротивление как развивающихся стран-реципиентов, так и Запада. Достаточно вспомнить торговую войну, объявленную Китаю президентом США Д. Трампом, или крайне жесткий в отношении КНР документ, выпущенный 12 марта 2019 г. Европейской комиссией.

Кроме того, в действиях американского политического и особенно военно-морского руководства проявилась новая, весьма неблагоприятная тенденция — стремление проецировать на Арктику глобальную стратегию сдерживания России и Китая. Причем США делают основной упор на внеэкономические рычаги. В отношении союзников по НАТО применяется прямой политический нажим в целях ограничить их сотрудничество с Китаем: характерные примеры — визит М. Помпео в Исландию в феврале 2019 г. или запрет на покупку китайской компанией бывшей (ныне закрытой) военно-морской базы в Гренландии, введенный властями Дании под давлением Вашингтона. В отношении же КНР и России военные круги США заявляют о готовности к активным операциям ВМС по защите свободы судоходства в Северном Ледовитом океане, причем только для государств — членов Арктического совета.

В этих условиях для эффективной реализации и защиты российских национальных интересов настоятельно необходимо выработать долгосрочное и достаточно детальное видение места и роли нашей страны в Арктике. Дискуссии последних лет о проектах Стратегии пространственного развития России (утверждена 13 февраля 2019 г.) и оставшегося непринятым Федерального закона о развитии Арктической зоны России наглядно

продемонстрировали несовместимость эффективной региональной и внешней политики с либеральной макроэкономическим курсом.

Наметившееся осложнение отношений Китай — ЕС создает для России как потенциальные проблемы, так и новые возможности (и не только в Арктике). С одной стороны, у КНР может несколько ослабнуть интерес к поиску новых торговых маршрутов в Европу, хотя практические потребности торговли всё равно будут требовать продолжения этой работы. С другой стороны, возможно некое смягчение китайских подходов, которое может быть полезно РФ при условии четкого осознания собственных российских интересов.

Н.С. Замаева

РФ и КНР на Ближнем Востоке и в Южной Азии (на примере реализации Китайско-пакистанского экономического коридора)

2018–2019 гг. выявили несколько характерных черт в реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), являющегося флагманским проектом китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП):

- впервые заявленные пакистанской стороной разногласия между Исламабадом и Пекином по вопросам реализации проекта;
- географическое расширение ОПОП, подключение к проекту КПЭК региона Персидского залива (КСА и ОАЭ);
- обострение региональных проблем, тормозящих продвижение ОПОП (Афганистан, Индия, страны СААРК);
- противоречивый переговорный процесс по урегулированию ситуации в Афганистане;
- блокировка США и Индией китайской инициативы ОПОП;
- усиление напряженности между Индией и Пакистаном в феврале-марте 2019 г.;
- продвижение ОПОП на Азиатском континенте и одновременно разрушение механизма региональной интеграции на примере блокировки ранее достигнутых договоренностей (СААРК).

Итоги трехлетней реализации проекта КПЭК:

- приоритетное строительство города-порта Гвадар, который является точкой сопряжения сухопутной и морской составляющих инициативы ОПОП. Другие объекты, возводимые в рамках КПЭК, являются вспомогательными или второстепенными;
- по состоянию на январь 2019 г. только 9 млрд долл. из 46 млрд долл., согласованных Исламабадом и Пекином в 2015 г., освоены Пакистаном на строительстве объектов КПЭК.

Турбулентный период в пакистано-китайских отношениях стартовал в одночасье с приходом к власти премьер-министра Имран Хана и его партии «Движение за справедливость Пакистана» (ДСП) в августе 2018 г.

Неминуемо надвигавшийся экономический кризис в стране отчасти был спровоцирован Китаем. Ряд положений подписанного в апреле 2015 г. премьер-министром Н. Шарифом и председателем КНР Си Цзиньпином соглашения уже тогда вызывал вопросы, например, непрозрачность финансовых схем оплаты проектов. Но пока в Пакистане открытая критика проекта остается под запретом.

Дополнительная напряженность в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г. была вызвана задержкой платежей китайским компаниям со стороны Пакистана (власти Пакистана должны бизнес-партнерам из КНР 6,017 млрд долл.).

В свою очередь Пакистан осенью 2018 г. высказал претензии Китаю в связи с отсутствием ранее обещанных социальных программ в рамках КПЭК, а также «кабальных», по мнению Исламабада, условий планируемого к подписанию Договора о свободной торговле (ДСТ). «Масла в огонь» добавило решение США в 2018 г. приос-

тановить оказание финансовой и военной помощи Исламабаду в рамках программы борьбы с терроризмом.

Новый премьер-министр Пакистана возлагал надежды на «всепогодного друга». Имран Хан старался заверить китайцев в том, что его страна — надежный экономический и стратегический партнер. Однако обе стороны приложили усилия, чтобы «погасить» слухи о финансовой обременительности проектов КПЭК для бюджета Пакистана. Этому есть объяснения.

Политический кризис в Пакистане в 2017–2018 г. укрепил позиции генералитета, который играет ведущую роль при решении важных экономических, внутривластных, внешнеполитических задач. Иными словами, в Пакистане с 2017 г. по настоящее время налицо гражданская модель развития под контролем военных. Поддержание добрососедских отношений с Китаем — часть стратегии государственной безопасности Пакистана. Визит начальника штаба сухопутных войск генерала К. Баджвы в Пекин в октябре 2018 г. урегулировал недоразумения и вновь подтвердил, что Китай является единственным стратегическим партнером Пакистана.

По итогам двух визитов высокопоставленных пакистанских чиновников правительство КНР отказало властям Пакистана в финансовой помощи на урегулирование валютного кризиса, но одновременно согласилось предоставить льготные кредиты на сумму 5,874 млрд долл. для строительства транспортной инфраструктуры. Экономическая и отчасти дипломатическая зависимость Пакистана от Китая подтолкнули Исламабад сделать заявление, что прибыли от инвестиций в пакистанскую экономику перевесят эти выплаты.

Непродолжительный кризис в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г. китайская сторона нивелировала также обещания инвестировать в социальные программы: образование, сельское хозяйство, борьбу с бедностью, здравоохранение и профессиональную подготовку молодежи.

Тем не менее, отказ Китая предоставить финансовую помощь или пересмотреть условия контрактов заставил Исламабад обратиться к другим адресатам: Международному валютному фонду (МВФ), Малайзии, Турции и богатым странам Персидского залива (Королевству Саудовская Аравия и Объединенным Арабским Эмиратам). По времени это совпало с планами Китая продвигать инициативу ОПОП далее, за пределы пакистанского Гвадара, через Ормузский пролив на другой континент, в страны Персидского залива, КСА и ОАЭ.

По итогам визита наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана в Китай 22 февраля 2019 г. КСА и КНР заявили о новой модели сотрудничества — «усилении синергизма стратегий развития и обеспечении интеграции интересов двух стран». На начальном этапе (2019–2025 гг.) это означает совмещение саудовской программы реформ «Видение 2030 г.» с китайской инициативой ОПОП.

Цель саудовского «Видения 2030 г.» — утвердить КСА в качестве мирового инвестиционного центра, учитывая мощные финансовые возможностями королевства, которые направлены на стимулирование местной экономики и диверсификации доходов.

Пакистан, вернее его территория, в новом «персидском проекте» ОПОП рассматривается и Пекином, и Эр-Риядом как транспортная логистическая составляющая между Китаем и странами Аравийского полуострова, сухопутная континентальная база и одновременно старт морского пути (порт Гвадар) для сопряжения саудовской концепции «Видение 2030 г.» и китайской инициативы «Пояса и пути».

Наследный принц КСА по итогам визита в Пакистан в феврале 2019 г. предоставил Пакистану пакет финансовой помощи. Одновременно подписан ряд соглашений на сумму 20 млрд долл., большую часть которых планируется пустить на строительство

нефтеперерабатывающего комплекса в пакистанском Гвадаре для очистки сырой нефти, поставляемой из КСА, для дальнейшей транспортировки нефтепродуктов в Китай.

Строительство саудовского нефтеперерабатывающего завода в Гвадаре — это открытый вызов Ирану. Тегеран в ответ заявил, что не обеспокоен «конструктивным взаимодействием» какой-либо страны с Пакистаном, но Пакистан как ответственная страна обязан не допустить, чтобы «сотрудничество использовалось против другой страны».

Региональные проблемы, тормозящие продвижение ОПОП:

– длительный, часто бескомпромиссный переговорный процесс по урегулированию ситуации в Афганистане между США и движением «Талибан» отодвигает на неопределенное время старт центрально-азиатской части китайской инициативы ОПОП;

– Индия и США блокируют продвижение проекта КПЭК в регионе;

– китайская инициатива ОПОП разрушает согласованные в прежние годы торгово-экономические договоренности стран региона (СААРК, АСЕАН).

В.Е. Петровский

Российско-китайское сотрудничество в многосторонних форматах

Координация внешнеполитической деятельности РФ и КНР, включая согласование позиций в различных международных форматах и институтах глобального управления, является важным компонентом российско-китайских отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего стратегического взаимодействия.

В данном контексте особенно важна координация деятельности России и Китая в рамках ООН. Наиболее успешными примером такой координации является согласованная позиция двух стран по вопросу о ситуации вокруг Корейского полуострова. Консолидированная позиция РФ и КНР по этому вопросу была отражена в «Совместном заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова» от 4 июля 2017 г.

В этом документе стороны выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования.

При этом необходимы дальнейшие консультации сторон по другим вопросам координации внешнеполитической деятельности в рамках ООН, таким как выработка согласованной позиции по вопросу о реформе ООН (включая реформу ее Совета Безопасности), а также согласование позиций по конкретным внешнеполитическим проблемам (кризис в Венесуэле, вопрос о сербско-косовском урегулировании на Балканах и пр.).

Важной темой двусторонней координации остается вопрос о перспективах развития и реформирования Всемирной торговой организации (ВТО), особенно на фоне усилий администрации Д. Трампа принизить ее значение в мировой торговле как «устаревшей», вплоть до полного разрушения ВТО. В данном контексте возрастает роль координации усилий КНР и РФ по обсуждению вопросов реформирования ВТО в рамках «большой двадцатки» (G20).

Координация усилий сторон в формате Восточноазиатского саммита (ВАС) могла бы сосредоточиться на вопросах торгово-экономической интеграции в АТР, а также на продвижении совместного российско-китайского предложения о создании новой системы региональной безопасности в АТР на основе внеблокового, сетевого подхода и инклюзивности.

Координация усилий России и Китая в рамках АТЭС могла бы быть направлена на укрепление потенциала организации по обсуждению широкого круга вопросов регио-

нальной экономической интеграции в противовес усилиям США ослабить и принизить значение АТЭС.

Сохраняет свою актуальность согласованная позиция сторон по реформе квот взносов и доли стран БРИКС в Совете директоров МФВ и Всемирного банка.

Особое значение имеет координация внешнеполитических подходов России и Китая в работе таких региональных и трансрегиональных организаций и платформ по диалогу, как формат «Россия — Индия — Китай» (РИК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

В формате РИК Россия призвана играть роль медиатора по урегулированию спорных и конфликтных ситуаций в китайско-индийских отношениях. На КНР и РФ как основателях ШОС лежит особая ответственность за состояние и перспективы развития организации, особенно после присоединения к ШОС Индии и Пакистана. ШОС может сыграть конструктивную роль в нормализации индо-пакистанских отношений, а также предложить региональную альтернативу укреплению режима ядерного нераспространения, поскольку Индия и Пакистан были приняты в организацию в качестве «неофициальных» ядерных держав.

На России и Китае лежит особая ответственность по сохранению и укреплению диалогового формата БРИКС, особенно после того, как в 2019 г. страной-председателем БРИКС стала Бразилия. Ее новоизбранный президент Ж. Болсонару известен своей склонностью к праволиберальной политике и симпатиями к Дональду Трампу, что чревато потенциальной возможностью размывания или даже полного разрушения формата БРИКС.

В этой связи КНР и РФ могли бы предпринять дополнительные согласованные усилия по обеспечению преемственности повестки дня БРИКС на стратегическую перспективу (включая концепцию «БРИКС +» и др.), сформулированной в ходе китайского председательства в БРИКС в 2018 г.

Сотрудничество России и КНР в сфере безопасности стало в новейшей истории одним из основополагающих факторов, влияющих на выстраивание отношений между двумя государствами. Безопасность самого крупного континента планеты — Евразии обуславливает безопасность мирового сообщества в целом. Именно из Евразии наиболее удобно контролировать как указанные транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших региональных государств — Китая, Индии и России. Поэтому обеспечение безопасности в Евразии будет по-прежнему иметь существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности России и Китая.

Основные угрозы и вызовы стабильности и безопасности Евразии связаны с наличием практически во всех государствах региона значительных групп населения, проповедующих идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующих для достижения своих целей методы и инструментарий террористической борьбы. Причины распространения терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центральной и Южной Азии объясняются как объективными историческими условиями формирования государств региона, так и субъективными факторами, связанными с внутренней политикой в этих государствах, а также политикой, проводимой соседними государствами.

Российско-китайское взаимодействие в решении проблем обеспечения безопасности в Евразии, а также в борьбе с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, осуществляется, в основном, в рамках ШОС, в которой данные страны занимают лидирующее положение. При этом следует отметить, что с самого начала Россией и Китаем был заложен концептуальный фундамент такого взаимодействия, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая база.

Для эффективной и целенаправленной работы по данной проблеме в ШОС создана и активно работает Региональная антитеррористическая структура (далее — РАТС). На РАТС возложена задача содействовать национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям. В сфере деятельности РАТС находится также анализ текущего состояния, а также тенденций в распространении терроризма и экстремизма с одновременным сбором информации о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам.

А.Ю. Ефимов

Россия и Китай: проблемы экологической безопасности и борьбы с климатическими изменениями

Экологические проблемы Китая — не только внутреннее дело этой страны. На исходящее из Китая атмосферное и водное загрязнение жалуются соседние с КНР страны — Южная Корея, Япония, озабоченные судьбой Меконга страны ЮВА.

Предпринимаемые Китаем меры по охране окружающей среды, его стремление к низкоуглеродному развитию встречают позитивную реакцию со стороны мирового сообщества, ведь Китай — крупнейший в мире эмитент (почти 30%) парниковых газов. КНР — активный участник Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), ратифицировавший саму конвенцию, Киотский протокол и Парижское соглашение. Руководители КНР постоянно выступают за противодействие климатическим изменениям и координацию общемировых усилий.

Тема экологического благополучия и противодействия изменениям климата звучит и в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). На втором саммите ОПОП ожидается запуск Международной ассоциации зеленого развития ОПОП.

Экологическая ситуация в Китае в 2017–2018 гг. постепенно улучшалась. В 2018 г., по данным МЭОС, показатель среднегодовой плотности мелкодисперсных частиц PM_{2,5} в среднем по Китаю составил 39 мг/куб. м (снижение на 9,3%).

Но озабоченность экологов вызывает то, что в 2018 году власти Китая заметно смягчили подход к борьбе с атмосферным загрязнением и загрязнителями. Причины ясны — замедление экономического роста и необходимость поддержки национальных компаний. В 2017 и особенно в 2018 г. потребление угля вновь выросло (на 0,4% в 2017 г. и на 1% в 2018). Растут выбросы CO₂ — рост составил 2,5%.

Китай является одним из главных источников финансирования угольных электростанций за пределами КНР — зарубежные угольные электростанции совокупной мощностью в 102 ГВт (из общемирового объема в 399 ГВт) строятся за 36 млрд долл. из КНР.

Китай не отказывается и от двустороннего обсуждения актуальных экологических тем. На межправительственном уровне экология и охрана окружающей среды обсуждаются в рамках Подкомиссии по охране окружающей среды Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. В ее структуре действуют три рабочих группы: по предотвращению загрязнения окружающей среды при ЧС экологического характера, по мониторингу качества вод трансграничных водных объектов, по вопросам сохранения биоразнообразия. В сентябре 2018 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в обращении с отходами.

На уровне бизнеса и неправительственных организаций в рамках Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития в декабре 2014 г. создан Экологический совет. Его цель — содействие в установлении прямых контактов с деловыми организациями и экспертным сообществом, оказание информационно-аналитического сопровождения двусторонним проектам.

Россия, как и Китай, — участница РКИК, хотя Парижское соглашение нашей страной пока не ратифицировано (ожидается после 2019 г.).

Китайская сторона регулярно приглашает Россию присоединиться к экологическим программам китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Россия и Китай могут и должны обмениваться информацией о наилучших практиках в экологии, осуществлять совместное продвижение экологических ценностей. В рамках сопряжения инициатив ЕврАзЭС и ОПОП необходимо стимулирование «более зеленого поведения» в общем экономическом пространстве. Важным аспектом взаимодействия могло бы стать сотрудничество в экологических аспектах «пояса и пути», чтобы инфраструктурные и энергетические проекты ОПОП не подрывали международные усилия по противодействию климатическим изменениям.

А.В. Островский

РФ — КНР: торгово-экономическое сотрудничество

КНР стабильно является одним из ведущих торговых партнеров Российской Федерации. В 2018 г. объем их двусторонней торговли составил 107 млрд долл. Однако при этом Россия после сильного обвала рубля на валютном рынке с конца 2014 г. не входила даже в десятку ведущих партнеров Китая (11-е место по объему внешней торговли). По показателям объема двусторонней торговли с Китаем в 2018 г. Россия сопоставима с такой страной, как Бразилия — 110,9 млрд долл. и заметно отстает от лидеров двусторонней торговли — США, Японии, Гонконга, Республики Корея, Тайваня, Германии и Вьетнама.

Китай выглядит предпочтительным и оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков. Кроме того, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. И, наконец, заметный рост торговли с Китаем косвенно будет содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея.

Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место как крупному поставщику энергоносителей, сырья и рынку сбыта китайских товаров, включая технически все более сложные изделия машиностроения и электроники.

В настоящее время большая часть поставок нефти и природного газа в Китай осуществляется из арабских стран и ряда стран Африки (в первую очередь, Анголы) через узкий Малаккский пролив в Юго-Восточной Азии, который может легко быть блокирован в случае чрезвычайной ситуации. Поэтому Китай заинтересован в альтернативных маршрутах поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии по сухопутным маршрутам и из Латинской Америки через Тихий океан.

В связи с этим Китай активно инвестирует в развитие газовой промышленности в Туркменистане, нефтяной и газовой промышленности в Казахстане. На китайские деньги был построен и запущен в эксплуатацию газопровод с месторождения Южный Иолотан в Туркменистане через Узбекистан и Казахстан (через погранпереход и зону свободной торговли Чунджа — Хоргос). Чтобы обеспечить маршруты поставок энергоресурсов из Венесуэлы, Китай занялся реализацией дорогостоящего проекта строительства канала из Атлантического океана в Тихий через Никарагуа. Кроме того, для организации поставок в обход Малаккского пролива был введен в эксплуатацию порт Гвадар в Пакистане, через который по сухопутному маршруту в Китай через Хунджерабский перевал шесть месяцев в году можно доставлять различные грузы, включая нефть и природный газ в цистернах.

В области разработки лесных ресурсов импорт леса из России обеспечивает более 50% внутреннего спроса в условиях существующего запрета на вырубку леса в Китае. В дальнейшем объемы импорта будут увеличиваться.

Развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства позволит Китаю снять острую нехватку пахотных земель и водных ресурсов за счет налаживания производства на российских территориях. Приграничные территории Китая и России имеют схожие климатические условия. Это позволяет за счет использования на российских землях китайских трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники выращивать и производить сельскохозяйственную продукцию, в частности, необходимые для Китая соевые бобы, в Амурской области, Алтайском и Приморском краях. Кроме того, ставится задача стимулировать китайские предприятия к разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, калия, фосфора, глинозема, редкоземельных элементов. Подчеркивается перспективность создания на российской территории совместных предприятий в легкой промышленности и исследовательских центров в различных областях высоких технологий, где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика и т.п.) — на китайские средства, но с привлечением российских специалистов и разработок. Безусловно, реализация подобных предложений китайской стороны позволила бы существенно нарастить масштабы и диверсифицировать двустороннее российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

Финансовое сотрудничество двух стран становится все более тесным, однако его уровень остается недостаточным и не соответствует потребностям торгово-экономического взаимодействия и кооперации в научно-технической и производственной сферах. Развитию торгового и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР должно способствовать активизировавшееся в последние годы сотрудничество банков двух стран, ранее резко отстававшее от потребностей обеспечения взаимного товарооборота. В настоящее время в России уже работают филиалы четырех основных банков Китая — Торгово-промышленного, Сельскохозяйственного, Строительного и Банка Китая («Банк Элосы»). В Китае, к сожалению, большая часть банков, за исключением Банка ВТБ-24, имеет лишь представительства, а не филиалы из-за недостаточных объемов уставного и привлеченного капиталов, что существенно сдерживает как развитие инвестиционного сотрудничества, так и двусторонней торговли.

Пока в торгово-экономических отношениях между РФ и КНР слабо задействованы финансовые рычаги, торговля осуществляется через валюту третьих стран, преимущественно американский доллар. В конце 2018 г. китайская сторона отказалась подписывать соглашение о переходе в торговле на валютный обмен «рубль — юань» из-за волатильности российского рубля.

Инвестиционный фактор вплоть до настоящего времени играл незначительную роль в формировании структуры и объемов российско-китайской торговли. По данным на конец 2014 г., по словам полномочного министра Посольства КНР в РФ Чжан Ди, общий объем накопленных китайских инвестиций в России составил около 8 млрд долл. (менее 1% объема китайских инвестиций за рубежом), с выделенными кредитами — примерно 32 млрд долл.

Еще хуже обстоит ситуация с российским капиталом на китайской территории. Ежегодно приток российских инвестиций в КНР колеблется от 20 до 60 млн долл. в год, что составляет менее 0,02% общего объема иностранных инвестиций в КНР. В частности, в 2014 г. объем российских инвестиций в КНР составил всего 40,8 млн долл. при общем объеме иностранных инвестиций 119,6 млрд долл.

В обеих странах основные перспективы инвестиционного сотрудничества связываются с реализацией ряда крупных проектов по поставкам углеводородов (нефти и газа) из России в Китай и с дальнейшим развитием транспортной сети для наращива-

ния объемов двусторонних перевозок и международного транзита грузов через территории двух государств.

Традиционно основными направлениями инвестиций российских компаний в Китай являлись торговля, финансовая деятельность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспортные перевозки. Однако в последнее время в связи с резкой девальвацией рубля и удорожанием китайских товаров, предназначенных для реализации на российском рынке, наблюдается сокращение инвестиций из России в торговые операции и транспортные перевозки на территории КНР. Сегодня основными направлениями российских инвестиций в Китае являются финансовая деятельность — 95%, торговля — 4% и обрабатывающая промышленность — 1%.

В настоящее время можно выделить несколько основных аспектов российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, которые оказывают принципиальное влияние на развитие интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии и подтягивание экономического потенциала азиатской части России до уровня ее европейской части.

Можно рассчитывать, что по мере дальнейшего роста китайской экономики и развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества будет происходить не только одностороннее усиление китайской экономики за счет российских природных ресурсов, но и экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири в результате создания большого количества инфраструктурных объектов.

Можно выделить четыре наиболее перспективных направления российско-китайского сотрудничества: 1) энергетическое; 2) транспортное; 3) инвестиционное и 4) межбанковское. Однако в настоящее время значительные объемы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества связаны с развитием торгового обмена между странами. Прочие формы сотрудничества находятся в зачаточном состоянии, что во многом стало главной причиной спада российско-китайской торговли в 2015–2016 гг., особенно в стоимостном выражении.

М. В. Александрова

Российско-китайское межрегиональное сотрудничество

Торгово-экономические связи с КНР в различной степени поддерживают практически все субъекты Российской Федерации. Для некоторых из них экономическое взаимодействие с Китаем стало за последние 25–30 лет жизненно важным. В последние два года в повестку многих межгосударственных мероприятий так или иначе включён региональный аспект, поскольку 2018–2019 гг. являются для наших стран «Годами межрегионального взаимодействия».

Попытки обсудить межрегиональное экономическое взаимодействие на высоком уровне начались с середины 90-х годов XX в., но первым результатом стала «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» (далее Программа). По состоянию на сентябрь 2018 г. в стадии реализации находилось 20 проектов этой Программы, из них 9 — с участием китайских инвесторов, 11 — без их участия. В стадии подготовки технической и нормативно-правовой документации, а также в стадии поиска инвесторов и ведения переговоров с потенциальными инвесторами — 8 проектов, 5 проектов утратили актуальность, реализация двух проектов в рамках Программы завершена.

Тем не менее при всей своей слабости и непроработанности Программа стала катализатором создания новых механизмов экономического взаимодействия регионов наших стран.

В ходе 23-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР в ноябре 2018 г. была согласована «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-

экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы», которая стала «условным» продолжением предыдущей Программы.

Существенным различием, которое бросается в глаза, является отсутствие в названии Северо-Востока Китая. Т.е. данная программа рассчитана на китайские инвестиции в целом, а не только трех провинций северо-востока КНР.

Другой отличительной чертой нового документа стало уменьшение «навязываемых» инвесторам проектов. В общей сложности предложено 6 проектов в нефтегазовой сфере, 11 проектов по освоению и переработке твердых полезных ископаемых, включая освоение месторождений золота, платины, руд цветных металлов и пр., 7 проектов в области транспорта. В отношении остальных сфер указаны лишь общие контуры и направления, в которых китайские инвестиции интересны дальневосточникам. При этом настаивает раздел «Сельское хозяйство», в котором для китайских инвесторов предлагается «обширный земельный банк, включающий более 2,5 млн га посевных площадей и 4 млн га пастбищ и сенокосов».

Крайне странным выглядит пункт 3.4. в разделе «Государственная политика по поддержке иностранных инвесторов на Дальнем Востоке Российской Федерации и возможности для инвесторов из Китайской Народной Республики». В нем указывается, что «в случае, если инвестор из Китайской Народной Республики планирует реализацию нового инвестиционного проекта на Дальнем Востоке России в месте, где пока не создана территория опережающего развития, российская сторона будет оценивать возможность распространения режима территории опережающего развития путем расширения границ одной из действующих территорий или создания новой территории опережающего развития на указанном месте». Другими словами, именно китайские инвесторы вправе указывать российской стороне, где для них предпочтительно создавать ТОРы.

В дополнение к «Программе 2018–2024», в которой сельское хозяйство фигурирует как отдельная отрасль инвестиционного взаимодействия, в ходе этой же встречи глав правительств был подписан «План развития сельского хозяйства Северо-Востока Китая и российских Дальнего Востока и Байкальского региона» (с российской стороны его подписали министр сельского хозяйства Дмитрий Патрушев и министр экономического развития Максим Орешкин). Как отметил при этом Патрушев, «китайские инвестиции в российское сельское хозяйство составляют 13% всех иностранных инвестиций в этой сфере, большая их часть вложена в дальневосточном регионе». На сайте Министерства коммерции КНР указывается, что подписанный план представляет собой систематизированный документ, регулирующий сотрудничество в области сельского хозяйства на приграничных территориях двух стран. Его целью является улучшение сельскохозяйственной инфраструктуры, повышение степени безопасности сельхозоборудования, а также развитие сельскохозяйственной техники и увеличение производства основных сельхозкультур. Основными направлениями сотрудничества будут зерноводство, животноводство, рыбоводство, а также маслостроительная промышленность. Страны планируют взаимодействовать по вопросам выращивания соевых бобов, поливного риса, овощей. Будет развиваться, в том числе, скотоводство, свиноводство, птицеводство. Планируется создание животноводческих и рыбоводческих совместных российско-китайских ферм с дальнейшей переработкой и производством продукции с высокой добавленной стоимостью. Помимо этого, стороны планируют создание логистических узлов и объектов для транспортировки выращенной сельхозпродукции и произведенной переработанной продукции.

Тем не менее, несмотря на столь масштабные мероприятия, направленные на повышение роли Дальнего Востока в российско-китайском региональном сотрудничестве, на данный момент этот регион занимает лишь 3–4-е место в общем товарообороте с Китаем, уступая Москве по экспорту в КНР в 4–6 раз, а по импорту — в 7–8 раз. Хотя, разу-

меется, в этой статистике много лукавства, достаточно упомянуть, что более 96% экспорта столицы приходится на статью «топливо минеральное и нефть».

Для Дальнего Востока торговля с КНР составляет 28,4% внешнеторгового оборота (ВТО) ФО. При этом именно в ДФО расположены 3 субъекта федерации, у которых сформировалась максимальная степень зависимости от торговли с КНР — это Еврейская автономная область (94% ВТО), Забайкальский край (90,9%) и Амурская область (82,7%).

Для китайской стороны значимость экономического взаимодействия с Россией не столь очевидна. Только для одной провинции КНР — Хэйлуунцзяна — сотрудничество с Россией жизненно важно.

В 2018 г. значимость России для Хэйлуунцзяна значительно выросла. Товарооборот провинции с нашей страной составил 18,5 млрд юаней или 69,8% ВТО провинции и 17,3% двустороннего товарооборота наших стран. Темпы прироста составили 64,7%, что на 28,3 процентных пункта выше темпов прироста ВТО провинции и на 40,7% выше, чем темпы прироста суммарного российско-китайского товарооборота. Экспорт провинции в Россию составил 1,13 млрд долл., 74,1% экспорта пришлось на три позиции: сельхозпродукция, машино-техническая продукция и обувь. Импорт из РФ более чем на 80% представлен сырой нефтью, поступающей по нефтепроводу «Сковородино-Мохэ».

Если со взаимным товарооборотом всё более-менее прозрачно, то со статистикой взаимных инвестиций по-прежнему много нестыковок.

Например, указывается, что в 2018 г. доля китайских инвестиций составила 7% от общего объёма инвестиций в регион. Одновременно говорится о том, что в 2018 г. в ТОРы и Свободный порт ДФО пришло 32 китайских проекта с инвестициями в объёме 4,2 млрд долл. При этом в октябре 2018 г. на официальном сайте Минвостокразвития было указано, что на сегодняшний день на дальневосточных территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток работает 76 компаний с участием иностранных инвестиций, а общая стоимость этих проектов составляет 253,2 млрд рублей (4,019 млрд долл.). Если это так, то доля китайских инвестиций в ТОРы и свободный порт Владивосток составляет не 7%, а более 100% всех инвестиций.

У китайской стороны также существуют проблемы с подсчетом инвестиций, вложенных в российскую экономику. Так, в марте 2016 г. губернатор Хэйлуунцзяна Лу Хао указывал следующие объёмы провинциальных инвестиций в Россию: 2013 год — 510 млн долл, 2014 г. — 1,48 млрд долл, 2015 г. — 4,17 млрд долл. В сентябре же 2016 г. тот же Лу Хао озвучил иные цифры провинциальных инвестиций в Россию: 2013 г. — 407 млн долл., 2014 г. — 700 млн долл, 2015 г. — 4.1 млрд долл.

При этом, по сообщениям китайских СМИ, на конец 2017 г. объём прямых нефинансовых инвестиций провинции в Россию составил всего 2,979 млрд долл., инвестирование было осуществлено в 674 объекта. Другой источник на конец 2017 г. указывает, что было инвестировано в 574 фирмы, количество объектов — то же.

Провинция Хэйлуунцзян, как заявляет китайская сторона, — «самый большой» китайский инвестор в России, на нее приходится треть всех китайских инвестиций в РФ. Предприниматели Хэйлуунцзяна работают во всех 18 ТОРах, где ими открыты 146 фирм, российской стороне в виде налогов и сборов выплачено 300 млн долл, создано более 5 тыс. рабочих мест. Указывается что предприниматели Хэйлуунцзяна инвестировали в 222 проекта в аграрном секторе на территории России, которые обрабатывают 8,7 млн му (580 тыс. га) российской земли. На хэйлуунцзянских фермах в России насчитывается 11 тыс. голов крупного рогатого скота, 80 тыс. свиней, 430 тыс. голов птицы. К сожалению, подтверждение этому в официальной статистике найти практически невозможно, поскольку китайские предприниматели действуют через подставные российские фирмы.

Ещё более абсурдная ситуация складывается со статистикой провинции Цзинь, которая, оказывается, инвестировала в 28 проектов на территории России на громадную по сегодняшним меркам сотрудничества общую сумму в 18,4 млрд долл.

В заключение следует отметить, что каких-либо серьёзных «прорывов» в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве в 2019 г. ожидать сложно. Единственное, что может значительно вырасти — доля углеводородов в экспорте Приморского края в связи с запуском в декабре 2019 г. «Силы Сибири». Ожидать значительных китайских инвестиций на Дальнем Востоке не следует, все предложенные на ВЭФ проекты более похожи на прожекты, даже те, о которых громко заявляют обе стороны. К примеру, проект ООО «Амурская энергетическая компания» в ТОРе «Приамурская» приостановлен, поскольку главный инвестор — хэйлуцзянская компания «Мэн Лань Син Хэ» — не смогла предоставить его финансовое обеспечение.

В.А. Матвеев

РФ — КНР: нефтегазовый и энергетический вектор двухстороннего сотрудничества

Замедление экономики Китая, наблюдаемое в последние годы, не приведет к снижению импорта нефти и газа. Зависимость страны от поставок нефти из-за рубежа растет угрожающими темпами и достигнет в 2019 г. 72,8% по сравнению с 68,4% годом ранее.

При этом Россия перешла на позиции ведущего поставщика нефти в Китай. В настоящее время для подачи нефти в КНР даже снимается часть европейской квоты и перенаправляется в Китай через Казахстан, где планируется расширение нефтепровода Омск — Павлодар — Атасу — Алашанькоу. С 2019 г. «Роснефть» хочет увеличить экспорт по этому маршруту с 10 млн до 13 млн т, а в середине 2020-х годов — до 18 млн т в год.

В целом, в 2018 году объем поставок нефти от «Роснефти» в Китай составил 50 млн т. «Роснефть» поставляет нефть в Китай (в основном в адрес CNPC) по долгосрочным контрактам трубопроводами по отводу от ВСТО Сковородино — Мохэ, через Казахстан, а также танкерами из порта Козьмино.

Предполагалось, что важным направлением развития сотрудничества «Роснефти» с CNPC станет реализация совместного проекта Тяньцзиньского НПЗ. Однако в связи с неулаженными проблемами финансирования проекта он пока откладывается.

Что касается сферы сотрудничества в электроэнергетике, то его поле между Россией и Китаем сужается. Импорт электроэнергии из России в настоящее время небольшой и имеет тенденцию к сокращению. Если в 2015 г. стоимость импорта электроэнергии составляла 170 млн долл., то в 2017 всего 143 млн долл.

На ведущее место в энергетическом сотрудничестве двух стран выдвигается газовая отрасль. В Китае происходит настоящая газовая революция, среднегодовой рост потребления газа в стране продолжает расти двухзначными цифрами. К этому же подталкивает нарастающий дефицит нефти. Именно газовая промышленность объективно становится сегодня определяющим фактором дальнейшего развития экономики Китая, а ускоренная газификация страны является актуальнейшей проблемой.

При таких масштабах перехода экономики на газ его собственная добыча в Китае уже не покрывает растущие потребности народного хозяйства. Поэтому в среднесрочной перспективе взят курс на значительное увеличение инвестиций в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет укрепить энергетическую безопасность страны и оптимизировать ценовую конкуренцию между экспортерами газа. В 2018 г. импорт газа в Китае составил около 125 млрд куб.м, а в 2019 г. уже 137 млрд куб.м должно быть закуплено за рубежом.

С конца 2019 г. после ввода в действие трубопроводного проекта «Сила Сибири-1» мощностью 38 млрд куб.м Россия станет серьезным конкурентом на газовом рынке Китая для действующих поставщиков из стран Центральной Азии и Мьянмы. Для Севе-

ро-Востока Китая российский газ является более конкурентоспособным в сравнении с центрально-азиатским газом и СПГ.

Кроме того, Россия и Китай обсуждают еще два трубопроводных проекта: «Сила Сибири-2» (бывший «Алтай») и газопровод «Сила Сибири-3».

Проект «Сила Сибири-2», раньше называвшийся «Алтай», будет начинаться от Уренгойского центра газодобычи мощностью 30 млрд куб.м и базируется на сырьевой базе газопроводов, транспортирующих газ в Европу.

«Сила Сибири-3» будет являться продолжением уже существующего магистрального газопровода Сахалин—Хабаровск—Владивосток с шельфовых месторождений «Сахалин-3» с ныне скорректированной мощностью в 10 млрд куб.м. Таким образом, Россия в среднесрочной перспективе способна обеспечить поставку в Китай до 80 млрд куб.м трубопроводного газа.

Весьма важно, что российско-китайское сотрудничество в газовой сфере предусматривает не только поставку в Китай российского природного газа, но и совместную деятельность в сферах с более высокой добавленной стоимостью, в частности, создание в Китае газораспределительных газопроводов, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа и т.п. Достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере.

Кроме того, Китай участвует в проекте «Ямал СПГ» российской компании НОВАТЭК. CNPC принадлежат 20% акций, Фонду Шелкового пути — 9,9%, французской Total — 20%. Завод мощностью в 16,5 млн т в год вступил в строй в декабре 2018 г. и теперь продает газ собственным акционерам пропорционально их долям.

В целом бизнесу НОВАТЭКа по продаже СПГ способствует существенный рост цен на газ — в третьем квартале 2018 г. НОВАТЭК продавал СПГ в среднем по \$312 за 1000 куб.м против \$264 — во втором. При этом зимой НОВАТЭК сумел договориться о своповых (по схеме замещения) поставках с другими производителями СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что позволило российской компании сократить транспортные издержки и выполнить обязательства перед своими партнерами в Юго-Восточной Азии.

На финишной прямой находится обсуждение второго проекта НОВАТЭКа по сжижению газа «Арктик СПГ-2» стоимостью 35 млрд долл. и мощностью 19,8 млн т (запуск в 2023 году). С CNPC также обсуждается ее вхождение в проект, наряду с Total и Saudi Aramco.

П.Б.Каменнов

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество

Военное сотрудничество России и Китая является регулярным и распространяется, прежде всего, на отработку взаимодействия при проведении антитеррористических операций. С 2005 г. в рамках ШОС регулярно проводятся совместные антитеррористические военные учения стран-участниц организации «Мирная миссия». С 2012 г. ежегодно проводятся двусторонние военно-морские учения «Морское взаимодействие».

В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств РФ и КНР в Москве впервые были проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность—2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страной или внешней террористической организацией. В декабре 2017 г. в НИИ ПВО и ПРО Академии ВВС НОАК (Пекин) прошли совместные двухсторонние компьютерные командно-штабные учения (ККШУ) России и Китая «Воздушно-космическая безопасность—2017».

В декабре 2017 г. в г. Иньчуань (КНР, Нинся-Хуэйский АР) были проведены первые совместные антитеррористические учения сводной группы сил спецназа Росгвардии и Народной вооруженной полиции (НВП) Китая «Сотрудничество—2017».

В сентябре 2018 г. Китай принял участие в крупнейших со времен маневров «Запад-81» военно-стратегических учениях Вооруженных сил РФ «Восток 2018».

Военно-техническое сотрудничество между РФ и КНР сохраняет свое значение для модернизации китайских вооруженных сил. В 2016–2017 гг. осуществлялась реализация двух контрактов на поставку российской военной техники в Китай: 24 истребителей Су-35 поколения «4++» (заключен осенью 2015 г.) и четырех дивизионов зенитных ракетных систем С-400 (заключен осенью 2014 г.). Завершение поставок запланировано на 2020 г. Кроме того, в ноябре 2018 г. заключены три новых контракта на поставку российских вооружений в КНР.

По мнению российских аналитиков, для углубления российско-китайского военно-технического сотрудничества сторонам следует перейти к разработке совместных долгосрочных планов развития военных технологий, которые были бы ответом на аналогичные долгосрочные программы, разрабатываемые в США. Необходимо сформировать постоянные механизмы сотрудничества по важнейшим прорывным направлениям науки и техники, исходя из анализа сильных и слабых сторон российской и китайской промышленности. Экономическая логика при этом не может целиком доминировать, поскольку сотрудничество необходимо для обеспечения национальной безопасности каждой из сторон перед лицом новых угроз и растущего давления извне.

Российско-китайское сотрудничество в космосе базируется на Межправительственном соглашении о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях от 18 декабря 1992 г. и межведомственном соглашении от 25 марта 1994 г. Результатом стали 93 контракта, включая продажу Пекину технологий строительства корабля «Союз» и другой техники, а также тренировки китайских космонавтов в Центре им. Ю.А. Гагарина.

В процессе сотрудничества выяснилось, что Китай крайне заинтересован в приобретении российских двигателей РД-180, которые могли бы использоваться им в ракетостроении, а Россия — в поставках китайской микрорадиоэлектроники космического назначения. Такой обмен начал обсуждаться на высшем уровне после прихода к власти в КНР Си Цзиньпина.

В 2016 г. было заключено соглашение между правительствами России и Китая о мерах по охране интеллектуальной собственности в области космических технологий. В 2018 г. стороны приняли Программу сотрудничества на 2018–2022 гг., куда были включены 66 тем, в том числе разработка и создание космических аппаратов и электронной компонентной базы, обмен спутниковыми данными дистанционного зондирования Земли, пилотируемая космонавтика, а также совместное развитие и использование спутниковых навигационных систем «Глонасс» (Россия) и «Бэйдоу» (Китай).

Отметим, что за годы 12-й пятилетки (2011–2015) Китай осуществил 78 космических запусков различного назначения, из которых 97% были успешными, что означает выход отрасли по показателю надежности на первое место в мире. Этот опыт китайской стороны может представлять интерес для «Роскосмоса».

А.С. Исаев

Российско-китайское сотрудничество по проблемам кибербезопасности

Сегодняшние возможности сотрудничества России и Китая в сфере кибербезопасности определяются следующими факторами:

– наличием двустороннего межгосударственного Договора о сотрудничестве в области информационной безопасности, подписанного в 2015 г.;

– существованием договоренностей о сотрудничестве стран в цифровой среде (в рамках соглашения, подписанного в 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге), договоренностей в диалоговой структуре БРИКС;

– сходством национальных концепций и правового регулирования при решении проблем цифровой безопасности, включая обеспечение суверенитета национального сегмента киберпространства;

– наличием действующего механизма сотрудничества.

В России информационная безопасность рассматривается как обязательная часть системы национальной безопасности страны, что отражено в национальной Доктрине информационной безопасности, утвержденной 5 декабря 2016 г. Согласно еще одному документу — «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» — целью России является содействие установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности. Этот документ в определенной степени близок по своему содержанию к китайской «Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве», которая появилась на три года позже.

Сходство правовых решений в области кибербезопасности позволяет России и Китаю при разных подходах к информационной политике, в том числе и в области Интернета, идти по пути взаимодействия. Объявленная Пекином и Москвой политика распространения национального суверенитета на киберпространство обязывает их искать согласованные критерии и принципы защиты такого суверенитета.

Между тем международно-правовых критериев решения этой задачи не существует. Остаются только технологические инструменты, которых у обеих сторон явно недостаточно, хотя у Китая по сравнению с Россией есть преимущества.

Процесс обеспечения киберсуверенитета затратен. Россия, к примеру, потратит на решение этой проблемы более 30 млрд руб. Расходы будут расти по мере появления новых ИКТ.

Китай более 20 лет ведет на международной арене переговоры по проблемам кибернетической безопасности. Определяющими для него в этой области являются дискуссии с США. Именно от США исходит давление на информационное пространство КНР. При этом Вашингтон обвиняет Китай в организации проникновений в сетевые ресурсы США. С конца 2016 г. накал публичных взаимных обвинений в кибератаках уменьшился — США сконцентрировали свое внимание на т.н. вмешательстве России в американские президентские выборы 2016 г. и деятельности «пропагандистских СМИ Москвы». Однако на этом фоне резко усилилось давление на китайские корпорации Huawei и ZTE, занимающиеся разработкой и выпуском оборудования для информационно-коммуникационных систем.

Россия и Китай сегодня пытаются де-факто выработать платформу для обеспечения международной информационной безопасности. Одним из первых шагов в данном направлении стало подписание в июне 2009 г. в Екатеринбурге Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности.

Между тем решение вопроса о кибербезопасности даже среди стран-членов ШОС стран сложен и запутан. Это проявляется в том, что нередко хакерские группировки одной страны проникают во внутренние ресурсы других стран, причем специалисты полагают, что это делается с целью получения нелегального доступа к технологиям и закрытой информации, для подрыва экономической инфраструктуры и т.п.

Россия и Китай взаимодействуют по проблемам кибербезопасности в ООН (серия предложений по нормам поведения в Интернете, проекты резолюций по вопросам кибербезопасности), в ШОС и РАТС (выработка согласованных мероприятий по пробле-

мам противодействия киберпреступности, внешнему вмешательству в социальную зону киберсферы и т.п.) и других международных структурах.

Таким образом, идет поиск удовлетворяющих обе стороны подходов к решению проблем, возникающих в киберсреде. Наблюдается процесс определения взаимоприемлемых критериев и инструментов обеспечения безопасного киберпространства. Параллельно между Россией и Китаем развивается экспертный диалог по проблемам ИКТ. В ходе работы российско-китайской секции международного дискуссионного клуба «Валдай» прошли обсуждения перспектив двустороннего взаимодействия в цифровой среде. Вместе с тем, следует обратить внимание на проблемы, которые сдерживают диалог и создают риски подрыва доверия.

Во-первых, это разные подходы к проведению внутренней информационной политики и работе с социумом, что, несмотря на высокий уровень сотрудничества российских и китайских СМИ, ограничивает возможности их взаимодействия в медийной среде киберпространства.

Во-вторых, возникают проблемы доверия к качеству разрабатываемых в КНР и приобретаемых зарубежными странами китайских технологий по сравнению с их западными аналогами.

И, в-третьих, существует определенная степень недоверия к практической деятельности в современной киберсреде, имея в виду частые попытки незаконного проникновения в сетевые ресурсы партнерских стран.

Российско-китайские гуманитарные связи

Российско-китайские гуманитарные связи регулируются в рамках деятельности российско-китайской межправительственной Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, которая была учреждена 20 лет назад. Эта комиссия стала важным компонентом механизма подготовки и проведения регулярных встреч глав правительств России и Китая.

Механизм развития гуманитарных связей дополняется также другими двусторонними структурами и общественными учреждениями, такими как российско-китайский Комитет дружбы, мира и развития, Общества российско-китайской и китайской российской дружбы и т. д.

Тем не менее, вплоть до настоящего времени основной движущей силой развития гуманитарных контактов между странами были административные ресурсы на центральном и региональном уровнях. Они, безусловно, сыграли свою положительную роль в количественном наращивании объемов связей в культурно-гуманитарной сфере. Однако сегодня возникла потребность обратить внимание на качественные результаты.

Обратимся к двум вопросам. Во-первых, это человеческие обмены, и, во-вторых, деятельность институтов «мягкой силы» на территориях стран-партнеров.

Мы наблюдаем расцвет взаимных визитов, а также укрепление диаспор россиян и китайцев, оказавшихся на ПМЖ в обеих странах. В России временную регистрацию на проживание имеют до 200 тысяч китайцев, почти вдвое меньше, чем 15 лет назад. К этому стоит добавить 1,5 млн китайцев, которые ежегодно посещают нашу страну с туристическими и иными целями.

Китайская диаспора в России четко структурирована и объединена. Китайские объединения на федеральном и региональном уровнях существуют в виде Всероссийской ассоциации китайских соотечественников в России, которая, в свою очередь, разделяется на региональные ассоциации. В рамках этих организационных структур существуют дополнительные ассоциации, формируемые по экономическим видам деятельности, которыми они занимаются на территории России: объединения поставщиков обуви, одежды, электроники, ассоциации китайских рестораторов, союзы специалистов традиционной китайской медицины и так далее.

Количество россиян в Китае не превышает 10 тыс. человек, включая семьи со смешанными бараками. Однако количество россиян, посещающих КНР с туристическими и деловыми целями, составляет 1,8 млн человек в год.

Российские граждане, живущие в КНР, также сформировали свои объединения соотечественников в виде русских клубов в Пекине и Шанхае. Но, в отличие от своих китайских коллег, живущих в России и структурированных по этническим и экономическим принципам, русские клубы объединяют в рамках своих структур людей по языковому признаку (русскоговорящие). Причем к русскоговорящим относятся как непосредственно граждане РФ, так и граждане других стран СНГ. Более того, в мероприятиях Русских клубов на территории Китая активно участвуют и «русскоговорящие» граждане КНР.

Китайские ассоциации, объединенные на экономических принципах, безусловно, располагают собственными финансовыми возможностями, которые позволяют им заниматься не только благотворительной деятельностью, но и финансированием акций, связанных с продвижением китайской культуры и традиций. Они располагают собственными печатными СМИ и другими информационными службами, включая мобильные. Иными словами, китайская диаспора в России живет и работает организованно, целенаправленно и активно, с использованием навыков и методик, наработанных поколениями китайцев, проживающих за рубежом и не теряющих при этом связей со своей родиной. И это очень важный инструмент китайской «мягкой силы» на российской территории, решающий, вкуче с другими, задачи по расширению культурно-гуманитарного влияния.

Вторая тема — деятельность китайских и российских учреждений, которым предписано заниматься вопросами укрепления культурно-гуманитарных связей.

В столицах КНР и РФ активно работают Российский культурный центр и Китайский культурный центр, которые проводят культурно-просветительские мероприятия, кинопоказы, осуществляют лекционную деятельность. Их работа ограничена территориями двух столиц.

В более широком географическом пространстве работают Институты Конфуция в РФ и Центры русского языка в КНР.

В России действуют 17 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция. Возможности России в Китае поменьше — 10 Русских центров и 5 Кабинетов «Русского мира». Институты и Центры базируются в университетах двух стран и призваны решать образовательные задачи и способствовать развитию культурно-гуманитарных связей.

Китайские институты Конфуция ведут на территории России активную образовательную и научно-исследовательскую работу, организуют научные конференции, в том числе по вопросам двусторонних политико-экономических и научно-культурных отношений, финансируют издательскую деятельность, организуют лекционную работу и т.д. Российские центры в свою очередь должны знакомить китайскую общественность, молодежь и профессорско-преподавательский состав со всем многообразием «русского мира», служить коммуникативной площадкой, в том числе для научно-экспертных обменов, различных культурно-просветительских мероприятий.

Однако финансовые и кадровые возможности участников этого процесса значительно отличаются. В итоге деятельность русских центров и кабинетов русского языка ограничена кадрово и финансово, что, безусловно, сказывается на качестве культурно-просветительской деятельности. В отличие от российских коллег китайские Институты Конфуция финансируются из государственных средств и не испытывают дефицита затрат.

К.А. Гемуева

Гуманитарный и экономический аспекты китайского туризма в России и странах ЕС: сходства и различия

В 2000 г. между Россией и Китаем был введен безвизовый режим для туристических групп. Осенью 2017 г. начал действовать упрощенный визовый режим на Дальнем Востоке. В 2019 г. ожидается заключение нового соглашения, предусматривающего расширение рамок безвизового туризма между странами. Стремительный рост числа китайских туристов в Россию после 2014 г. вызван преимущественно резким ослаблением рубля по отношению к юаню. По данным пограничной службы ФСБ России, за прошедшие десять лет количество граждан КНР, приехавших в Россию с туристической целью, выросло более чем в 10 раз, превысив 1,25 млн человек в 2018 г.

Наибольшей популярностью у туристов из КНР пользуются туры с посещением Москвы и Санкт-Петербурга, а также поездки в приграничные районы и на озеро Байкал. Наряду с традиционными туристическими маршрутами в России и странах ЕС развивается такое направление, как «красный туризм». В последние годы в странах ЕС отмечается возрастающий интерес китайских туристов к уникальным впечатлениям и более глубокому знакомству с местной культурой, в результате набирают популярность индивидуальные туры и путешествия в небольших группах, а также тематические туры. В то же время в России в турпотоке из Китая сохраняется высокая доля поездок в рамках организованных туристических групп. Следует учитывать возможность использования китайского организованного туризма в качестве рычага влияния в политической сфере, как это было в случае Республики Корея в 2017 г.

Для привлечения китайских туристов ряд объектов туристической инфраструктуры принимающих стран начинает адаптироваться в соответствии с их запросами. В числе подобных мер — внедрение китайских мобильных платежных платформ (UnionPay, AliPay и Wechat Pay), возможность обслуживания на китайском языке, продвижение туристических услуг принимающих стран в китайских социальных сетях. Подобные нововведения на туристическом рынке стран ЕС на несколько лет опережают их введение в России.

В течение последнего десятилетия возрос интерес китайских инвесторов к объектам туристической инфраструктуры европейских стран. Заявленные китайским бизнесом крупные инвестиционные проекты «с нуля», за редким исключением, так и остались нереализованными. Наиболее успешные результаты продемонстрировали китайские компании, инвестировавшие в профильные активы в рамках долгосрочной стратегии или развивающие сотрудничество с европейскими партнерами без агрессивной экспансии капитала.

Развитие китайского выездного туризма может привести к ряду серьезных проблем в принимающих странах.

1) «Чрезмерный туризм». В России это явление наблюдается на Байкале и в наиболее популярных музеях. Чрезмерный наплыв туристов создает большую нагрузку на транспортную и туристическую инфраструктуру городов, может привести к ухудшению экологической ситуации и протестам местного населения.

2) «Некультурное поведение». Поступки некоторых китайских туристов, нарушающих общепринятые нормы поведения и действующие нормы законодательства, негативно отражаются на международном имидже Китая. Стоит учитывать, что Китай очень болезненно относится к критике по данному вопросу, например, в Швеции единичный инцидент привел к дипломатическому скандалу между странами.

В некоторых странах (Таиланд, Вьетнам, Индонезия и Россия) коррупция, слабость правовой базы, несовершенные механизмы контроля и регулирования туристиче-

ского рынка породили лазейки для развития китайского и местного теневого бизнеса, обслуживающего китайских туристов. Наиболее острые проблемы вызывают два явления:

1) «Туры по заниженной стоимости». Теневой финансовый оборот за счет заниженной стоимости тура в Китае и завышенных цен в связанных с теневым бизнесом магазинах, ресторанах и отелях, куда направляют китайских туристов, выводит большую часть дохода от туризма из экономики принимающей страны.

2) «Нелегальные гиды». В рамках серых схем в качестве гидов зачастую привлекаются китайские граждане, не владеющие должной квалификацией и работающие незаконно. С одной стороны, туристам оказываются услуги ненадлежащего качества, с другой стороны, нелегальные гиды искажают информацию об туристических объектах, местных традициях и истории.

Для повышения прозрачности российского туристического рынка, ориентированного на прием китайских туристов, требуются решительные и целенаправленные усилия в законодательной сфере, в области контроля и регулирования туристического бизнеса. Решению поставленных задач может способствовать введение закона об обязательной классификации гостиниц, принятие закона об обязательной аттестации экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников, принятие закона, регулирующего работу иностранных электронных платежных сервисов. До тех пор, пока не будет создана четкая и действенная система регулирования рынка в интересах легальных российских участников, экономический вклад китайского туризма в российскую экономику будет крайне ограниченным.

Г.В. Куликова

Народная дипломатия в российско-китайских отношениях

Важную роль в российско-китайских отношениях играла и продолжает играть народная дипломатия.

В «медовый месяц» наших отношений (50-е годы прошлого столетия), основанных на идеологической общности и блоковой солидарности, ОКСД и ОСКД, первые в наших странах общества дружбы, своей активной деятельностью значительно сблизили наши страны и народы.

В тяжелые 1960-е — 1970-е годы, омраченные напряженностью и враждой, ОСКД продолжало свою деятельность. На II Всесоюзной конференции, состоявшейся в Москве в январе 1969 г., в самый разгар «культурной революции» в Китае, ОСКД заявило о том, что главной задачей своей деятельности считает сохранение, укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами.

III Всесоюзная конференция ОСКД в феврале 1978 г. выразила готовность возобновить контакты со своим китайским партнером — ОКСД. За период 1967–1987 гг. ОСКД было проведено более 300 различных мероприятий, посвященных памятным датам китайской истории и истории наших двусторонних отношений.

В апреле 1990 г. посетивший нашу страну премьер Госсовета КНР Ли Пэн и в мае 1991 г. — генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в Москве встретились с руководителями и активистами Общества, что подтвердило признание роли и значения ОСКД в восстановление китайско-российских общественных связей и межгосударственных отношений.

Когда в 1991 г. не стало Советского Союза и прекратили свою деятельность Союз советских обществ дружбы (ССОД) и входившие в его состав 85 обществ дружбы, народная дипломатия вновь подтвердила свою востребованность. Активная позиция председателя ОСКД, директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко, горячо поддерживаемая сотрудниками ИДВ РАН и активом Общества, привела к тому, что ОРКД не только не прекратило своей работы, а наоборот, стало искать и находить новые формы своей деятельности. В стране стали создаваться региональные отделения Общества, расширялись контакты с

ОКРД. Организации дружбы в конце 1990-х гг. — начале нового столетия поочередно провели в Москве и в Пекине восемь форумов, направленных на развитие межрегионального сотрудничества. Деятельность Общества была направлена также на распространение объективной информации о российско-китайском Договоре 2001 г., о Китае и наших двусторонних отношениях. Большое внимание в деятельности Общества стало уделяться не только знаменательным датам в истории наших стран и двусторонних отношений, но и расширению участия в этих мероприятиях учащейся и студенческой молодежи.

В начале XXI века ОКРД и его региональные отделения выступили активными инициаторами и участниками таких двусторонних крупномасштабных акций, как Национальные годы, Языковые годы, Годы молодежных обменов и Годы СМИ. ОКРД продолжает оставаться единственной в нашей стране организацией, ежегодно проводящей мероприятия, посвященные годовщинам КНР и наших двусторонних отношений, другим знаменательным событиям китайской истории.

9 сентября 2017 г. в Государственном академическом Большом театре России торжественно отмечался 60-летний юбилей ОКРД. Президент РФ В.В.Путин в своем приветственном послании отметил, что «с деятельностью Общества связана почти вся современная история российско-китайских отношений». Председатель КНР Си Цзиньпин в обращении к юбиляру подчеркнул, что «межгосударственные отношения строятся на взаимном расположении народов», и призвал «использовать юбилей как толчок к открытию новых горизонтов народной дипломатии».

Председатель ОКРД, председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике Д.Ф. Мезенцев на всех двусторонних и многосторонних мероприятиях, посвященных инициативе «Один пояс, один путь» и его сопряжению с Евразийским экономическим союзом, активно выступает за наличие гуманитарной составляющей в этих инициативах в равной мере, как и в реализации предложения Председателя КНР о «сообществе единой судьбы». Деятельность ОКРД могла бы содействовать расширению общественной базы этих важных инициатив.

2019 год — год 70-летия Китайской Народной Республики, 70-летия российско-китайских дипломатических отношений и 70-летия со дня создания Общества китайско-российской дружбы. Эти даты будут широко и торжественно отмечаться в наших странах.

Президент РФ В.В. Путин в апреле 2019 г. принимал участие в Международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине. Председатель КНР Си Цзиньпин станет главным гостем на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Во Владивостоке в сентябре 2019 г. состоится Восточный экономический форум, в Харбине пройдет российско-китайская ярмарка. Получает дальнейшее развитие межрегиональное сотрудничество. ОКРД будет активно поддерживать реализацию договоренностей, достигнутых на этих высоких встречах.

КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане

© 2019

Н.А. Замаева

Статья анализирует позицию Китая по урегулированию кризиса в Афганистане. Представлена динамика подходов Пекина с учетом внутриафганских и региональных вызовов — укрепления вооруженной оппозиции в Афганистане, ее влияния на мусульман-уйгуров Синьцзяна, усиления стратегического партнерства США и Индии в регионе. Переломным для региона стал 2015 год, когда Пекин и Исламабад подписали документы с целью создания китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

Ключевые слова: Афганистан, боевики, правительство национального единства, Китай, Пакистан, США, уйгуры.

DOI: 10.31857/S013128120005264-1

События в Афганистане и антитеррористическая кампания там коалиционных войск США и НАТО в 2001–2014 гг. поставили перед Китаем ряд вызовов:

– многолетнее военное присутствие войск НАТО в непосредственной близости от государственной границы Поднебесной;

– террористическая активность мусульман-уйгуров в Синьцзяне и активизация их борьбы за создание независимого государства;

– блокировка «мятежным» Афганистаном выхода на богатые углеводородным сырьем рынки Центральной Азии, Ирана, Турции, а также в кавказские республики и страны Евросоюза;

– соперничество с Индией за влияние на Афганистан. Укрепление стратегических отношений США и Индии — главного экономического конкурента Китая в регионе, привело в ноябре 2018 г. к исключению иранского порта Чабахар (инфраструктурный проект Нью-Дели) из санкционного списка США.

– рост напряженности в пакистано-афганских отношениях по целому ряду проблем.

Одним из новых вызовов для Китая стал заявленный президентом Д.Трампом в декабре 2018 г. вывод 7-тысячных американских войск из Афганистана. Провал военной кампании США, непоследовательность в действиях американской администрации

приведут к созданию политического вакуума и дальнейшему усилению борьбы за власть внутриафганских сил.

Пекин и Вашингтон преследуют в Афганистане разные цели. Активизация Белого дома в диалоге с движением «Талибан» (ДТ) в 2017–2019 гг. преследует цель «убедить» талибов согласиться с действующей Конституцией ИРА, сложить оружие и отказаться от шариата. Но его действия по-прежнему наталкиваются на вооруженное сопротивление оппозиции.

Курс Пекина на последовательный диалог противоборствующих сторон в Афганистане остается неизменным на протяжении всех лет конфликта. Военное, экономическое и политическое участие Китая в Афганистане обусловлено защитой внутренней безопасности и экономических проектов Поднебесной. Пекин, в одиночку или в паре с Исламабадом, последовательно «подталкивал» внутриафганские силы и страны региона признать его роль в примирении в Афганистане. Он применял гибкий подход, политике «мягкой силы», вкладывал инвестиции, наконец, вел переговоры с представителями правительства национального единства, различными политическими партиями и вооруженной оппозицией. Поиск Пекином компромиссов с афганцами лишь обострял американо-китайские противоречия в регионе, которые усилились с началом в июле 2018 г. торговой войны между двумя странами.

Афганистан занимает особое место в системе внешнеполитических приоритетов Пакистана, Индии, Ирана, Китая и России, традиционно являясь важным элементом их стратегии национальной безопасности. С учетом географического положения этой страны на стыке континентов затягивание разрешения афганского кризиса предопределило столкновение транспортно-логистических и торгово-экономических интересов указанных стран:

- китайской инициативы «поояса и пути»;
- афгано-ирано-индийского транспортного коридора от порта Чабахар и далее сухопутного маршрута в Афганистан;
- российских предложений в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и международного коридора Север — Юг.

Ситуация с безопасностью в регионе ухудшается в связи с перемещением иностранных боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ) в Афганистан. Эти вызовы можно преодолеть совокупными усилиями, но в пост-конфликтной обстановке.

События начала 90-х годов XX века в Афганистане, вооруженная борьба этнических группировок за лидерство, приход к власти в октябре 1996 г. движения «Талибан» и провозглашение Исламского эмирата Афганистан (ИЭА) оказали влияние на формирование самосознания китайских мусульман-уйгуров, проживающих в пограничном с Афганистаном регионе Северо-Западного Китая. Их призывы к борьбе за выход из состава КНР тревожили власти Поднебесной. Несмотря на международную изоляцию Афганистана в последней декаде XX века, Пекин предпринял несколько попыток наладить контакты с лидерами ИЭА.

Следуя принципу поддерживать отношения со страной, а не с отдельными администрациями, в сентябре 2001 г. Китай одним из первых признал новые власти в Афганистане после падения режима талибов. Пекин стал первой столицей, куда в январе 2002 г. Х. Карзай прибыл с официальным визитом в качестве главы переходной администрации. В июне 2006 г. Президент Х. Карзай и Председатель Си Цзиньпин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между КНР и Исламской Республикой Афганистан (ИРА). Китай оказал финансовую помощь Афганистану в восстановлении экономики, выделив около 250 млн долл. В последующие годы Пекин вкладывал миллиарды долларов в инфраструктуру, добычу полезных ископаемых и энергетические ресурсы ИРА.

Индия также оказывала финансовую помощь Афганистану, инвестировав туда с начала XXI в. 2 млрд долл.

Объявленный в январе 2009 г. президентом США Б. Обамой вывод американских войск из Афганистана активизировал действия региональных элит, дав старт выработке формулы дальнейших взаимоотношений с Кабулом. Общими были три составляющие: развитие экономических связей, формирование среды безопасности и культурный обмен.

Начиная с 2013 г. Пекин активизировал дипломатические усилия в решении внутриафганского конфликта как на региональном, так и на местном уровнях. Это совпало по времени с реализацией его инициативы «Один пояс, один путь». Провозглашалось создание единой региональной транспортно-логистической сети, один из отрезков которой планировался через афганскую территорию и далее в республики Центральной Азии или в Иран.

Дезинтеграция Советского Союза в 90-х годах XX в. открыла для Китая новые рынки государств Центральной Азии. Но путь к ним лежал через мятежный Афганистан. Стабильность социально-экономического и политического развития в Афганистане гарантировала неповторение событий 1990-х годов.

Китай следил за попытками США организовать переговоры с лидерами движения «Талибан», которых в сентябре 2001 г. они же отстранили от власти. Опыт и просчеты оппонентов Пекин использовал при формировании своей формулы посредничества во внутриафганском конфликте. Он заручился гарантиями поддержки каждой из сторон конфликта, а в регионе — в первую очередь Исламабада.

Пакистан всегда имел больше рычагов влияния на Афганистан, чем другие страны, учитывая общность исторических, культурных, религиозных языковых и этнических связей. Но главным оставался пуштунский фактор, который был решающим для официального признания Исламабадом в 1990-х годах правительства Исламского Эмирата Афганистан¹.

Пакистан — одна из трех стран (Саудовская Аравия, ОАЭ), которые установили дипломатические отношения с ИЭА в 1990-е годы. В сентябре 2001 г. под влиянием событий в Кабуле и давления со стороны США произошел крутой перелом его стратегического курса. Исламабад и движение «Талибан», вчерашние союзники, стали врагами. Тем не менее Исламабад «приютил» часть афганских талибов на своей территории. По информации пакистанских СМИ, «повелитель правоверных» эмир ИЭА мулла Омар после бегства из Афганистана в 2001 г. проживал на территории Пакистана до своей кончины в 2013 г.

Посреднические усилия Пекина в 2009–2019 гг. на региональном и международном уровнях воспринимались благожелательно, учитывая, что Поднебесная никогда не была стороной внутриафганского конфликта.

Переговорный процесс активизировался в 2014 г. в преддверии вывода войск Международных сил содействия безопасности (МССБ) из Афганистана. В июле 2014 г. МИД Китая назначил высокопоставленного дипломата Сан Ючжи специальным представителем в Афганистане. Тогда же Пекин провел первый трехсторонний форум с участием Исламабада и Кабула, объявил о финансировании ряда крупных энергетических и инфраструктурных проектов в Афганистане.

Предложения по расширению трехстороннего диалога Китай адресовал Индии и Ирану. Тогда же он обратился к Саудовской Аравии и другим странам Персидского залива, во-первых, рассматривая их в ряду основных источников финансирования отдельных группировок афганских талибов и, во-вторых, в поисках поддержки для налаживания контактов и организации встреч с талибами. Китайские дипломаты провели ряд встреч с эмиссарами афганских талибов в Эр-Рияде, Дохе и в Пакистане, но прогресса в те годы не достигли.

Успешное завершение избирательного процесса 28 сентября 2014 г., формирование правительства национального единства (ПНЕ), первая в истории Исламской Республики Афганистан мирная передача власти от одного избранного главы государства следующему (в лице президента Ашрафа Гани Ачакзая) не приблизили нормализацию обстановки в стране. Одним из вызовов оставалась реализация Программы национального примирения — переговоры с вооруженной оппозицией, движением «Талибан».

Перед президентом А. Гани стояла задача привлечь всех политических субъектов страны в «законную сферу политики». Учитывая отказ талибов с 2001 г. от прямых переговоров, встал вопрос выбора международного посредника. Шесть пограничных с Афганистаном стран (Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) ПНЕ рассматривало как первый круг ответственных за стабилизацию обстановки в регионе. Далее следовали исламский мир, Северная Америка, Европа, Япония, Австралия и члены НАТО/МССБ. Завершали список ООН, международное гражданское сообщество и неправительственные организации.

Президент А. Гани остановил свой выбор на Китае, посреднический опыт которого имел две отличительные черты: во-первых, китайцы «охватили» всех основных игроков, вовлеченных в конфликт как внутри Афганистана, так и в регионе; во-вторых, они проявили максимум нейтралитета ко всем участникам, чем и заслужили авторитет даже среди афганских талибов.

Правительство национального единства отдавало отчет, что долгосрочная устойчивость его экономики могла быть обеспечена за счет расширенной интеграции в регионе, инвестиций «гигантов» — Индии и Китая. По примеру правительства Х. Карзая, президент А. Гани первоначально сделал ставку на Китай с перспективой включения Афганистана в инициативу «Один пояс, один путь».

Первый зарубежный визит президент А. Гани совершил в Китай в октябре 2014 г., менее чем через месяц после инаугурации. Китайский лидер Си Цзиньпин не ставил задачу заменить западные войска, выводимые из Афганистана, и заверил своего визави, что вопросы внутренней безопасности страны находятся в ведении Кабула. Приоритетными для сторон оставались ликвидация иностранных боевиков, финансовая и техническая помощь в восстановлении инфраструктурных объектов. В период с 2001 по 2013 г. Китай оказал Афганистану экономическую помощь на сумму 240 млн долл.² Всем известны китайские инвестиции в месторождение медного рудника Айнак, в строительство Республиканского госпиталя³. Тогда же, в октябре 2014 г. Пекин предоставил Кабулу заем на сумму 327 млн долл. и пригласил на обучение 3 тыс. афганских специалистов. Пекин направил инвестиции на строительство трубопроводов, монтаж электрических сетей и других объектов инфраструктуры. На фоне дипломатических успехов КНР, Исламабад в свою очередь, вновь заявил в октябре 2014 г. о возобновлении энергетического проекта CASA-1000.

Центральная Азия, богатая водными, энергетическими ресурсами и товарными рынками манила Поднебесную. Именно в транспортной, экономической, логистической цепочке Афганистан—Пакистан—Китай возможна, по мнению Пекина, реализация крупных взаимовыгодных сделок. Например, нефтяной проект в бассейне Амударьи в перспективе поможет Афганистану в оздоровлении его экономики.

«Треугольник стабильности» и «особые отношения» — так в 2014 г. были охарактеризованы отношения трех стран с заявленной целью построения всеобъемлющего и долгосрочного партнерства. Вновь заговорили о так называемой Памирской группе стран, сопряженная территория которых представляет «перекресток» товаров, идей, культур и религий между Китаем, Центральной Азией, арабским миром и Европой. Тогда же президент А. Гани заявил, что предстоящие годы — это период устойчивой трансформации его страны, программа действий с последующим ее включением в китайскую инициативу Шелкового пути.

Смена политического лидера в Афганистане в сентябре 2014 г. способствовала нормализации отношений Кабула и Исламабада. Однако теракт в декабре того же года в Пешаваре, ответственность за который взяли талибы, базировавшиеся в Афганистане, вновь обострил двусторонние отношения.

В этих условиях Пекин выступил посредником и инициировал в феврале 2015 г. трехсторонний диалог Китай—Пакистан—Афганистан. Основная цель — совместная борьба против террористов в пограничных районах и взаимная гуманитарная помощь⁴.

Страны региона также вносили свой вклад в урегулирование внутриафганского конфликта. 2 ноября 2011 г. стартовала первая конференция, организованная Турцией, под названием «Сердце Азии, Стамбульский процесс». Китай присоединился к инициативе и 31 октября 2014 г. принимал участников 4-й конференции. Позднее они проводились ежегодно: 14 июня 2012 г. — в Афганистане; 26 апреля 2013 г. — в Казахстане; 31 октября 2014 г. — в Китае; 9 декабря 2015 г. — в Пакистане; 4 декабря 2016 г. — в Индии; 1 декабря 2017 г. — в Азербайджане. Кабул приветствовал коллективное и скоординированное реагирование на угрозы негосударственных субъектов, имея в виду террористическую группировку «Исламское государство» на территории Афганистана.

Несмотря на устойчивость двусторонних отношений, по ряду вопросов Кабул и Пекин придерживались разных позиций. Китай имеет общую границу с Афганистаном протяженностью немногим более 70 км в районе узкого Ваханского прохода. С 90-х годов XX в. китайцы блокируют его, опасаясь, что уйгурские боевики хлынут с территории Афганистана и «исламистская волна» докатится до Синьцзяна. Опасения Китая усилились в 2001–2014 гг., в период антитеррористической кампании МССБ. Тренировочные базы уйгуров-мусульман из Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ), расположенные в Афганистане и Пакистане, Пекин также рассматривал как угрозу национальной безопасности, допуская, что после вывода коалиционных войск из региона боевики вернуться в Китай и «...район погрузится в хаос». Угрозу СУАР представляют боевики «Исламского государства» (ИГ), бегущие из Ирака и Сирии в Афганистан⁵.

Еще с конца XX в. сепаратистски настроенные этнические уйгуры выступали за создание отдельного государства — Восточный Туркестан⁶. Организация «Исламская партия Туркестана» (ИПТ), известная также под названием ИДВТ, была создана в 1990-х годах. Она функционирует в Китае, странах Центральной и Южной Азии. В первой декаде XXI в. имела базы в зоне племен Пакистана и приграничных провинциях Афганистана. Лидеры ИПТ занимали руководящие позиции в «Аль-Каиде». Абдул Хак аль-Туркестани, бывший полевой командир группировки, и Абдул Шакур аль-Туркестани входили в руководящий состав «Аль-Каиды». В тренировочном лагере «Аль-Каиды» в Тора-Бора Абдул Хак в 1990-е годы обучал новобранцев в Афганистане. Военную подготовку в Афганистане прошли более 1000 боевиков, выходцев из Китая. Позднее они привлекались к участию в боевых действиях против «Северного альянса» на стороне талибов и подрывной деятельности против КНР и центральноазиатских государств. Затем Абдул Хак перебрался в Пакистан, в центр подготовки иностранных боевиков. Там же, в столичном Миран Шахе, располагалась штаб-квартира ИПТ.

Китайские официальные лица характеризовали ИПТ как террористическую организацию, обвиняя ее в совершении терактов и угрозах срыва Олимпийских игр в Пекине в 2008 г.⁷

Еще в ходе первого визита в Китай в октябре 2014 г. президент А. Гани убеждал руководство КНР открыть проход с коммерческой целью, подтвердив готовность афганской стороны к борьбе против ИПТ. Принимая во внимание, что регион, простирающийся от Каракорума до Вахана, остается наиболее уязвимым с точки зрения безопасности⁸, Пекин отказался⁹. Но отказ Поднебесной не остановил Кабул. В 2018 г. стороны договорились, что национальная афганская армия обучит горную бригаду в составе НОАК патрулированию Ваханского коридора¹⁰.

Ваханскому проходу Пекин отводит также стратегическую роль исходной точки для «афганского трека» инициативы ОПОП. Именно Вахан рассматривается Пекином как площадка для центральноазиатского и южноазиатского промышленного парка и складских сооружений.

В настоящее время СУАР располагает слабой производственной базой. Учитывая сложные высокогорные природные и географические условия в пограничном районе Китая и Пакистана, строительство и эксплуатация крупных инфраструктурных объектов являются высокочрезвычайными. В последние годы Пекин занят модернизацией и ремонтными работами Каракорумского шоссе, соединяющего Китай и Пакистан.

Исламабад приступил к решительным действиям в регионе в преддверии вывода войск МССБ из Афганистана. Командование армии отдало 22 мая 2014 г. приказ о начале военной операции с целью ликвидации иностранных боевиков (включая китайских уйгуров). НОАК давно настаивала на их уничтожении¹¹. Военные действия начались вскоре после атаки боевиков в Урумчи (погиб 31 человек) и похищения гражданина КНР на северо-западе Пакистана, ответственность за которое взяло движение «Талибан».

Позднее МИД Пакистана заявил, что успех военной операции в зоне пуштунских племен подтвердил жизнеспособность пакистано-китайской концепции «азиатской безопасности».

Главное для Китая, однако, состояло в том, что не были уничтожены сепаратистские элементы. Одновременно активизировались группировки «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), также «выдавленные» с территории Пакистана.

В конце декабря 2014 г. командование МССБ заявило о выполнении боевого задания. 8 января 2015 г. афганские национальные силы обороны и безопасности (АНСОБ) приняли на себя всю полноту ответственности за безопасность в стране. Задачи новой «миссии решительной поддержки» с января 2015 г. были ограничены консультированием и оказанием помощи АНСОБ. Талибы и присоединившиеся к ним иностранные группировки расценили вывод войск МССБ как победу над оккупантами, что привело к резкому вооруженному противостоянию в Афганистане.

За годы военной кампании МССБ движение «Талибан» не только самоорганизовалось, но к 2014 г. представляло военную силу, контролировавшую половину территории страны, выдвигая основное требование о выводе иностранных войск.

Весеннее наступление вооруженной оппозиции, традиционное для южных провинций Афганистана, в 2015 г. в силу ряда причин дополнилось наступлениями на объекты национальной армии и гражданской администрации в восточных и северо-восточных районах. Позиции президента А. Гани были ослаблены. Прокабульские силы оказались разрозненными (девять месяцев потребовалось только на формирование правительства национального единства). Для руководства Афганистана ситуация стала критической. Не исключались попытки группировок талибов свергнуть правительство и вновь захватить Кабул по сценарию октября 1996 г. Это создавало опасность дальнейшего роста трансграничного экстремизма, распространения наркоугрозы в регионе.

Тогда же произошел перелом в позиции ДТ по переговорному процессу. Боевики согласились с форматом диалога, но отказались встречаться с представителями правительства национального единства.

Угроза дестабилизации Афганистана, повторной вспышки исламского экстремизма в регионе и, как следствие, откладывание на неопределенный срок афганской секции «Шелкового пути» убедили Китай и Пакистан в необходимости активизации посредничества во внутриафганском конфликте. Стороны вновь подтвердили поддержку афганскому процессу мира и примирения¹².

Форма правления и государственного устройства, распределение властей в Кабуле — основные вопросы переговоров движения «Талибан» и международных посредников, включая Китай.

В феврале 2015 г. министр иностранных дел Китая Ван И подтвердил, что Пекин поддерживает правительство Афганистана в вопросе примирения с различными политическими и вооруженными группировками, в том числе талибами, готов играть конструктивную роль и оказать содействие. Одновременно Китай анонсировал финансирование гидроэнергетического проекта на востоке Афганистана в провинции Кунар мощностью 1500 МВт. Ввод в эксплуатацию плотины предполагал поставки электроэнергии и в Пакистан. В дальнейшем Китай планировал инвестировать в строительство автомагистрали от Кабула до пакистанского города Пешавар, в железнодорожное полотно от Кветты (столица провинции Белуджистан) до афганского Кандагара.

Трехсторонний диалог продолжился в мае 2015 г. в китайском Урумчи. Его следует рассматривать в рамках подготовки к первому прямому диалогу ДТ с представителями правительства национального единства Афганистана. До этого международные посредники (Китай, Пакистан, США) в неформальной обстановке встречались с членами Политической комиссии «Талибан» (штаб-квартира в Катаре). Талибы выдвигали требование о предоставлении им равного участия в управлении государством. Весной 2015 г. и другие группировки афганского «Талибан» несколько раз сажались за стол переговоров в Норвегии, Франции, Японии и других странах.

Начиная с 2015 г. Китай и Пакистан активизировали усилия в урегулировании внутриафганского конфликта. Это объяснялось также приходом в Пакистан инфраструктурного проекта китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), пакет документов которого был подписан в апреле 2015 г. Первоначально его стоимость составляла 46 млрд долл., запланированный рост ВВП — 3% в год. Реализация стратегически важного проекта, часть маршрутов которого планировалось провести в непосредственной близости к границам Афганистана, заставляла Исламабад применять все средства защиты и безопасности. Связанные с оборонным комплексом компании, представлявшие одну из крупнейших строительных корпораций Пакистана, осуществляли строительные работы по проекту КПЭК. Афганский вектор внешней политики Пакистана традиционно контролировался генералитетом.

В перспективе Китай планировал, что сухопутный маршрут от порта Гвадар через пакистанский Белуджистан вверх до Кашгара пойдет далее по территории Афганистана, что позволяло Пекину «подключить» Кабул к водам Ормузского пролива и одновременно «регулировать» товарно-транспортные потоки из стран Запада до Шанхая. Выход в Ормузский пролив позволял Пекину контролировать движение танкеров с сырой нефтью из ближневосточных стран, что вызывало опасения Белого дома.

Однако противостояние сторон в Афганистане тормозило реализацию проекта. И только коммерческая заинтересованность талибов, участие их в афганской части китайской инициативы могло склонить к переговорам и дальнейшему урегулированию.

Вторая половина 2015 г. стала переломным моментом для трехстороннего китайско-афгано-пакистанского форума. Вызовом явилось обострение пакистано-афганских отношений в конце 2014 г. В сложившихся обстоятельствах Пекин в одностороннем порядке предпринимал шаги во внутриафганских процессах и одновременно успешно выступал медиатором в урегулировании конфликта между Исламабадом и Кабулом.

7 июля 2015 г. в рамках обязательств по обеспечению внутриафганского процесса мира и примирения Пакистан принимал представителей правительства национального единства и ДТ. Встреча состоялась в рамках четырехсторонней координационной группы. В качестве наблюдателей присутствовали Китай и США. В отличие от проведенных в прежние годы консультаций, это был первый раунд переговоров, когда все его участники (по заявлению МИД Пакистана) были наделены официальными полномочиями.

Исламабад назвал переговоры «прорывными»¹³. Стороны выразили намерение принести мир в Афганистан и в регион. Успех переговоров прокладывал путь к активному диалогу в Афганистане с участием вооруженной оппозиции.

Несколько дней спустя в пакистанской газете The Nation появилась информация, в которой утверждалось, что лидер афганских талибов мулла Мухаммад Омар удовлетворен посредничеством Пакистана. Одновременно подчеркивалось, что «обязательным остается священный джихад, чтобы освободить любимую родину и восстановить исламскую систему».

Однако последующие события перечеркнули усилия всех сторон, задействованных в организации диалога. МИД Пакистана выступил с заявлением о том, что «... в связи с сообщениями о смерти муллы Омара, возникшей неопределенностью и по просьбе руководства афганских талибов второй раунд мирных афганских переговоров, запланированный на 31 июля 2015 г., откладывается. Пакистан и другие дружественные Афганистану страны выразили надежду, что руководство «Талибан» продолжит участие в мирных переговорах в целях содействия установлению прочного мира в Афганистане...».

Провал второго раунда переговоров последовал за обнародованием в пакистанских СМИ информации о кончине муллы Омара еще в апреле 2013 г. Циркулировало много слухов, относительно того, кто выдал великую тайну о судьбе «повелителя правоверных». События июля 2015 г. усилили разногласия между афганскими оппозиционными группировками, пакистанскими талибами, действовавшими на территории Афганистана, обострили отношения между вооруженной оппозицией и властями Кабула, наконец, надолго «поссорили» президента А. Гани и военно-гражданские власти Пакистана.

Главным выгодополучателем от провала внутриафганских переговоров в 2015 г. стала Индия. Нью-Дели считал связи боевиков «Аль-Каиды», действовавшей в Афганистане в 1996–2001 гг., с вооруженными пакистанскими группировками угрозой своим позициям в Кашмире, утверждая, что именно боевики, прошедшие подготовку в тренировочных лагерях на севере Пакистана, совершили теракты в Мумбаи в ноябре 2008 г. и в июле 2011 г.

В отличие от Китая, Индия в 2002–2018 гг. поддерживала отношения исключительно с правящими администрациями Кабула, отвергая какие-либо переговоры с движением «Талибан». Усиление роли Исламабада и Пекина в афганском урегулировании Нью-Дели считал подрывом афгано-индийского Пакта о стратегическом партнерстве, подписанного 5 октября 2011 г.¹⁴ Благодаря ему Индия получила институциональную основу для наращивания политического потенциала в Афганистане. Финансовая помощь и инвестиции в размере 2 млрд долл. индийская сторона направила на развитие торговой кооперации, обороны, сотрудничества в сфере образования. Впервые была подтверждена ее роль в обеспечении внутренней безопасности Афганистана. Соглашение включало обязательство индийских ВС обучать афганские силы безопасности, в том числе полиции. Тогда же президент Х. Карзай взял курс на расширение сотрудничества с США, Евросоюзом и Индией, чтобы планировать будущее своей страны.

В том же году президент Х. Карзай и премьер-министр М. Сингх подписали два соглашения для ослабления энергетического кризиса в Афганистане и дальнейшей интеграции со странами Южной Азии¹⁵.

Напряженность в пакистано-афганских отношениях косвенно способствовала поступательному встречному движению президента А. Гани и премьер-министра Индии Н. Моди, который преследовал в Афганистане свои цели:

- блокировать действия Пакистана по восстановлению «преобладающего» влияния;
- предотвратить нападения афганских боевиков на индийские объекты;
- блокировать проекты КПЭК, заявляя о вмешательстве Китая в дела Кашмира.

Индия сделала несколько символических подарков Афганистану. В декабре 2015 г. передала Кабулу новое здание парламента; заявила о выделении 1 млрд долл. на проекты по восстановлению народного хозяйства страны, что сделало ее одним из крупнейших доноров Афганистана. В июне 2016 г. главы государств запустили в эксплуатацию дамбу стоимостью 300 млн долл., реконструированную при инвестиционной под-

держке Нью-Дели. Плотины мощностью 42 МВт предназначена для орошения 75 000 га земли. Возведенный в провинции Герат на границе с Ираном еще в 1976 г. объект был поврежден во время гражданской войны в 90-х годах XX в. Техническое перевооружение осуществлялось силами 1500 индийских и афганских инженеров¹⁶. В июле того же года премьер-министр Индии Н. Моди и президент Афганистана А. Гани открыли восстановленный при финансовой поддержке Индии Большой дворец в Кабуле.

Возводя инфраструктурные и промышленные объекты в Афганистане, Индия одновременно, в сотрудничестве с Афганистаном и Ираном, повела наступление на экономические интересы Китая в регионе. Воспользовавшись натянутыми отношениями Пакистана и Ирана, в мае 2016 г. Нью-Дели убедил Кабул и Тегеран подписать соглашение о реконструкции иранского порта Чабахар, пообещав инвестировать 500 млн долл. Соглашение было исключительно выгодно и для Тегерана, так как расширяло экспорт иранской нефти на международный рынок, и для самой Индии¹⁷, так как заявленный торговый маршрут ставил целью положить конец изоляции Индии от региона Центральной Азии.

Индия рассматривает проект реконструкции порта Чабахар в качестве исходной точки торгового коридора, альтернативного КПЭК. Он, как и КПЭК, стартует от побережья Ормузского пролива, но далее пройдет через Иран и Афганистан в Среднюю Азию. Называлось несколько причин, почему Индия выступала против КПЭК: во-первых, Нью-Дели обвиняло Исламабад / Пекин в «захвате» части ее территории для прокладки маршрута КПЭК по «спорным» пакистано-индийским районам Кашмира; во-вторых, Индия протестовала против присутствия китайских ВМС в пакистанском порту Гвадар. Порт, занимая стратегическое положение между Аравийским морем и Персидским заливом, предоставляет Пекину кратчайший доступ к рынкам Ближнего Востока, Африки и Европы; в-третьих, Нью-Дели было обеспокоено тем, что КПЭК обслуживает цели экономического развития Китая. При благоприятном для Китая и Пакистана развитии ситуации в Афганистане северное плечо КПЭК «выводит» и Пекин, и Исламабад на новые мировые торговые, углеводородные и водные рынки.

Стремясь снизить возникшее напряжение, Китай продвигал дипломатию «мягкой силы», приглашая Индию присоединиться к инициативе «Шелкового пути». Он подчеркивал экономические выгоды для столиц региона, указывая, что «внеспорный» Кашмир имеет потенциал стать воротами в республики ЦА¹⁸.

Новым вызовом индийским интересам стало заявление президента США Д. Трампа в декабре 2018 г. о сокращении американского военного контингента в Афганистане в 2019 г. Это меняло сложившийся сценарий безопасности в Афганистане и в регионе. Борьба за власть прокабульских сил и вооруженной оппозиции неизбежно вела к гражданской войне, а усиление позиций талибов на родине укрепляло их позиции и в Кашмире, что было неприемлемо для Индии. Она опасалась подъема движения за независимость в Гималайской долине.

На протяжении всех лет конфликта в Афганистане Индия поддерживала позицию официальных властей Кабула: убедить движение «Талибан» признать Конституцию страны, сложить оружие и включиться в «политический мейнстрим». В отличие от Пекина Нью-Дели отказывался от прямых переговоров с вооруженной афганской оппозицией.

Новый сценарий безопасности (декабрь 2018 г.) требовал от Нью-Дели переориентации политики в отношении Исламабада и талибов. В январе 2019 г. командующий индийской армией Б. Рават, подтвердив национальные интересы в Афганистане, призвал к переговорам с талибами без предварительных условий¹⁹. Заявление начштаба контрастировало с позицией внешнеполитического ведомства Индии, которое продолжало поддерживать Кабульскую формулу «процесса мира и примирения» в Афганистане.

Очередной этап организации внутриафганского диалога стартовал в январе 2016 г. Он включал власти Афганистана и расширенное число международных посред-

ников — Китай, Пакистан и США, объединенных в рамках Четырехстороннего переговорного процесса. Но форум также потерпел фиаско, так как американская сторона настаивала на прямом диалоге афганского правительства и талибов²⁰.

В 2016 г. Россия активизировала дипломатию на афганском направлении. В декабре того года Москва провела первую встречу по урегулированию внутриафганского кризиса совместно с Пекином и Исламабадом. Обсуждалось ухудшение ситуации с безопасностью в регионе; особую обеспокоенность вызывала активизация экстремистских группировок, афганского крыла террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Кабул и Нью-Дели бойкотировали встречу в России.

Заявление президента России В. Путина в дни проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 8–9 июня 2017 г. в Астане о возобновлении Россией посреднической миссии в афганском переговорном процессе вызвало неоднозначную реакцию в Исламабаде и Пекине. Ни Китай, ни Пакистан не были заинтересованы в участии Москвы в урегулировании внутриафганского кризиса.

Пекин торопился с урегулированием отношений между Исламабадом и Кабулом. Напряженность между ними блокировала решение афганского конфликта, так как без мира между Афганистаном и Пакистаном только политического урегулирования недостаточно. В этот период председатель КНР Си Цзиньпин взял курс на то, чтобы представить Китай в качестве альтернативы США и России, отойдя от многолетней политики сохранения «низкого профиля КНР» в международных делах. Он вновь инициировал формулу переговоров: «Афганистан+Китай+Пакистан». В июне 2017 г. глава внешнеполитического ведомства Китая Ван И посетил обе столицы с целью создать коммуникационную платформу, т.е. содействовать улучшению отношений между Исламабадом и Кабулом, с тем чтобы это способствовало процессу примирения в Афганистане. Переговоры оказались успешными: были разработаны механизмы контроля кризисов, диалога между министрами иностранных дел трех стран.

Успех трехсторонних переговоров способствовал созданию механизма урегулирования, но главное, встреча подчеркнула растущую роль Китая в глобальных горячих точках. В рассматриваемый период Пекин при посредничестве Исламабада активизировал переговоры с лидерами группировок ДТ, а также с представителями политической оппозиции в Кабуле, в частности Гульбеждином Хекматьером.

Дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в Афганистане и обострение пакистано-афганских отношений в 2017 г. перешли на новый уровень. «Масла в огонь» добавили резкие заявления президента США Д. Трампа, обвинявшего Исламабад:

- в укрывательстве на своей территории афганских боевиков, которые совершали трансграничные нападения на гражданские и военные объекты в Афганистане;
- в продвижении Пакистаном стратегических интересов в афганском переговорном процессе, используя влияние на лидеров движения «Талибан».

Заявления американской администрации в мае 2017 г. об увеличении численности американских военнослужащих в Афганистане на 3000–4000 человек вызвали отрицательную реакцию Исламабада и Пекина. 1 июня 2017 г. Пакистанский МИД заявил о невозможности военного решения афганского конфликта.

Стратегия в Афганистане и Южной Азии, обнародованная президентом США в августе 2017 г., стала новым вызовом Исламабаду и Пекину, приостановив их участие в четырехсторонней координационной группе²¹. Но две столицы продолжили самостоятельные переговоры с афганскими властями и с вооруженной оппозицией.

Сделав ставку на вооруженное решение внутриафганского конфликта в 2017 г., Белый дом перечеркнул усилия последних лет по переговорному процессу между властями Кабула и представителями вооруженной оппозиции в лице движения «Талибан» при участии КНР, Пакистана и США в качестве международных посредников. Одновременно США ужесточили санкции против Пакистана. В ответ Исламабад пригрозил

вновь, как в 2011 г., заблокировать сухопутный и авиатранзит грузов для американских военнослужащих в Афганистане. Американцы спешно инициировали переговоры с Казахстаном об альтернативном маршруте переброски своих грузов. Афганские талибы ответили серией терактов.

Стратегия США в Афганистане и Южной Азии в 2017 г. подчеркивала лидирующую роль Индии в стабилизации афганской ситуации, которая рассматривала усиление роли Китая в афганских переговорах как средство ее выдавливания из Афганистана. В тот год Нью-Дели и Кабул инициировали «новое партнерство в целях развития», заявив о 100 новых проектах развития в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства, энергетики, управления ресурсами. Индия обещала реализовать проекты поставки питьевой воды в Кабул, строительства жилья эконом-класса для возвращающихся из Пакистана беженцев, прокладки сетей водоснабжения для города Чарикар и строительства поликлиники в Мазари-Шарифе. Как писали СМИ в Исламабаде и Карачи, Индия продвигала политику «стратегического окружения Пакистана» в регионе, утверждая, что именно он несет ответственность за все беды и страдания афганского народа. Исламабад и Пекин реагировали негативно.

Но очередным вызовом для них стал ультиматум президента А. Гани, заявленный сразу после визита госсекретаря США Р. Тиллерсона в октябре 2017 г. Подключение Афганистана к проекту КПАК возможно при условии, если Кабулу будет предоставлен доступ к погранпереходам на границе Пакистана и Индии; в противном случае он ограничит транзит Исламабада к рынкам Центральной Азии. Отношения Афганистана и Пакистана вновь зашли в тупик.

И только настойчивость Пекина помогла их разблокировать. Он настоял на проведении трехсторонней встречи в декабре 2017 г. в рамках инициативы председателя КНР Си Цзиньпина по укреплению отношений и развитию сотрудничества.

Учитывая вариативность позиции президента А. Гани, Пекин в рассматриваемый период официально вел переговоры с политической оппозицией Кабула, в частности с Г. Хекматияром²². Лидер партии «Хебз-и-Ислами Афганистан» представлял собой общую кандидатуру политической оппозиции перед президентскими выборами в Афганистане 2019 г.²³

Планируя долгосрочное сотрудничество с Афганистаном, Пекин вел активную предпринимательскую деятельность, вкладывая инвестиции в экономику страны, а также участвовал в переговорном процессе с широким спектром политического истеблишмента и вооруженной оппозиции страны.

В последние годы ситуация с безопасностью в Афганистане осложнилась в результате перебазирования в страну из Сирии боевиков террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Опасаясь их перехода в Синьцзян, Китай активизировал переговоры с Кабулом о строительстве военной базы в районе Ваханского прохода, взяв обязательство финансировать проект и обучать афганских военнослужащих.

В июне 2018 г. Конгресс США вновь скорректировал афганский вектор своей внешней политики, учтя ее минимальные результаты на фоне постоянно выделяемых в течение 17 лет финансовых средств на военные и социальные нужды в ходе военной антитеррористической кампании США и НАТО.

Вашингтон продемонстрировал готовность участвовать в диалоге с ДТ, но на условиях совместных действий с представителями правительства национального единства Афганистана.

Многолетний отказ боевиков вести прямые переговоры с властями Кабула вновь «убедил» в декабре 2018 г. Белый дом скорректировать подходы к афганскому досью и к Исламабаду. Президент Д. Трамп направил письмо на имя премьер-министра Пакистана И. Хана с просьбой способствовать прямым переговорам с лидерами «Талибан». В конце 2018 г. в рамках организованного Исламабадом диалога представители Вашингтона и ка-

тарского офиса ДТ. без участия официальных властей Кабула, обсуждали два основных вопроса: график вывода всех иностранных войск (требование талибов) и форму государственного устройства Афганистана (требование Вашингтона). Переговоры состоялись, но вопрос американской стороны даже не обсуждался.

Ответом США стал трехсторонний формат переговоров Афганистан — Китай — Пакистан, организованный Пекином, который также состоялся в декабре 2018 г.

Современное состояние пакистано-китайских отношений по формуле «одной судьбы», т.е. совпадения коренных национальных интересов, способствовало тому, что военное командование Пакистана предоставило Китаю ряд своих «талибских» активов для запуска нового этапа Кабульского процесса под патронатом Пекина.

Администрация США выступила резко против усиления роли Китая в урегулировании афганского кризиса. В те дни Вашингтон нанес очередной удар по позициям Пекина в регионе — исключил иранской порт Чабахар из санкционной политики, усилив региональные позиции Индии.

Конфликт интересов Китая и США противоречит урегулированию внутриафганского кризиса независимо от того, сколько раундов проводится и каков формат мирных переговоров. Бенефициаром продолжающегося вооруженного противостояния в регионе остаются террористические группировки, поддерживаемые странами, которые их спонсируют. Время подтвердило, что Пекин выигрывает гонку за Афганистан.

1. Пуштуну — доминирующий, формирующий государство этнос Афганистана, искусственно отделенный от зоны пуштунских племен в пакистано-афганском пограничье. Пуштунский фактор (афганские и пакистанские пуштуну) был одним из основных для Пекина при разработке стратегии трехстороннего взаимодействия Китай — Афганистан — Пакистан.
2. *Казанин М.В.* О роли КНР в мирном процессе в Афганистане. URL: <http://www.iimes.ru/?p=28278> (дата обращения: 08.05.2016).
3. China-Afghanistan Relations in 2009. URL: <http://af.china-embassy.org/eng/zagx/introduction/t853111.htm> (дата обращения: 30.08.2011).
4. China-Pakistan-Afghanistan the anti-terror tripod. URL: <http://www.mushahidhussain.com/news-detail.php?id=MjM1&pageid=media> (дата обращения: 13.02.2015).
5. Beijing in talks over military base in remote Afghanistan: officials. URL: <https://www.dawn.com/news/1386840/beijing-in-talks-over-military-base-in-remote-afghanistan-officials> (дата обращения: 02.02.2018).
6. East Turkistan Turkistan Islamic Party. URL: <http://www.thefrontierpost.com/china-says-afghan-president-vows-to-help-china-fight-militants/> (дата обращения: 29.10.2014).
7. Turkistan Islamic Party (TIP). URL: <https://www.trackingterrorism.org/group/turkistan-islamic-party-tip> (дата обращения: 12.11.2018).
8. Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017–2030). URL: <http://pc.gov.pk/uploads/spec/LTP.pdf> (дата обращения: 21.11.2017).
9. China says Afghan president vows to help China fight militants. URL: <http://www.dawn.com/news/1141147> (дата обращения: 29.10.2014).
10. US sees China, Russia and Iran as key players in Afghanistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1453661/us-sees-china-russia-and-iran-as-key-players-in-afghanistan> (дата обращения: 26.12.2018).
11. Turkistan Islamic Party target of Pakistani army incursion in North Waziristan. URL: http://www.longwarjournal.org/archives/2014/05/turkistan_islamic_party_target.php (дата обращения: 22.05.2014).
12. Foreign Secretary Attends First Round of China-Afghanistan-Pakistan Trilateral Strategic Dialogue, Meets with his Counterpart and Calls on Afghan Ministers. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MjU1Mg> (дата обращения: 09.02.2015).
13. Record of the Press Briefing by Spokesperson on 09 July 2015. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MjkyOA>, (дата обращения: 09.07.2015).

14. All eyes on the visit. URL: <http://nation.com.pk/columns/02-Oct-2015/all-eyes-on-the-visit> (дата обращения: 02.10.2015).
15. Afghanistan and India sign 'strategic partnership'. URL: <https://www.bbc.com/news/world-south-asia-15161776> (дата обращения: 04.10.2011).
16. Afghanistan, India inaugurate Friendship Dam. URL: <http://www.dawn.com/news/1262735/afghanistan-india-inaugurate-friendship-dam> (дата обращения: 06.06.2016).
17. The new Great Game. URL: <http://www.dawn.com/news/1264242/the-new-great-game> (дата обращения: 12.06.2016).
18. *Замараева Н.А.* Китайско-пакистанский экономический коридор и позиция Индия. URL: <http://va.ivran.ru/articles?artid=7258> (дата обращения: 25.03.2017).
19. Indian Army Chief calls for 'unconditional' India-Taliban talks. URL: <https://nation.com.pk/10-Jan-2019/indian-army-chief-calls-for-unconditional-india-taliban-talks> (дата обращения: 10.01.2019).
20. *Замараева Н.А.* Всеафганский процесс примирения: перспективы и вызовы. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27432#more-27432> (дата обращения: 13.02.2016).
21. *Замараева Н.* Пакистан и американская Стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. и реакция стран региона. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/09/10/pakistan-i-amerikanskaya-strategiya-v-afganistane-i-yuzhnoj-azii-2017-g/> (дата обращения: 10.09.2017).
22. Chinese envoy talk polls, peace process. URL: <https://thefrontierpost.com/hia-leader-chinese-envoy-talk-polls-peace-process/> (дата обращения: 26.10.2018).
23. *Замараева Н.А.* Пакистано-афганские отношения в условиях региональной трансформации (2016–2017 гг.) // Пакистан: история и современные проблемы: Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2018. С. 170–194.

01
09

Китайская система планирования на современном этапе

72

© 2019

У
Д.Д. Лебедева

В статье анализируются изменения, происходящие в макроэкономическом планировании Китая в период 12-го и 13-го пятилетних планов социально-экономического развития народного хозяйства (2011–2020). Рассматриваются тенденции, которые возникли в период подготовки и осуществления 12-го пятилетнего плана (2011–2015) и нашли свое отражение в 13-м пятилетнем плане (2016–2020).

Ключевые слова: КНР, макроэкономическое планирование, 12-й и 13-й пятилетние планы, «общество малого благоденствия», «новая нормальность».

DOI: 10.31857/S013128120005299-9

Плановое управление в КНР прошло долгий путь эволюции, результатом которой стало формирование комплексной системы государственного макроэкономического планирования. Если обобщить опыт макроэкономического планирования с момента образования КНР и до настоящего времени, то можно выделить несколько основных переходных этапов в развитии планирования:

- от директивного планирования к индикативному;
- от среднесрочного экономического планирования к комплексному стратегическому планированию и программированию;
- от единого планирования к планированию по ключевым объектам;
- переход к научным методам планирования и управления;
- изменение ценностной ориентации планирования с экономического роста на развитие человеческого потенциала и повышение благосостояния;
- повышение степени прозрачности информации.

Результатом этих изменений стала сложившаяся к настоящему времени система макроэкономического планирования, которая занимает ключевое место в государственном управлении КНР.

В период реализации 12-го пятилетнего плана (2011–2015) в китайской экономике возник ряд тенденций, которые оказали значительное влияние на развитие системы макроэкономического планирования.

62/61

Переход к концепции «новой нормальности» (*синь чантай*)¹. Данный переход выразился прежде всего в снижении темпов экономического роста, и перед руководством КНР встала задача обеспечения его средневысоких темпов. На современном этапе стало очевидным, что концепция экономического развития, базирующаяся на таких относительных преимуществах Китая, как обилие дешевой рабочей силы, ориентация на экспорт и значительные объемы инвестиций, не позволяет в дальнейшем обеспечить стабильно высокие темпы роста. В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин выделил три основные черты «новой нормальности»²:

- переход от высоких темпов экономического роста (7,5% и более в год) к средневвысоким (6–7,5% в год);
- повышение доли «третьей сферы» и потребительского спроса в экономике, сглаживание региональных диспропорций и акцент на благосостояние широких слоев населения;
- главным драйвером роста вместо факторов производства и инвестиций становятся инновации.

Таким образом, внимание руководства КНР было обращено на повышение качества экономического роста, переход к интенсивным формам развития и диверсификацию двигателей роста, главными из которых были выбраны инновации, развитие науки и образования, повышение уровня человеческого потенциала. Для того чтобы снизить неблагоприятное влияние кризисных явлений в мировой экономике, было принято решение продолжить переориентацию на внутренний спрос. Также одним из направлений концепции «новой нормальности» стала политика, направленная на сокращение полномочий и аппарата правительства, усиление рыночного механизма.

Повышение внимания к вопросам устойчивого развития. Приоритетное значение приобрело решение проблем в сфере защиты окружающей среды. На первый план вышли такие задачи, как сокращение вредных выбросов от производства и автотранспорта, повышение запасов и улучшение качества воды, предотвращение деградации земельных ресурсов. Остро стоит проблема дефицита энергоресурсов, нехватка в стране нефти, природного газа и каменного угля привела к зависимости от импорта энергоносителей. Ученые Центра экономической безопасности Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) считают, что рост потребления энергоносителей в Китае будет повышаться по трем основным причинам:

- рост жизненного уровня населения;
- растущая автомобилизация в стране;
- развитие урбанизации³.

В рамках концепции «основа основ — человек» (*и жэнь вэй бэнь*) перед страной были поставлены задачи повышения уровня человеческого потенциала и развития сферы социального обеспечения, стимулирование развития науки и инноваций.

В результате проводимой в недавнем прошлом политики ограничения рождаемости возникли диспропорции в возрастной структуре населения, которые в дальнейшем будут усугубляться и приведут к сокращению доли экономически активного населения страны и возрастанию пенсионной нагрузки.

Нерешенной осталась также проблема неравномерного экономического развития различных регионов страны, и связанное с этим непрерывное повышение долгов местных правительств.

Современная экономическая ситуация оказала ключевое влияние на взгляды руководства КНР относительно перспектив социально-экономического развития страны, что отразилось в тексте 13-го пятилетнего плана (2016–2020), который был утвержден на

сессии ВСНП в марте 2016 г. Чтобы обеспечить достаточный уровень эффективности 13-го пятилетнего плана, китайское руководство в процессе его подготовки предприняло попытку учесть те сложности, которые возникли на современном этапе в системе государственного макроэкономического планирования.

Первая сложность заключается в адекватной оценке внутренней и международной обстановки с учетом нестабильности мировой экономической и политической ситуации. Большое влияние на мировую экономику, как известно, оказывает состояние экономики в США, которая до сих пор испытывает негативное влияние финансового кризиса 2008 года. Также необходимо отметить, что обострение на современном этапе региональных военных, политических и торгово-экономических конфликтов приводит к дестабилизации международной обстановки. Таким образом, в условиях экономической глобализации и многополярности оценить и прогнозировать мировую обстановку становится все сложнее.

Вторая сложность — это определение конкретных показателей планового задания. Как известно, для создания плана необходимо не только четко представлять себе направление развития, но и обозначить ряд показателей для характеристики степени выполнения плана.

В современной системе макроэкономического планирования в Китае к таким показателям предъявляется ряд требований. Если говорить в широком смысле, то показатели должны отражать достижение двух главных целей развития китайского общества, выдвинутых на XVIII съезде ЦК КПК (октябрь 2012 г.) — построение общества «сяокан» («малого благоденствия») и превращение Китая в богатую и могущественную, демократическую, просвещенную и гармоничную, современную социалистическую державу. В узком смысле показатели должны полностью соответствовать объективной реальности, своевременно обновляться, быть понятными и прозрачными для населения, комплексные индикаторы должны правильно и рационально использоваться.

В тексте «Основных положений 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР» было выдвинуто шесть основных принципов развития страны на период 2016–2020 гг.⁴

1. Упорно отстаивать центральное место народных масс, признавать ключевую роль народа в развитии страны, укреплять народное благосостояние, демократию, охранять социальную справедливость, стимулировать активность, инициативность, изобретательский дух населения.

2. Твердо придерживаться научного развития, отстаивать центральную роль экономического строительства, исходить из реальных условий, контролировать новые особенности развития, увеличить интенсивность структурных реформ, ускорить изменение способов экономического роста, сделать развитие более качественным, эффективным, справедливым и устойчивым.

3. Настойчиво углублять реформы, стимулировать развитие системы государственного управления на основе теории социализма с китайской спецификой и системы рыночного регулирования и распределения ресурсов.

4. Управлять страной на основе закона, стимулировать научный подход при создании законов, строгое исполнение и всеобщее соблюдение законов, справедливое правосудие.

5. Придерживаться единого планирования внутренней и внешней ситуации, стимулировать взаимодействие и развитие внутреннего и мирового рынков, улучшать условия для привлечения зарубежных инвестиций и выхода национальных компаний на мировой рынок.

6. Настойчиво отстаивать лидерство КПК, полностью обеспечить соблюдение строгой партийной дисциплины, непрерывно укреплять созидательную силу партии, сплоченность, боеспособность, повышать уровень государственного управления, гарантировать стране четкое быстрое поступательное развитие.

Основываясь на данных принципах, 13-ый пятилетний план (2016–2020) сформулировал следующие задачи:

1. Поддерживать средневысокие темпы экономического роста. К 2020 г. удвоить ВВП по сравнению с 2010 г. (он должен превысить 92,7 трлн юаней, при минимальном среднегодовом приросте 6,5%). Важное значение при этом имеет сбалансированность и согласованность экономических показателей, качество роста и повышение эффективности, развитие производства, модернизация сельского хозяйства, сочетание индустриализации и информатизации, развитие новых стратегически важных отраслей экономики и сферы услуг.

2. Добиться видимого эффекта от стимулирования развития инноваций, на основе их внедрения повысить производительность труда и эффективность функционирования экономики. Для более четкого контроля над решением данной задачи в плане выделена группа показателей «Стимулирование инноваций» (*чжансинь цюйдун*), в которую вошли 4 индикативных показателя (*юйцисин чжибяо*).

3. Значительно укрепить сбалансированность развития. Добиться роста потребления, повышения эффективности инвестиций и предприятий, повышения качества урбанизации и роста показателя урбанизации по прописке, сбалансированного развития регионов и оптимизации пространственного размещения, повышения степени открытости внешнему миру, роста эффективности международного распределения ресурсов, оптимизации структуры внешней торговли.

4. Повсеместно повысить уровень и качество жизни населения. Развивать такие сферы социальных услуг, как образование, занятость, культура и спорт, социальное обеспечение, здравоохранение и жилье. К 2020 г. преодолеть бедность в сельских районах, повысить жизненный уровень 70 млн человек над «линией бедности» и ликвидировать бедность в 529 так называемых бедных сельских уездах. Одним из путей решения проблемы бедности названы финансовая политика и услуги для бедных крестьян, которым необходимо предоставлять льготные кредиты для развития бизнеса. Еще одной мерой для ликвидации бедности в китайской деревне названо повышение уровня образования сельских жителей с помощью развития сети бесплатного профессионального технического образования⁵.

5. Значительно повысить уровень образования и культуры населения.

6. Полностью исправить экологическую ситуацию. Данная задача отражена в показателях 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.) в группе «Ресурсы и окружающая среда», которая насчитывает 10 обязательных к выполнению показателей (*юйцисин чжибяо*) по снижению энергопотребления, загрязняющих выбросов, ресурсосбережению, качеству воздуха и воды, сохранению лесного покрова.

7. Всесторонне преобразовать систему государственного управления, повышая его зрелость и стандартизацию. Поощрять развитие законодательства, укреплять демократию, обеспечивать управление на основе закона, повышать степень доверия общества к правосудию, обеспечить охрану прав граждан и бизнеса, сформировать экономику открытого типа, улучшить военную систему, повышать степень институционализации партийного строительства.

Анализ материалов 13-го пятилетнего плана позволяет выделить несколько основных тенденций, наблюдающихся на данный момент в системе макроэкономического планирования КНР.

1. Усиление внимания государственных органов планирования к комплексному анализу внешней и внутренней обстановки. В современном мире все большее значение приобретают мирное развитие и международное сотрудничество, усиливаются процессы глобализации и многополярности. Адекватная оценка окружающей обстановки является базой эффективного планирования, значительно повышает качество соответствующих документов. Оценка текущей и будущей ситуации должна включать сбор качественной информации на всех уровнях системы, всестороннее сравнение и комплексный научный анализ, определение причин и результатов, получение независимых, соответствующих объективной реальности выводов. Анализ обстановки должен быть направлен на выявление слабых и сильных сторон КНР и других стран, оценку возможностей и рисков, прогнозирование общественных процессов.

2. Усиливающийся тренд к изменению характера планирования в сторону стратегического планирования и программирования. В современных условиях развития рыночной экономики необходимо учитывать возможные пути долгосрочного исторического развития, обеспечить достижение необходимых результатов в будущем, достичь необходимого уровня экономического и общественного развития. Стратегическое планирование должно включать в себя не просто выполнение плановых показателей, а анализ современной ситуации, оценку возможностей и потенциала страны, определение задач на будущее и прогнозирование долгосрочных тенденций развития.

3. Стремление к повышению эффективности процесса постановки целей. От правильной постановки целей напрямую зависит результат выполняемого процесса. Таким образом, планирование, которое не имеет четкой цели или цели его не согласуются с объективной реальностью, будет отличаться крайне низкой эффективностью. В истории макроэкономического планирования в Китае, начиная с провозглашения политики реформ и открытости, число количественных показателей постепенно уменьшалось. Проанализировав опыт макроэкономического планирования КНР и других стран, можно сделать вывод, что постановка цели является одной из самых сложных задач планирования. Цель стратегического плана развития страны должна, будучи достаточно высокой и сложной, системной и перспективной, оставлять возможность для внесения корректировок и быть достижимой.

4. Продолжение курса КПК, направленного на всестороннее строительство «общества малого благоденствия» и современного социалистического государства. В 13-м пятилетнем плане (2016–2020) важнейшее внимание уделяется повышению уровня жизни населения, социального обеспечения, развитию сферы социальных услуг, решению проблемы трудоустройства населения, борьбы с бедностью, совершенствованию системы социального и пенсионного обеспечения.

5. Усиление внимания к территориально-пространственному размещению. Среди важнейших стратегических задач долгосрочного развития одно из первых мест заняло обеспечение рационального распределения земельных ресурсов, централизованное планирование размещения населения, экономическое районирование, планирование использования земельных ресурсов и урбанизации, охрана сельскохозяйственных земель и экологически чистых районов, стимулирование гармоничного развития экономики, экологии и населения. Макроэкономическое планирование направлено на ускорение равномерного территориального распределения общественных услуг, проведение рациональной инвестиционной политики в регионах, разработку моделей развития функциональ-

ных районов с учетом территориальных особенностей, создание системы охраны окружающей среды на основе оценки экологической ситуации в различных районах. В рамках данной тенденции проводится работа по совершенствованию системы стратегического регионального планирования, развитию регионального планирования по ключевым объектам, повышению согласованности региональных и отраслевых планов. При осуществлении регионального планирования уделяется больше внимания равновесию между развитием экономики и социальной сферы, науки, промышленности и сферы общественных услуг, сельского хозяйства и охраны окружающей среды, обеспечению сочетания между планами высшего и низшего уровней, соответствия отраслевых, региональных планов и планов по ключевым объектам.

6. Ориентация в стратегическом планировании на изменение способов экономического роста. С начала осуществления политики реформ и открытости прошло 40 лет бурного экономического развития Китая. В результате этого экстенсивного развития для китайской экономики стали характерными некоторые особенности: высокий уровень инвестиций, потребления энергии, материальных затрат, загрязнения окружающей среды, большие объемы занимаемой площади (*сы гао и до*). Стало очевидным, что существующая модель экономического роста уже не отвечает будущему развитию Китая

В 13-м пятилетнем плане особое внимание уделяется прогнозированию, ускоренному гармоничному развитию промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг, развитию сферы государственного управления, созданию новых предприятий, оздоровлению экономики, развитию высоких технологий. Таким образом, планирование становится все более направленным на изменение модели экономического роста, переход от экономики высокого потребления ресурсов к экологически безопасной экономике, от экспортно ориентированного производства к производству, ориентированному на внутренний спрос, от производства товаров широкого потребления к инновационным производствам, от инвестирования в развитие производственных отраслей к инвестициям в развитие сферы услуг для повышения качества жизни населения.

7. Увеличение доли планирования по ключевым объектам в общей системе планирования. С начала осуществления политики реформ и открытости важность планирования по ключевым объектам не подвергалась сомнению. Сложность заключается в правильном выборе ключевых объектов, который напрямую связан со структурой государственных инвестиций, влияет на развитие экономики и ее структуру. Совершенствование государственного управления и планирования по ключевым объектам подразумевает, во-первых, повышение эффективности инвестиций, повышение внимания к долгосрочному развитию, изменение способов развития, структурное регулирование, повышение роли планирования по основным объектам на высшем уровне планирования, поддержание гармоничной взаимосвязи между объектами низшего уровня планирования и планированием на высшем уровне. Во-вторых, — повышение уровня государственного влияния в сфере управления ключевыми объектами в трех секторах экономики, в области повышения уровня жизни населения, в проектах, которые характеризуются большими масштабами и инвестициями. В-третьих, — должное внимание к процессам постановки целей, рассмотрению и утверждению проектов, открытости и прозрачности процесса реализации, упрощению административных процедур и передаче полномочий низовым звеньям, сокращению количества вопросов, подлежащих рассмотрению и утверждению, защите права доступа широких масс населения к плановой информации, права на участие в принятии решений, выражение общественного мнения, наблюдение за ходом выполнения плановых решений. Также на государственном уровне необходимо осуществлять комплексный анализ окружающей среды и социальных рисков, добиться положи-

Анализ материалов 13-го пятилетнего плана позволяет выделить несколько основных тенденций, наблюдающихся на данный момент в системе макроэкономического планирования КНР.

1. Усиление внимания государственных органов планирования к комплексному анализу внешней и внутренней обстановки. В современном мире все большее значение приобретают мирное развитие и международное сотрудничество, усиливаются процессы глобализации и многополярности. Адекватная оценка окружающей обстановки является базой эффективного планирования, значительно повышает качество соответствующих документов. Оценка текущей и будущей ситуации должна включать сбор качественной информации на всех уровнях системы, всестороннее сравнение и комплексный научный анализ, определение причин и результатов, получение независимых, соответствующих объективной реальности выводов. Анализ обстановки должен быть направлен на выявление слабых и сильных сторон КНР и других стран, оценку возможностей и рисков, прогнозирование общественных процессов.

2. Усиливающийся тренд к изменению характера планирования в сторону стратегического планирования и программирования. В современных условиях развития рыночной экономики необходимо учитывать возможные пути долгосрочного исторического развития, обеспечить достижение необходимых результатов в будущем, достичь необходимого уровня экономического и общественного развития. Стратегическое планирование должно включать в себя не просто выполнение плановых показателей, а анализ современной ситуации, оценку возможностей и потенциала страны, определение задач на будущее и прогнозирование долгосрочных тенденций развития.

3. Стремление к повышению эффективности процесса постановки целей. От правильной постановки целей напрямую зависит результат выполняемого процесса. Таким образом, планирование, которое не имеет четкой цели или цели его не согласуются с объективной реальностью, будет отличаться крайне низкой эффективностью. В истории макроэкономического планирования в Китае, начиная с провозглашения политики реформ и открытости, число количественных показателей постепенно уменьшалось. Проанализировав опыт макроэкономического планирования КНР и других стран, можно сделать вывод, что постановка цели является одной из самых сложных задач планирования. Цель стратегического плана развития страны должна, будучи достаточно высокой и сложной, системной и перспективной, оставлять возможность для внесения корректировок и быть достижимой.

4. Продолжение курса КПК, направленного на всестороннее строительство «общества малого благоденствия» и современного социалистического государства. В 13-м пятилетнем плане (2016–2020) важнейшее внимание уделяется повышению уровня жизни населения, социального обеспечения, развитию сферы социальных услуг, решению проблемы трудоустройства населения, борьбы с бедностью, совершенствованию системы социального и пенсионного обеспечения.

5. Усиление внимания к территориально-пространственному размещению. Среди важнейших стратегических задач долгосрочного развития одно из первых мест заняло обеспечение рационального распределения земельных ресурсов, централизованное планирование размещения населения, экономическое районирование, планирование использования земельных ресурсов и урбанизации, охрана сельскохозяйственных земель и экологически чистых районов, стимулирование гармоничного развития экономики, экологии и населения. Макроэкономическое планирование направлено на ускорение равномерного территориального распределения общественных услуг, проведение рациональной инвестиционной политики в регионах, разработку моделей развития функциональ-

ных районов с учетом территориальных особенностей, создание системы охраны окружающей среды на основе оценки экологической ситуации в различных районах. В рамках данной тенденции проводится работа по совершенствованию системы стратегического регионального планирования, развитию регионального планирования по ключевым объектам, повышению согласованности региональных и отраслевых планов. При осуществлении регионального планирования уделяется больше внимания равновесию между развитием экономики и социальной сферы, науки, промышленности и сферы общественных услуг, сельского хозяйства и охраны окружающей среды, обеспечению сочетания между планами высшего и низшего уровней, соответствия отраслевых, региональных планов и планов по ключевым объектам.

6. Ориентация в стратегическом планировании на изменение способов экономического роста. С начала осуществления политики реформ и открытости прошло 40 лет бурного экономического развития Китая. В результате этого экстенсивного развития для китайской экономики стали характерными некоторые особенности: высокий уровень инвестиций, потребления энергии, материальных затрат, загрязнения окружающей среды, большие объемы занимаемой площади (*сы гао и до*). Стало очевидным, что существующая модель экономического роста уже не отвечает будущему развитию Китая

В 13-м пятилетнем плане особое внимание уделяется прогнозированию, ускоренному гармоничному развитию промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг, развитию сферы государственного управления, созданию новых предприятий, оздоровлению экономики, развитию высоких технологий. Таким образом, планирование становится все более направленным на изменение модели экономического роста, переход от экономики высокого потребления ресурсов к экологически безопасной экономике, от экспортно ориентированного производства к производству, ориентированному на внутренний спрос, от производства товаров широкого потребления к инновационным производствам, от инвестирования в развитие производственных отраслей к инвестициям в развитие сферы услуг для повышения качества жизни населения.

7. Увеличение доли планирования по ключевым объектам в общей системе планирования. С начала осуществления политики реформ и открытости важность планирования по ключевым объектам не подвергалась сомнению. Сложность заключается в правильном выборе ключевых объектов, который напрямую связан со структурой государственных инвестиций, влияет на развитие экономики и ее структуру. Совершенствование государственного управления и планирования по ключевым объектам подразумевает, во-первых, повышение эффективности инвестиций, повышение внимания к долгосрочному развитию, изменение способов развития, структурное регулирование, повышение роли планирования по основным объектам на высшем уровне планирования, поддержание гармоничной взаимосвязи между объектами низшего уровня планирования и планированием на высшем уровне. Во-вторых, — повышение уровня государственного влияния в сфере управления ключевыми объектами в трех секторах экономики, в области повышения уровня жизни населения, в проектах, которые характеризуются большими масштабами и инвестициями. В-третьих, — должное внимание к процессам постановки целей, рассмотрению и утверждению проектов, открытости и прозрачности процесса реализации, упрощению административных процедур и передаче полномочий низовым звеньям, сокращению количества вопросов, подлежащих рассмотрению и утверждению, защите права доступа широких масс населения к плановой информации, права на участие в принятии решений, выражение общественного мнения, наблюдение за ходом выполнения плановых решений. Также на государственном уровне необходимо осуществлять комплексный анализ окружающей среды и социальных рисков, добиться положи-

тельной оценки населением результатов, достигнутых в рамках реализации планов по ключевым объектам.

8. Постоянный рост внимания к проблеме общественного благосостояния в сфере макроэкономического планирования в КНР. Концепция ориентации на потребности людей, стремление обеспечить доступ широких масс населения к результатам экономического развития, постоянное повышение уровня жизни населения стали отправными пунктами государственного макроэкономического планирования. В 12-м пятилетнем плане (2011–2015) вопрос достижения высокого уровня благосостояния населения занял одно из ключевых мест, данная тенденция еще более усилилась при разработке 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития.

За время осуществления политики реформ и открытости в Китае был совершен переход от обеспечения людей питанием и одеждой на этап построения к 2020 г. «общества малого благоденствия». Тем не менее все еще остро стоят такие вопросы, как справедливое распределение доходов населения, создание эффективной системы здравоохранения, образования, регулирование цен на основные потребительские товары, жилищная проблема, обеспечение социальной защиты населения. Пути решения данных проблем нашли свое отражение в 13-м пятилетнем плане (2016–2020).

9. Углубление курса реформ и открытости, имеющего огромное историческое значение. Его реализация — источник быстрого экономического роста, который наблюдается в КНР в последние годы. В 13-м пятилетнем плане предусмотрены меры по углублению реформ в ключевых сферах экономики, а также по устранению хронических недостатков экономической системы, преодолению препятствий на пути дальнейшего развития, совершенствованию рыночного механизма распределения ресурсов, непрерывному повышению уровня производительных сил, развитию сферы высоких технологий. Укрепление курса реформ и открытости осуществляется по таким направлениям, как цены и потребление, инвестиции и финансирование, международная торговля и иностранные инвестиции, урбанизация, распределение доходов, рынок недвижимости, финансы и налогообложение и другим. Один из важных элементов дальнейшего развития политики реформ и открытости является совершенствование системы макроэкономического стратегического планирования, повышение качества и эффективности плановой работы. Важное значение приобретает повышение адресности планирования, стратегической направленности и внимания к ключевым объектам. Сочетание эффективной плановой работы на высшем уровне и учета интересов на низшем уровне, научный подход и функциональность, взаимосвязь базовых и специальных элементов, директивных показателей и гибких методов позволит повысить эффективность планирования.

10. Обновление механизмов системы государственного управления. За период осуществления политики реформ и открытости обновление структуры государственного управления и его функций приобрело важнейшую роль. В процессе разработки планов различного уровня и типа, обновление механизмов системы является не только важной задачей, но и необходимой мерой, которая гарантирует успешное выполнение плана.

* * *

В заключение необходимо отметить, что в КНР на современном этапе сформировалась развитая комплексная система государственного макроэкономического планирования, которая непрерывно развивается и совершенствуется. В настоящее время в стадии реализации находится 13-й пятилетний план социально-экономического развития народного хозяйства КНР (2016–2020).

Развитие современной системы макроэкономического планирования КНР характеризуется рядом тенденций, наиболее важные из которых: усиление внимания плановых органов к проблеме оценки окружающей обстановки, повышение стратегической направленности планирования и прогнозирования, упорная работа над повышением эффективности процесса целеполагания в планировании, увеличение роли планирования по основным объектам в системе планирования, повышение роли населения и экспертного сообщества в процессе подготовки и оценки эффективности планов, следование курсу, направленному на строительство «общества малого благоденствия», повышение роли результатов в сфере благосостояния и социальной защищенности населения, усиление внимания к вопросам территориального размещения и регулирования, углубление политики реформ и открытости, выраженное в том числе и в повышении степени индикативности плановых документов. Все эти тенденции отражают изменения в стратегическом курсе КПК, направленные на повышение качества жизни населения страны, и свидетельствуют о приближении Китая к уровню экономически развитых стран.

1. *Борох О. Н.* «Новая нормальность» в экономической политике Си Цзиньпина // Китай на новом этапе экономической реформы / отв. ред. А.В. Островский. М.: Ленанд, 2015. С. 31–42.
2. Цит. по: *Островский А.В.* Ожидает ли китайскую экономику «жесткая посадка» в годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменов. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 5–20.
3. Цит. по: *Островский А.В.* Рынок энергоресурсов КНР: проблемы и решения. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2011.02.17_Ostrovsky_in_IMEMO/Andrej_Ostrovsky_Chinese_energetic_market_Problems_and_decision.pdf.
4. Основные положения 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития народного хозяйства КНР. URL: <http://www.sdpc.gov.cn/fzgggz/fzgh/ghwb/gjjh/201603/P020160318564052484043.pdf>.
5. *Островский А.В.* Планы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) и итоги 12-й пятилетки: как построить общество «сяокан» к 2020 (по материалам 4-й сессии ВСНП 12-го созыва). Доклад на научной конференции «Итоги 12-й пятилетки и перспективы развития экономики КНР к 2020 г.»

Подъем солнечной энергетики в Китае и Японии

42
© 2019

01
В.В. Акимова, И.С. Тихоцкая

Солнечная энергетика, основанная на достижениях современной фотовольтаики, стала в начале XXI в. важным фактором развития мирового топливно-энергетического комплекса. В статье анализируются современное состояние солнечной энергетики, основные направления и перспективы ее дальнейшего развития на примере Китая и Японии, мировых лидеров в данной сфере. Отмечается, что такие факторы, как неисчерпаемость и экологичность, высокий инновационный потенциал и поступательное снижение себестоимости, способствуют росту инвестиционной привлекательности солнечной энергетики в этих странах.

Ключевые слова: солнечная энергетика, солнечные электростанции (СЭС), фотовольтаика, «дрейф на восток», Япония, Китай.

DOI: 10.31857/S013128120005300-1

Если первоначально в солнечной энергетике мира доминировали Европа и США, то сейчас в ее развитии четко прослеживается дрейф на восток¹. На протяжении последнего десятилетия сформировался новый полюс развития этой отрасли — азиатский. Именно Китай и Япония сейчас во многом определяют мировые тенденции развития и солнечной энергетики как таковой, и производства комплектующих изделий для нее.

Солнечная энергетика в Китае

В становлении китайской солнечной энергетики можно выделить два этапа. Первый, «производственный», протекал с 2000 по 2011 г., после чего наступил второй, «интеграционный» этап, продолжающийся по сей день.

На первом этапе в КНР преимущественно производились все компоненты солнечных установок: от поликремния до монтажных конструкций (продукция предназначалась для продажи в Европу и США, внутренний рынок практически отсутствовал, запуск отдельных солнечных электростанций носил спорадический характер). Но при этом в Китае сформировались научная и материальная базы, позволившие ему совершить в последующие годы истинный «солнечный прорыв».

2011 год стал поворотным для данной сферы: начались рост внутреннего рынка, наращивание собственных мощностей солнечной энергетики (с последующим подсоединением к энергосетям). Именно в 2011 г. страна преодолела отметку в 1 гВт установленных мощностей, что есть пороговое значение (критерий, чтобы считаться страной с развитой солнечной энергетикой). Тогда в провинции Цинхай было завершено строительст-

Акимова Варвара Владимировна, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: varvaraakimova1576@gmail.com;

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: iritiro@gmail.com.

62 2W

во крупнейшей в КНР фотовольтаической электростанции *Golmund Solar Park* мощностью 200 МВт². Три года спустя мощность этой солнечной электростанции (СЭС) возросла до 500 МВт.

Стоит отметить, что данный поворот был спровоцирован рецидивом перепроизводства. Дело в том, что в 2011 г. китайские производящие компании столкнулись с падением спроса: по оценкам аналитиков *Citigroup*, конвейеры по сборке солнечных модулей в континентальном Китае и на Тайване оказались загруженными лишь на 50–80%³. Правительство КНР тогда нашло выход из затруднительного положения по принципу «клин — клином»: искусственно генерировало спрос на «пропащую», казалось бы, продукцию внутри страны, частично субсидировав стоимость солнечных модулей для конечных пользователей. В результате фотовольтаическая установка явилась выгодным приобретением, и, как следствие, установленные мощности также увеличились.

Плюс к тому правительство предоставляло производителям льготные кредиты, позволяя избежать банкротства. Местные органы власти и муниципалитеты также напрямую поддерживали компании этого производственного сектора, внезапно ставшего проблемным. Наличие мощной материальной базы, созданной на предыдущем этапе, позволило китайским производителям существенно снизить расходы и конечную стоимость солнечных модулей.

Благодаря всему этому, начиная с 2011 г., суммарные «солнечные» энергомощности в Китае увеличились в 13 раз. В 2012 г., после запуска 5 гВт мощностей, Китай вышел на 3-е место в мире с показателем в 8,3 гВт суммарной мощности солнечной энергетики, уступая только тогдашним ее лидерам — Германии и Италии. Так КНР вступила в период «солнечного бума»: с 2012 г. она ежегодно удваивает мощности своей солнечной энергетики (9,7 гВт в 2013 г., 10,4 — в 2014, 15,1 — в 2015, 34,5 — в 2016, 52,8 — в 2017 г. (рис. 1)⁴.

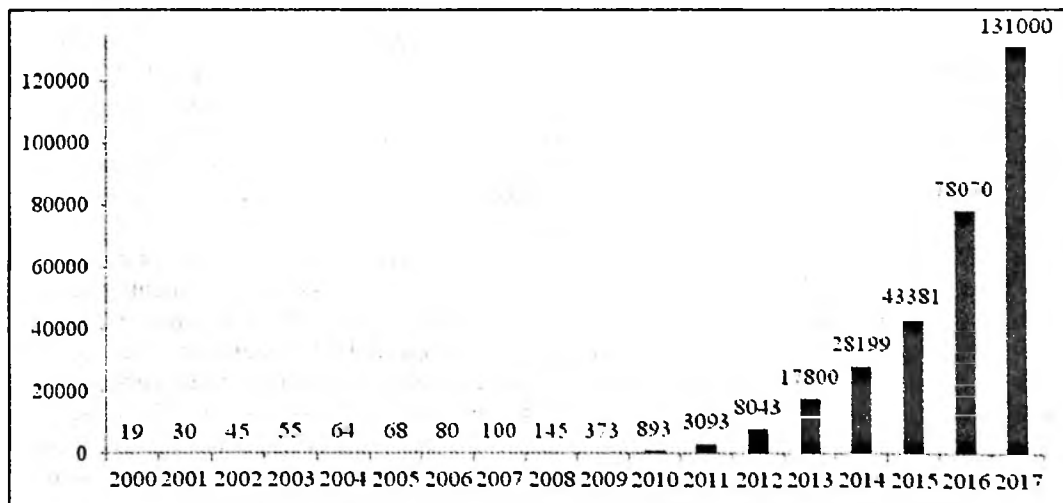

Рис. 1. Суммарные установленные мощности в Китае (МВт, 2000–2017 гг.)
 Составлено по: *Renewables Global Status Report 2013, 201, 2015, 2016, 2017.*

Интересы экологии

На данном этапе развитие китайской солнечной энергетики идет в соответствии с 13-м пятилетним планом социально-экономического развития КНР, по которому ей надлежит утроить (к 2020 г.) мощности своей солнечной энергетики, ежегодно вводя от 15 до 20 гВт.

Основная цель столь мощного роста — сокращение объемов выбросов парниковых газов в соответствии с Парижским соглашением по климату. Кроме того, правитель-

181

ство изыскивает пути снижения зависимости от угледобычи и, как следствие, предотвращения экологической катастрофы, проявляющейся в загрязнении атмосферы в таких крупных мегаполисах, как Шанхай и Пекин.

2016 год был отмечен первыми результатами правительственного решения: импорт и добыча угля, а также угольная и газовая электрогенерация снизились, а планы по строительству более чем 100 гВт угольных мощностей по всей стране были заморожены⁵. Был прописан и порядок ускоренного вывода из эксплуатации старых тепловых электростанций, работающих на угле. Районам, где все еще наблюдается рост спроса на электроэнергию, было предложено наращивать мощности солнечной или ветровой энергетики, а также строить новые линии электропередач для импорта электроэнергии из районов с избыточной мощностью⁶, что сулит в будущем разрешить ситуацию с недоиспользованием солнечных мощностей.

Успехи в развитии солнечной энергетики ознаменовались тем, что в 2016 г. выработка солнечных станций превысила 1% всей потребляемой в Китае электроэнергии, будучи выведена в структуре энергопроизводства в отдельную графу (в 2017 г. этот показатель составил уже 1,8%).

Географические особенности солнечной энергетики в КНР

Для размещения объектов фотовольтаики в Китае характерны четко выраженные региональными контрасты. Основных полюсов развития здесь два:

– *Северо-Западный*, на который приходится более 50% установленных мощностей (включает провинции Ганьсу, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР, Нинся-Хуэйский АР и западную часть АР Внутренняя Монголия);

– *Восточно-Тихоокеанский* с ярко выраженным ядром в провинции Цзянсу (около 25% установленных мощностей) (рис. 2).

Доминирование в суммарных установленных мощностях фотовольтаики Северо-Западного полюса развития объясняется причинами природного характера. По территории данных субъектов проходит ось континентальности, здесь господствует Азиатский антициклон, а влияние океана практически не прослеживается. То есть в данных регионах значительное число солнечных и безоблачных дней обеспечивает максимальное количество часов загрузки солнечных установок. Зоны пустынь и полупустынь, которые также сформировались здесь вследствие континентальности климата, обеспечивают солнечную энергетику песчаным субстратом, притягивающим к себе наибольшее количество радиации, в том числе отраженной.

Провинцию Цинхай можно по праву назвать «локомотивом» развития солнечной энергетики. Бурное развитие отрасли именно в этом регионе объясняется наличием Цайдамской котловины, которая отличается высоким уровнем солнечной радиации. Среднегодовые промежутки солнечного сияния превышают здесь 3100 часов. Согласно результатам исследования, проведенного Научно-техническим отделом администрации Цинхая, по комплексным условиям, необходимым для развития сверхмощных фотоэлектрических модулей, Цайдамская котловина — на 1-м месте среди всех районов КНР. Наряду с солнечной энергетикой промышленного масштаба, в Цинхае успешно реализуется программа обеспечения электричеством сельских районов. С использованием государственных средств там за три года соорудили 112 гелиоэлектростанций, обеспечив электроэнергией 50 тыс. сельских жителей. Таким образом, в этой провинции уже все сельские районы охвачены электроснабжением⁷.

Провинция Цинхай первой начала осваивать технологии подачи в сеть электроэнергии, вырабатываемой на СЭС. Почин состоялся в октябре 2010 г. — в Цайдаме заработала первая группа фотоэлементов. Таким образом, Цайдамская котловина стала одним из крупнейших кластеров солнечной энергетики. В пределах региона реализуются и новые венчурные проекты, в том числе создание гибридных электростанций, что может решить проблему зависимости от природных условий и обеспечения круглосуточной

выработки электроэнергии. Так, в 2014 г. была запущена крупнейшая электростанция на возобновляемых источниках, *Longyangxia Solar PV—hydro* гибрид, мощностью 850 МВт, соединившая в себе технологии СЭС и ГЭС. Такое сочетание представляет собой наиболее эффективный путь решения ряда проблем энергоснабжения: СЭС работают в базовом режиме, а нехватка электроэнергии в облачную погоду или в ночные часы компенсируют ГЭС.

Акцент на крупные проекты наблюдается и в шестом по суммарным мощностям регионе — Нинся-Хуэйском АР, где строится крупнейшая в мире СЭС (плановая установленная мощность: 2 гВт). Для сравнения: мощность крупных угольных и газовых ТЭС обычно не превышает 1 гВт. Налицо абсолютный рекорд для объектов солнечной генерации. Площадь этой СЭС превысит 4,5 тыс. га, на которых будет размещено примерно 6 млн фотоэлектрических модулей. Данная СЭС обладает дуальной функцией: наряду с производством электроэнергии — создание тени (и как следствие уменьшение испарения) для выращивания сельхозкультур на земле, которая в этом районе, как правило, безжизненна из-за повышенной сухости и запыленности. Помимо прочего, реализация этого проекта позволит создать 2000 рабочих мест, что соответствует 12% населения близлежащего города Гаошао.

Рис. 2. Фотовольтаическая солнечная энергетика в Китае (2017 г.)

Составлено В. Акимовой по данным Международного энергетического агентства и Международного агентства по возобновляемой энергетике.

Указанные регионы наиболее оптимального размещения солнечных электростанций не совпадают с главными внутренними рынками потребления электроэнергии, поэтому в них целесообразно развивать солнечную энергетику, подсоединенную к сети (в промышленных масштабах). Однако высокие темпы роста отрасли в последние годы привели к тому, что национальные энергосети не справляются с потоком столь внушительного объема солнечной электроэнергии. Как было установлено в 2015 г., в пров. Ганьсу простаива-

ла 1/3 фотовольтаических мощностей, в Нинся-Хуэйском АР — свыше 1/4. Впрочем, в долгосрочной перспективе эта проблема будет технологически решаемой.

Провинции, не имеющие в своем распоряжении обширных пустынных территорий, избрали другую стратегию размещения объектов промышленной солнечной энергетики. Они конвертируют под строительство СЭС зольные поля и участки бывших угольных электростанций. Например, так было сделано в Байчэне (пров. Цзилинь) или Шэнтю (пров. Шаньдун). В пров. Юньнань вследствие преимущественно гористого рельефа СЭС располагаются на удаленных склонах холмов (например, на территории «каменного леса» Шилинь), тогда как в прибрежных провинциях, в том числе Цзянсу, для размещения солнечных проектов используются прибрежные отмели (например, в Шэян).

Формирование Восточно-Тихоокеанского «солнечного» кластера с центром в Цзянсу связано, в первую очередь, с наличием потребителей, поскольку это одна из экономически развитых провинций Китая (при том лишенная значительных запасов энергоресурсов).

География производства компонентов и оборудования для солнечной энергетики в Китае, в отличие от территорий размещения СЭС, более обширна. Так, кремний «солнечного качества» производят в Пекине, Тяньцзине, провинциях Хэбэй, Хэнань и Сычуань, солнечные модули собирают в пров. Цзянсу, сопутствующее оборудование (инверторы, аккумуляторы и т.д.) — в Гуандуне, а все компании по установке и монтажу фотовольтаических установок располагаются чаще всего в Цинхэе. К западу от Ланьчжоу производственные предприятия в этой сфере полностью отсутствуют.

Иными словами, несмотря на абсолютное лидерство провинций Ганьсу и Цинхай в суммарных установленных мощностях, производственная база в них отсутствует, так как условий для ее развития нет, и, прежде всего, нет специализированных центров НИОКР. Это связано с тем, что, например, в пров. Цинхай находится лишь 3 университета (причем с программой бакалавриата). Большая часть предприятий по производству оборудования и комплектующих для фотовольтаики сконцентрирована в кластерах Шанхая и Великой Китайской равнины. На юге страны размещение промышленного производства носит спорадический характер.

Такие региональные контрасты во многом порождены развитием кооперационных связей с Южной Кореей и Японией, которые ориентированы на инновационный Шанхай, а уже потом на остальную территорию страны.

В результате отличительной чертой развития солнечной энергетики в Китае является заметный перекоп в сторону сектора промышленной фотовольтаики, подсоединенной к энергосети, в отдельных же труднодоступных районах, не подсоединенных к энергосети, получили развитие также и индивидуальные солнечные установки.

В этом плане наиболее перспективным регионом для развития солнечной энергетики является Тибетский АР, испытывающий недостаток в таких энергоресурсах, как нефть и уголь.

Тибет лидирует в Китае по объему ресурсов солнечной энергии. В большинстве его районов длительность инсоляции превышает 3000 часов в год, а годовая мощность солнечного излучения — 1670–2200 кВт/ч на м². Благодаря государственной поддержке солнечная энергия используется для освещения и отопления, в сферах телекоммуникаций, радиотрансляций, телевидения и т.д. В тибетских поселках и деревнях установка оборудования и осветительных приборов, работающих на солнечной энергии, обеспечила 90% скотоводов электричеством и существенно повысила уровень жизни населения⁹. Использование в регионе солнечных модулей обходится дешевле, чем создание необходимой инфраструктуры и подсоединения к национальным энергосетям.

Таким образом, напрашивается вывод, что солнечная энергетика будет развиваться в упомянутых выше районах с высоким уровнем солнечной радиации (Ганьсу, Цинхай, Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский и Тибетский АР). При этом всюду на их

территориях планируется создать полную цепочку фотовольтаики, от производства кремния до инсталляционных компаний, тем самым образуя «солнечные долины» — инновационные кластеры со своими лабораториями и НИИ. Это в свою очередь позволит сгладить региональные диспропорции в стране. Одновременно СЭС появляются и за пределами солнечнообеспеченного пояса Китая: в провинциях Цзянсу, Шаньдун, что обусловлено (как мы уже констатировали) наличием спроса и необходимостью решения проблем, вызванных использованием традиционных энергоресурсов в крупных городах и центрах экономической активности.

Солнечная энергетика в Японии

Япония — страна, в экономике которой всегда большую роль играло государство, и именно эта страна первой в мире стала развивать солнечную энергетику на законодательном уровне. Принятие в 1994 г. Министерством промышленности и внешней торговли Программы субсидирования индивидуальных солнечных установок заметно стимулировало рост интереса к таковым¹⁰. А спустя 9 лет, в 2003 г., в стране были введены стандарты портфеля возобновляемой энергии, что повлекло удвоение производства электроэнергии посредством возобновляемых источников. Хотя их доля была еще низка (не более 2–3%), солнечная энергетика обрела новые импульсы к наращиванию мощностей, и уже через год, в 2004, Япония превратилась в самый мощный солнечный электрогенератор, первой в мире (и на 7 лет раньше Китая) достигнув суммарно 1 гВт солнечных мощностей¹¹.

В середине 2000-х годов развитие солнечной энергетики в Японии на некоторое время относительно замедлилось (рис. 3), что отчасти объясняется принятием в 2002 г. новой энергетической программы, нацеленной на дальнейшее наращивание мощностей атомной энергетики (эквивалентное 17,5 гВт) с перспективой повышения ее доли в энергетическом балансе страны с 30% в 2011 г. до 60% к 2100 г.¹²

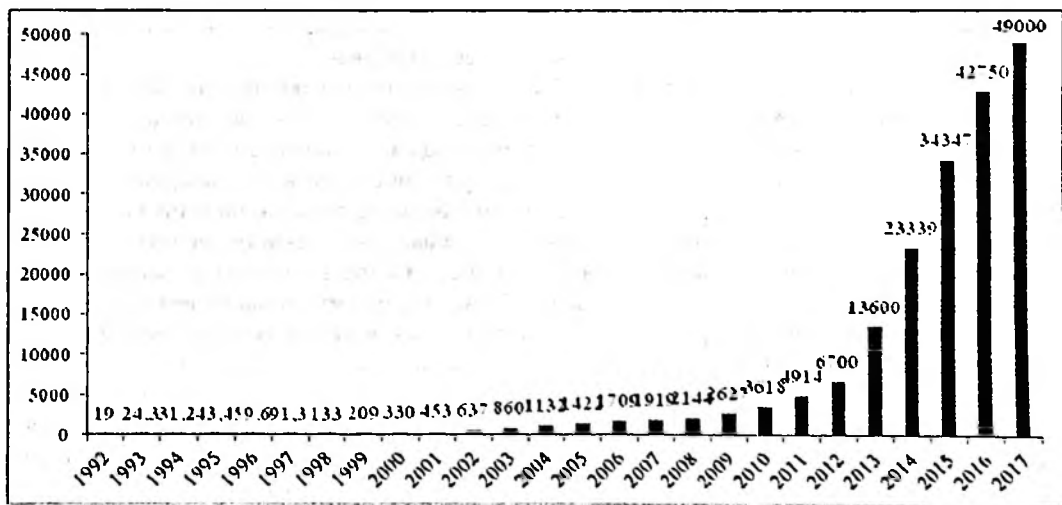

Рис. 3. Динамика развития фотовольтаики в Японии (МВт, 1992–2017 гг.)

Составлено по: *Renewables Global Status Report 2013, 201, 2015, 2016, 2017.*

Тем не менее раннее появление фотовольтаического рынка в Японии заметно повлияло на развитие высокотехнологических направлений ее промышленности, включая производство фотоэлементов и солнечных модулей. Компании, получившие выигрыш от государственных преференций на первом этапе, поныне лидируют в развитии фотовольтаики — это *Sharp, Sanyo, Kyocera*, которые также являются одними из мировых ли-

деров в производстве солнечных батарей, внедрении инноваций в этой области. Помимо этих трех промышленных гигантов, активную деятельность в области солнечной энергетики осуществляют такие компании, как *Mitsubishi Electric (MELCO)*, *Kaneka*, *Fuji Electric*, *Honda Soltec (Honda Motor Group)*, *Clean Venture 21*, *PVG Solutions*, *Hi-energy* и *Choshu Industry*.

Следующий толчок развитию отрасли был дан после введения в 2009 г. системы закупки избыточной электроэнергии по фиксированным ценам, корректируемым ежегодно. Это привело к быстрому росту распространения индивидуальных фотовольтаических установок, значительное преобладание которых (в 2011 г. — 80% солнечных мощностей) стало отличительной чертой солнечной энергетики Японии, задавшей целью превратить фотовольтаические системы в «домашний электроприбор».

После аварии на АЭС «Фукусима-1» (2011 г.), повлекшей за собой закрытие всех атомных электростанций в стране, развитие солнечной энергетики стало условием энергетического выживания Японии. В результате радикальные изменения произошли в энергетической стратегии страны: вместо прежней ориентации на широкое использование ядерных реакторов для увеличения степени самообеспеченности энергоносителями повысился интерес к солнечной энергетике, который стимулировался правительством. С этой целью был введен беспрецедентно высокий тариф на закупку электроэнергии, вырабатываемой на солнечных установках: 42 иены за кВт/ч, что в течение одного только года повлекло удвоение доли солнечной энергетики в суммарных генерирующих энерго мощностях — до 5%¹³.

По масштабам введения новых солнечноэнергетических мощностей в 2013 и 2014 г. Япония уступала только Китаю и в итоге вышла на 3-е место в мире по объемам установленных мощностей (23 гВт) после Германии (38,2 гВт) и Китая (28,2 гВт). В 2015 г. были введены рекордные для страны 11 гВт. В 2016 г. прирост новых мощностей несколько замедлился (все равно будучи значительным — 8,6 гВт), и Япония вышла на 2-е место в мире, обойдя Германию. В 2017 г. было введено 7 гВт, и суммарные установленные мощности солнечной энергетики в стране превысили 49 гВт, что позволило обеспечивать около 6% потребностей Японии в электроэнергии¹⁴.

2017 год ознаменовался в мировой солнечной энергетике значительными переменами: Японию превзошли США, достигнувшие 51 гВт, вследствие того, что ввели в действие в 1,5 раза больше новых мощностей благодаря снижению цен на солнечную энергию на 85% по сравнению с 2009 г.¹⁵ Спад, произошедший в Японии, связан с тем, что стоимость установки солнечных батарей и производства электроэнергии здесь выше, чем в других странах (по сравнению с Европой — вдвое). С целью облегчить бремя потребителей правительство решило снизить «зеленые» тарифы, что, естественно, меняет рентабельность проектов. В 2018 г. в отрасли обанкротилось 95 (больше чем за все время развития солнечной энергетики) компаний, в основном занятых разработкой проектов и торговлей электроэнергией.

На начало 2019 г. не введено в действие около 23% общих мощностей, одобренных еще в 2012 г., 49% — от 2013 г. и 59% — от 2014 г. Таким образом, доля нереализованных проектов выросла¹⁶. Проблему представляют трудности подключения к сети, отсутствие свободных земель. Поэтому и в среднесрочной перспективе ожидается спад в этой отрасли, хотя за 2018–2020 гг., по оценке рейтингового агентства Fitch, будет введено еще 17 гВт¹⁷, и общие установленные мощности приблизятся к 70 гВт.

Тем не менее, как заявлено в новом Базовом энергетическом плане страны (июль 2018 г.), Япония намерена к 2030 г. увеличить долю возобновляемых источников энергии в энергобалансе до 22–24%¹⁸ и на 80% — за счет ввода новых солнечноэнергетических мощностей¹⁹. Она, несомненно, останется одним из лидеров мирового «солнечного клуба».

С этой целью японское правительство намерено содействовать инновационным исследованиям и разработкам в данной отрасли, а также уменьшению стоимости солнеч-

ной энергии посредством проведения аукционов, способствующих повышению конкуренции и снижению средне- и долгосрочных закупочных цен в условиях постепенного снижения «зеленых» тарифов²⁰. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии намерено в 2022–2024 фин. г. снизить закупочную цену солнечной энергии, производимой компаниями, до 8,5 иен за кВт против 18 иен — в 2018 фин. г., а домохозяйствами — до 11 против 26 иен в 2015–2017 фин. г., что сблизит эти тарифы с существующими в странах Европы²¹.

Аукционная система для солнечных парков мощностью более 2 тыс. кВт уже была введена в 2017/18 фин. г. и возлагавшихся на нее надежд пока не оправдала. При этом для новых проектов меньшей мощности действие «зеленых» тарифов и закупка энергии по фиксированным ценам сохраняются²². Большая роль отводится местным властям: правительство намерено поддерживать всестороннее использование потенциальных возможностей регионов, разрешая, в частности, строительство станций на заброшенных сельхозугодиях, а также популяризировать реализацию мелкокомасштабных проектов на пустующих землях, крышах школ, заводов и пр., предоставляя льготы для индивидуальных пользователей накопительных батарей. В сотрудничестве с региональными властями правительство предполагает уже сейчас изыскивать пути решения проблемы утилизации солнечных батарей.

Умение решать проблемы комплексно, в условиях нехватки земли, пригодной для хозяйственного освоения, и прагматизм японцев способствовали и росту после Фукусимы популярности «земных» проектов — так называемых *solar sharing*, когда солнечная энергия используется и для производства энергии, и для выращивания урожая. По расчетам японских ученых, при условии использования этого метода на 20% культивируемых в стране земель потребности Японии в электроэнергии в 2014 г. были бы покрыты более чем наполовину, тогда как гипотетическая выработка атомной энергии обеспечила бы немногим более четверти²³.

В 2018 г. в Японии появилось первое офисное здание, функционирующее полностью за счет солнечной энергии. Двухэтажное здание отделения компании «Дайва хаус групп» в префектуре Сага общей площадью 2400 кв. м демонстрирует пример экологичного офисного здания, которое она может построить и для других компаний. Производимое на крыше электричество аккумулируется в литиево-ионных батареях, что позволяет использовать его и ночью. В здании, естественно, используется и энергосберегающее оборудование. В итоге общая экономия на электроэнергии составляет около 6 млн иен в год. В случае плохой погоды на протяжении продолжительного времени и невозможности выработки энергии в здании электроснабжение может осуществляться за счет приобретения энергии у местной электроэнергетической компании.

В стремлении представить Токио в качестве «экологичного города» в преддверии Олимпийских и Параолимпийских игр 2020 года столичные власти планируют создать и «солнечные дороги», которые будут аккумулировать энергию солнца в специальные солнечные панели, вмонтированные в дорожное покрытие. Такая дорога уже появилась в мае 2018 г. на автостоянке минимаркета Seven-Eleven в городе Сагамихара, преф. Канагава. Ее производительность чуть более 16 тыс. кВт/ч электроэнергии в год, что покрывает 9% энергопотребления в магазине²⁴.

Географические особенности солнечной энергетики Японии

Начальный перекокс в сторону индивидуальной, в том числе «накрышной», солнечной энергетики в стране объясняется трудностями размещения СЭС промышленного масштаба из-за дефицита больших свободных равнинных площадей (около 13% территории Японии приходится на равнины, остальную часть занимают горные массивы). В связи с этим география ее солнечной энергетики весьма обширна. Индивидуальные солнечные установки представлены практически во всех 47 префектурах, причем в более чем

половине из них в общей структуре потребления возобновляемых энергетических источников доминирует солнечная энергетика.

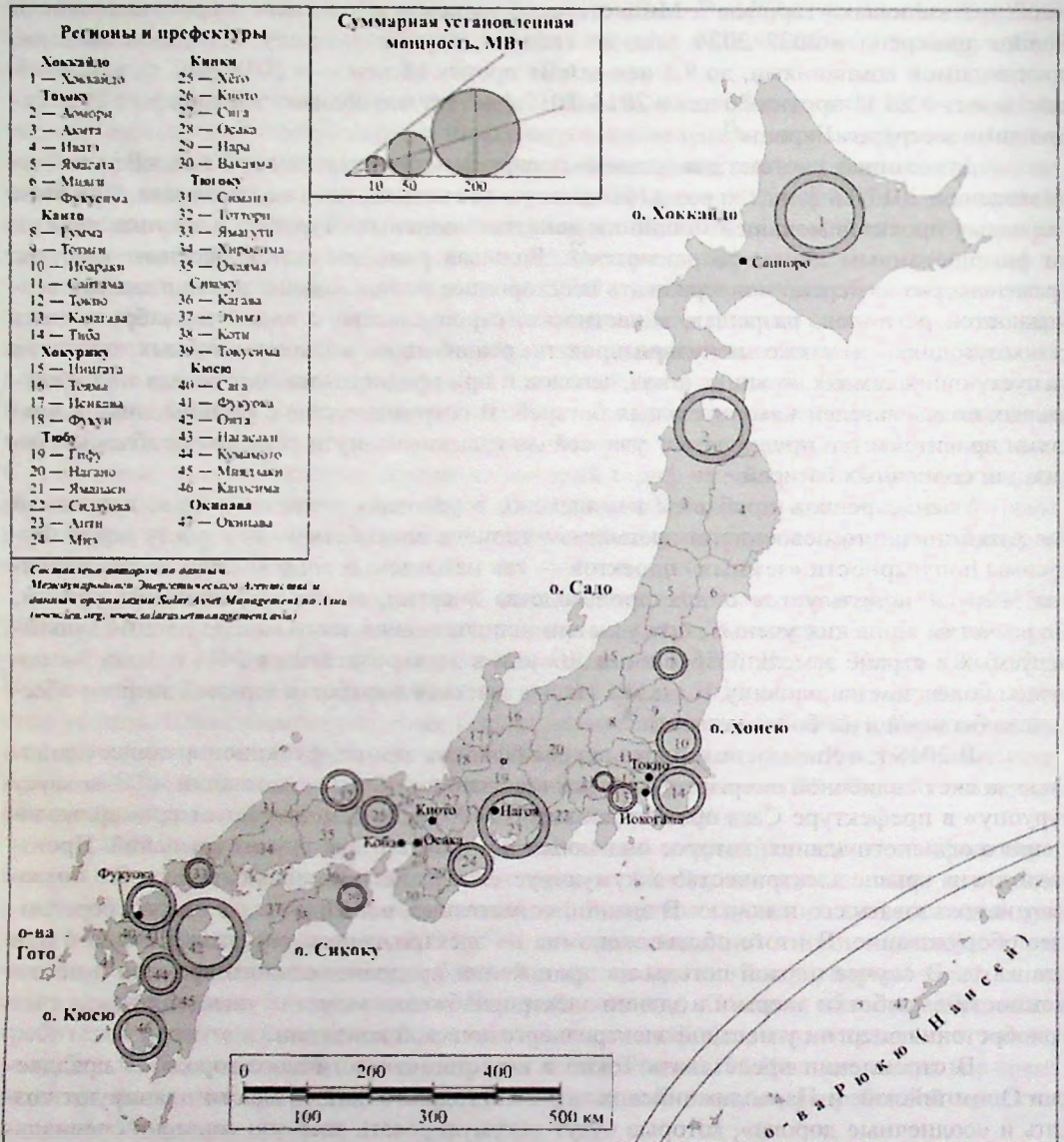

Рис. 4. Промышленная фотовольтаическая солнечная энергетика в Японии (2017 г.) Составлено В. Акимовой по данным Международного энергетического агентства и данным организации Solar Asset Management по Азии.

В крупных городах и их пригородных зонах особой популярностью пользуются индивидуальные фотовольтаические системы (прежде всего в городах Токийской агломерации, Осака, Киото). Промышленное направление получило развитие в основном в малозаселенных по японским меркам префектурах — Хоккайдо, Аомори (где в 2015 г. были запущены крупнейшие в Японии солнечные электростанции — *Eurus Rokkasho Solar Park* (148 МВт) и *Softbank Tomatoh Abira Solar Park* (111 МВт)), а также в префектуре Оита. На региональном уровне центрами развития промышленной солнечной энергетики являются в целом вся территория Кюсю и Хоккайдо, а также север Тохоку (рис. 4).

Вплоть до конца 2012 г. японский фотовольтаический рынок был ориентирован сугубо на потребительский сегмент, но вышеупомянутый пересмотр энергетической стратегии, введение высокого тарифа вызвали рост интереса к солнечным мегапроектам, что соответствует общемировой тенденции.

На смену солнечным станциям мощностью в 30–60 МВт в Японии пришли солнечные парки от 100 и более МВт. Учитывая отсутствие в стране больших свободных площадей, необходимых для функционирования крупных станций, их стали возводить на насыпных территориях в море. Так, в 2013 г. на о-ве Кюсю были построены два крупнейших в Японии мегасолнечных парка — в развивавшемся на базе отраслей тяжелой промышленности индустриальном ареале Оита и на искусственно возведенной территории в заливе Кагосима²⁵.

Для снабжения ограниченного количества домов небольшие станции стали запускать в эксплуатацию не только на море (например, в городе Сакаи, преф. Осака), но и на небольших водоемах. В мае 2015 г. построили крупнейшую на тот момент в мире (2,3 МВт) плавучую электростанцию на поверхности пруда Сакасаямаки в городе Касай (преф. Хёго). В марте 2018 г. была запущена состоящая из 51 тыс. солнечных панелей, еще более крупная (13,7 МВт) плавучая солнечная электростанция на дамбе Ямакура в преф. Тиба. Расположение на воде имеет и еще один большой плюс — снижение эксплуатационных издержек, поскольку вода, естественным образом охлаждая панели, защищает их от перегрева²⁶.

* * *

Итак, за последние несколько лет центр развития солнечной энергетики переместился из развитых стран Европы и Америки в азиатские страны — Китай и Японию.

Успехи в развитии солнечной энергетики и ее все более широкое распространение в мире привели к тому, что идея максимально возможного перехода на возобновляемые источники энергии из разряда утопии на глазах превращается в реальность. Таким образом, солнечная энергетика, изначально развиваемая как новая отрасль, в которой надо было заявить о своих конкурентных преимуществах, превратилась и в одно из самых эффективных средств противодействия локальному энергетическому и экологическому вызовам.

Основными факторами ее становления в качестве конкурентоспособной отрасли топливно-энергетического комплекса в обеих странах стали:

– правильная государственная политика (включая субсидирование стоимости солнечных установок для индивидуальных потребителей в Китае, высокий тариф на закупку «солнечной» электроэнергии в Японии и пр.);

– желание снизить зависимость от импорта традиционных энергоресурсов;

– озабоченность экологическими последствиями использования угля, нефти и газа.

Солнечная энергетика в Китае и Японии — это уже не только дополнительное энергетическое направление в рамках политики диверсификации, но, по сути, условие полноценного «зеленого» функционирования национальных экономик, успешного решения насущных социально-экономических задач.

1. *Akimova V.* Solar energy production: specifics of its territorial structure and modern geographical trends // *Geography, Environment, Sustainability (GES)*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 100–110.
2. Informational and analytical datasets IRENA. URL: <http://www.irena.org/Publications/> (дата обращения: 07.02.2019).
3. *Ibid.*; *Jäger-Waldau A.* PV status report 2017: Research, Solar Cell Production and Market Implementations of Photovoltaics. European Commission, Joint Research Centre, Institute for Energy and Transport. 2017. 90 p.

4. China installed 20 GW of solar power in first-half; triple from a year ago. URL: <http://www.reuters.com/article/us-china-solar-idUSKCN01020P7> (дата обращения: 08.02.2019); IEA Photovoltaic Power Systems Programme 2006–2017. URL: <http://www.iea-pvps.org/index.php?id=3> (дата обращения: 08.02.2019).
5. New China energy data: coal imports down a further 10%. URL: <http://reneweconomy.com.au/new-china-energy-data-coal-imports-down-a-further-10-30570/> (дата обращения: 08.02.2019).
6. Китай продолжает тормозить развитие угольной энергетики. Портал «ТЭС и АЭС. Все о тепловой и атомной энергетике». URL: <http://tesiaes.ru/?p=15893> (дата обращения: 18.12.2018).
7. Informational and analytical datasets IRENA. URL: <http://www.irena.org/Publications/> (дата обращения: 07.02.2019).
8. China tops 25 GW of utility scale solar. URL: <http://renewables.seenews.com/news/overview-china-tops-25-gw-of-utility-scale-solar-529802> (дата обращения: 15.01.2019).
9. Renewables Global Status Report 2013, 2015, 2016, 2017. URL: <http://www.ren21.net/resources/publications/> (дата обращения: 25.01.2019).
10. Акимова В.В., Тихоцкая И.С. Новое «японское чудо»...солнечное! // Азия и Африка сегодня. 2014. № 9. С. 18–24.
11. Mapping the boom in global solar power. URL: <https://www.power-technology.com/features/mapping-boom-global-solar-power/> (дата обращения: 25.02.2019).
12. Тайёко канрэн гёся-но тосан, како сайта-о косин: тайёко бабуру га овари, сайсан хэнка ка: [Банкротства в солнечно-энергетической отрасли побили рекорд: сдулся мыльный пузырь или изменилась рентабельность?]. URL: <https://www.nippon.com/ja/japan-data/h00377/> (дата обращения: 25.02.2019).
13. Акимова В.В., Тихоцкая И.С. Новое «японское чудо»...
14. Расчеты авторов по: *Jäger-Waldau A.* Op. cit.
15. Mapping the boom in global solar power. URL: <https://www.power-technology.com/features/mapping-boom-global-solar-power/> (дата обращения: 25.02.2019).
16. Japan to slash solar subsidies as feed-in tariff costs mount. URL: <https://www.power-technology.com/comment/japan-solar-pv-subsidies/> (дата обращения: 25.02.2019).
17. Japan To Add 17 Gigawatts Of New Solar By End Of 2020. URL: <https://cleantechnica.com/2018/10/12/japan-to-add-17-gigawatts-of-new-solar-by-end-of-2020/> (дата обращения: 25.02.2019).
18. Энэруги кихон кэйкаку Хэйсэй 30-нэн ситигацу: [Базовый энергетический план. Июль 2018 г.]. URL: <http://www.meti.go.jp/press/2018/07/20180703001/20180703001-1.pdf> (дата обращения: 25.02.2019).
19. Тихоцкая И.С. Солнечное «чудо» Японии и Китай // Актуальные проблемы современной Японии. М.: ИДВ РАН, 2018. Вып. XXXII. С. 63–76.
20. Энэруги кихон кэйкаку Хэйсэй 30-нэн ситигацу...
21. Japan to more than halve its solar power feed-in tariffs // Japan Times. 15.09.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/09/15/business/japan-halve-solar-power-feed-tariffs/> (дата обращения: 20.02.2019).
22. Japan struggles to cut its high solar power costs. Government and businesses do not see eye to eye on profitability. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Japan-struggles-to-cut-its-high-solar-power-costs> (дата обращения: 25.01.2019).
23. *Akimova V.V., Tikhotskaya I.S.* A way to a sustainable future: the solar industry in Japan // Geography, Environment, Sustainability (GES). 2015. Vol. 8. No. 03. P. 92–100.
24. Tokyo to build eco-friendly 'solar roads' ahead of 2020 Olympics. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/tokyo-solar-roads-energy-sun-2020-olympics-a8392416.html> (дата обращения: 25.02.2019).
25. Акимова В.В., Тихоцкая И.С. Новая энергетическая стратегия Японии и развитие солнечной энергетики // Япония: Ежегодник. М.: АИРО—XXI, 2014. С. 71–87.
26. *Akimova V.V., Tikhotskaya I.S.* Op. cit.

01

Экономическое развитие Автономного района Внутренняя Монголия в начале XXI века

© 2019

72 93
✓
В.О. Намжилова

В статье рассматриваются особенности современного развития экономики одного из крупнейших регионов Китая — Автономного района Внутренняя Монголия. Исследуется «феномен Внутренней Монголии» — рекордный по продолжительности сверхвысокий экономический рост, имевший место в первом десятилетии XXI века, сменившийся жесткими условиями «новой нормальности». Автор анализирует изменения отраслевой структуры, подробно останавливаясь на приоритетных отраслях: электроэнергетика, химическая промышленность, машиностроение и др. Особое внимание уделено совершенствованию механизма сотрудничества АРВМ с Россией и Монголией.

Ключевые слова: Автономный район Внутренняя Монголия, экономическое развитие, отраслевая структура, внешняя открытость, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), экономический коридор Китай — Монголия — Россия.

DOI: 10.31857/S013128120005301-2

От «феномена Внутренней Монголии» к реалиям «новой нормальности»

К началу XXI в. расположенный на севере Китая Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) представлял собой умеренно развивавшийся регион с деградировавшей за годы «большого скачка» и «культурной революции» индустриальной базой. Реализация курса реформ и открытости, объявленного ЦК КПК в 1978 г., началась здесь, как и на многих внутренних территориях страны, с почти 10-летней задержкой: первые опытные участки преобразования отношений собственности появились лишь в 1988 г., пункты со статусом открытых приграничных городов (Маньчжоули и Эрлянь) — в 1992 г. Так, последнее десятилетие прошлого века стало для АРВМ периодом становления многоукладной экономики, повышения внешней открытости, определения приоритетов развития. В районе, богатом природными ресурсами, возобновились геологоразведочные работы.

Переломным периодом в экономическом развитии АРВМ стала 10-я пятилетка (2001–2005 гг.), совпавшая с началом реализации в стране Программы масштабного освоения западных регионов. АРВМ был включен в данную программу в 2000 г., через год после ее официального провозглашения.

Подключение АРВМ, географически расположенного отнюдь не на западе страны, к этой престижной Программе было логично ввиду общности присущих им проблем (таким, как отстающее состояние развития, необходимость делать акцент

на инфраструктуру и на освоение природных ресурсов). И, наконец, наличие статуса национальной автономии.

В целом, в развитии экономики АРВМ за последние два десятилетия можно выделить два периода. Первый — время ускоренного роста, он пришелся на 2000–2012 гг., когда годичный ВРП повышался на 10% (в отдельные годы, опережая национальные показатели в 1,5–2 раза). Для второго периода (с 2013 г. по настоящее время) характерны значительное замедление темпов экономического роста: приближение их к общежитайским показателям, вплоть до 2017 г., когда рост экономики Китая оказался выше, чем в АРВМ (рис. 1).

В начале XXI в. участие в реализации инвестиционных проектов двух региональных программ подстегнуло рост экономики АРВМ: доля инвестиций в основной капитал повысилась в его ВРП с 27,5% в 2000 г. до 76,5% в 2010 г. (табл. 1).

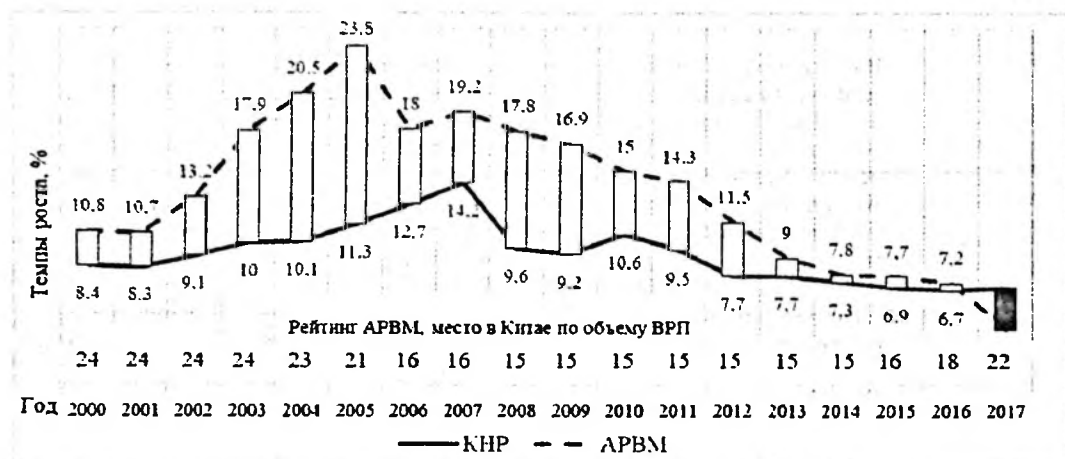

Рис. 1. Темпы роста ВРП и рейтинг экономики АРВМ в 2000–2017 гг.

В период 2002–2009 гг. годовые показатели прироста ВРП оказались здесь наилучшими в стране — примерно по 17,3% за год, причем пик (23,8%) пришелся на 2005 г. За восемь лет АРВМ поднялся в рейтинге китайских регионов по размерам ВРП с 24-го на 15-е место. Итогом динамичного роста можно считать приближение АРВМ по показателю ВРП на душу населения к приморским провинциям Цзянсу и Чжэцзян.

Появление в КНР термина «Феномен Внутренней Монголии» (*Нэймэнгу сяньсян*)¹ проистекало, во-первых, из низких стартовых условий этого региона и, во-вторых, из накачки инвестиционными ресурсами масштабных проектов по развитию инфраструктуры и освоению природных ресурсов.

Таблица 1

Динамика экономических показателей АРВМ в 2000–2017 гг.

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
ВРП, млрд юаней	153,91	390,50	1167,20	1783,15	1609,62
Доля АРВМ в национальном ВВП, %	1,56	2,11	2,85	2,59	1,95
Инвестиции в основной капитал, млрд юаней	42,36	264,36	892,65	1370,22	1401,31
Доля инвестиций в основной капитал ВРП, %	27,5	67,7	76,5	76,8	87,05
ВРП на душу населения, в юанях	6502	16331	47347	71101	63764

Источник: Государственное статистическое управление КНР.

URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm>

В 2005 г. объем капиталовложений в АРВМ вырос более чем вшестеро к уровню 2000 г., а в следующие пять лет — еще втрое. За период 10-й пятилетки совокупный объ-

ем дотаций из центра для АРВМ превысил 118 млрд юаней, обеспечивших 68,9% бюджетных расходов². Основными направлениями использования капитала были: расширение электросетей, строительство автомобильных и железных дорог, развитие инфраструктуры в деревне и скотоводческих районах, возведение социального жилья, охрана окружающей среды. Стоит отметить, что львиная доля инвестиций пришлось на капитальное строительство и лишь пятая часть — на модернизацию и реконструкцию.

«Феномен Внутренней Монголии» не случаен. Обладая необычайно богатым набором полезных ископаемых, многие месторождения которых еще только предстояло оценить, и располагаясь в относительной близости к столичному региону и крупным промышленным центрам Бохайского залива, АРВМ представляет собой привлекательный район для инвестирования и для встраивания его в национальные производственные цепочки. Растущие потребности Китая в электроэнергии, металлических сплавах, редкоземельных элементах для высокотехнологичных отраслей обусловили освоение ресурсного потенциала Внутренней Монголии. Этот автономный район становится ведущим поставщиком электроэнергии, при этом постепенно наращивая свое присутствие на рынке горнорудного сырья и различных видов промышленной продукции, превращаясь в крупный индустриальный центр, в энергетический форпост на севере страны. О динамике и масштабах производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, как и о вкладе АРВМ в национальное производство, можно судить по данным табл. 2.

Впрочем, имела место и «оборотная сторона медали». В АРВМ дало о себе знать обострение противоречий форсированного экономического развития, присущих всему Китаю: быстрые темпы роста на фоне медленного улучшения благосостояния населения, высокая доля накопления и низкий уровень внутреннего потребления, значительная ресурсоемкость экономики, деградация окружающей среды.

Таблица 2

Показатели АРВМ по основным видам промышленной и сельхозпродукции и их доля в показателях КНР (2000–2016 гг.)

Наименование продукции	Объем производства			Доля АРВМ в Китае, %		
	2000	2016	2016/2000	2000	2016	Динамика (+/-)
Чугун (млн т)	4,40	14,69	3,3	3,35	2,09	-1,26
Стальной прокат (млн т)	4,23	18,13	4,3	3,29	2,24	-1,05
Стальные изделия (млн т)	3,78	20,16	5,3	2,88	1,77	-1,11
Каменноугольный кокс (млн т)	3,93	28,16	7,2	3,23	6,27	+3,04
Электроэнергия (млрд кВт/ч)	43,92	394,98	9,0	3,24	6,43	+3,19
Цемент (млн т)	6,3	62,98	10,0	1,05	2,61	+1,56
Каустическая сода (млн т)	0,15	2,97	19,8	2,36	9,28	+6,92
Серная кислота (млн т)	0,16	3,00	18,7	0,66	3,28	+2,62
Пластмассы в первичных формах (млн т)	0,04	4,94	123,5	0,41	5,95	+5,54
Кукуруза (млн т)	6,29	21,40	3,4	5,93	9,75	+3,82
Пшеница (млн т)	1,81	1,70	0,9	1,97	1,32	-0,65
Мясо (млн т)	1,43	2,59	1,8	2,37	3,03	+0,66
Молоко (млн т)	0,79	7,34	9,3	9,55	20,38	+10,83
Овечья шерсть (тыс. т)	65,05	132,92	2,0	22,24	31,11	+8,87
Козий пух (т)	3,8	8,5	2,2	34,50	44,22	+9,72

Источник: Государственное статистическое управление КНР.

URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsjsj/2017/indexch.htm>

После десятилетия стремительного роста наращивание экономической мощи прежними темпами для АРВМ стало не только затруднительным, но и опасным, чрева-

тым угрозой перегрева экономики и нанесения значительного ущерба экологии. Пережив период гипертрофированного инвестиционного бума, АРВМ неизбежно перешел к замедлению экономического роста. Сверхвысокие темпы, превышавшие общеазиатские показатели в полтора раза, ушли из зоны двузначного роста в 2013 г., когда прирост ВРП составил 9%. Этому способствовало не только насыщение экономики АРВМ капиталом, но и ухудшение общей макроэкономической ситуации в стране, определенное ослабление спроса на ресурсы. Вступление Китая в «новую нормальность» с устойчивым замедлением экономического роста оказало существенное воздействие на движение «локомотива» экономики АРВМ — энергетики. Если в 2014–2016 гг. прирост ВРП держался здесь на уровне выше средних темпов роста для КНР (в диапазоне 7,2–7,8%), то в 2017 г. составил лишь 4%, а предварительные расчеты данного показателя по 2018 г. сулят 5,3%³.

Таким образом, условия «новой нормальности», в которые вступила китайская экономика в 2012 г., для АРВМ представлялись более жесткими, к тому же структурные дисбалансы выглядели более очевидными. Адаптация экономики АРВМ к новым реалиям требует, в первую очередь, перестройки отраслевой структуры⁴.

Отраслевая структура: определение специфики и выбор приоритетов

На развитие отраслей экономики АРВМ в первом десятилетии XXI в. значительное влияние оказало освоение ресурсов. Добыча полезных ископаемых (прежде всего, угля) и развитие производственных мощностей повлекли своего рода индустриальный скачок. Изменения, происходившие в отраслевой структуре экономики АРВМ, лишь в отдельных случаях были сопоставимы с общенациональными тенденциями. Если в 2000–2010 гг. удельный вес промышленности и строительства в Китае колебался на уровне 45–47%, то в АРВМ этот показатель вырос тогда с 37,8 до 54,5% (табл. 3). В последние годы в АРВМ отмечаются постепенное снижение доли промышленности и рост удельного веса сферы услуг (как и в целом по стране). К 2017 г. доля сельского хозяйства в производстве ВРП составила здесь 10,2% (в стране было 7,9%), доля промышленности и строительства — 39,8% (в стране 40,5%), доля сферы услуг — 50,0% (в стране 51,6%).

Еще в ходе 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) в АРВМ были определены шесть приоритетных отраслей промышленности (*тэсэ юши чанье*): энергетика, химическая промышленность, металлургия, машиностроение, переработка сельхозпродукции, высокие технологии. Очевидно, что развитие данных отраслей обусловлено наличием в АРВМ исключительных запасов энергоносителей, металлических руд, редкоземельных элементов, а также возможностями развития животноводства и растениеводства. В 2016 г. эти отрасли обеспечили 95% добавленной стоимости в промышленности⁵.

Таблица 3

Отраслевая структура экономики АРВМ в 2000–2017 гг.

Сфера производства	Удельный вес в ВРП, %			Добавленная стоимость, млрд юаней		
	2000	2010	2017	2000	2010	2017
Сельское хозяйство	22,8	9,4	10,2	35,08	109,52	164,97
Промышленность и строительство	37,8	54,5	39,8	58,26	636,77	639,96
Производство услуг	39,4	36,1	50,0	60,57	420,9	804,67

Источник: Государственное статистическое управление КНР.

URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexch.htm>

Генерация электроэнергии (не только на основе традиционных энергоресурсов, но и с использованием возобновляемых источников) представляет собой важнейшее ресурсное преимущество АРВМ. Выявленные и официально подтвержденные крупнейшие

в стране запасы каменного угля (800 млрд т)⁶ позволили району модернизировать имеющиеся и строить новые тепловые электростанции. За 2000–2017 гг. годовая выработка электроэнергии в АРВМ удесятилась (с 43,9 млн до 433,5 млн кВт/ч.), доля в общей выработке КНР умножилась с 3,2 до 6,8%. АРВМ лидирует в Китае по установленной мощности электростанций: на конец 2015 г. сей показатель фактически превысил 100 ГВт⁷. Причем свыше пятой их части (22,5 ГВт) приходится на ветровые генераторы (что сопоставимо с мощностью знаменитой ГЭС «Санься» на Янцзы⁸).

Свою роль в прогрессе энергетики АРВМ сыграла география. Значительная часть выработанной здесь электроэнергии (в разные годы от трети до половины общей выработки КНР) направляется в близлежащий энергодефицитный столичный регион и на промышленные объекты северо-восточных провинций.

Впрочем, в последние годы реализуются проекты переброски электроэнергии на отдаленные расстояния. Так, в АРВМ берут начало четыре сверхвысоковольтные линии электропередач постоянного тока (800 и 1000 кВ), строящиеся до приморских провинций по маршрутам: Шилингольский аймак — провинция Цзянсу (1620 км), уезд Шанхаймяо — провинция Шаньдун (1238 км), Шилингольский аймак — провинция Шаньдун (730 км). Ордос — Тяньцзинь (608 км). Примечательно, что возведение данных ЛЭП нацелено не только на решение проблемы энергообеспечения регионов Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и Дельта реки Янцзы, но и является частью национальной программы борьбы против загрязнения атмосферы⁹.

Поставка электроэнергии из АРВМ играет важную роль не только в масштабах Китая, но и имеет особое значение для энергообеспечения приграничных аймаков соседствующей с Китаем Монголии: в частности, для подачи тока к крупнейшему монгольскому месторождению меди и золота Оюу Толгой.

Химическая промышленность, как приоритетная отрасль экономики АРВМ, тоже тесно связана с освоением ресурсов угля, но не по топливному назначению. На территории Ордоса энергетическими корпорациями Шэньхуа и Итай построены первые в Китае заводы по сжижению угля. Для производства пластмасс, минеральных удобрений и широкого спектра химической продукции разрабатываются и внедряются новые технологии коксохимии, сжижения и газификации угля. Основным ориентиром в развитии отрасли стало повышение доли высокотехнологичных производств в химической отрасли до 70% к 2020 г. Важность развития углехимического производства осознается здесь не только как возможность более глубокой переработки угля, но и как способ экологизации и перспективной трансформации угольной отрасли.

Предпосылками дальнейшего развития металлургии (как черной, так и цветной) стали крупные запасы цинка (9,6 млн т), медной (4 млн т) и железной руды (2,1 млрд т)¹⁰. Флагманское предприятие отрасли — Баоган (ранее известное как Бао-тоусский металлургический комбинат, один из 156 объектов, построенных в Китае с помощью СССР в 1950-е годы). Базирующееся вблизи месторождения Баян-Обо, это предприятие за последние два десятилетия углубило специализацию и ныне позиционируется на мировом рынке как ведущий производитель рельсовой стали.

В сфере машиностроения доминирует транспортное и инженерное оборудование, включая востребованные здесь же геологоразведочную технику, супертяжелые грузовики и ветрогенераторы. По мере становления машиностроительной отрасли АРВМ и формирования основных направлений производства основные задачи ныне — стандартизация и повышение качества продукции¹¹.

Грядущий прогресс в переработке сельхозпродукции предопределен внушительным поголовьем скота (136 млн голов в 2016 г.) и широкими перспективами растениеводства. В производственную цепочку вовлечены 2,14 млн фермеров и пастухов¹². При внушительных объемах переработки мяса (3 млн т), молока (10 млн т.), шерсти (22 тыс. т) ключевыми направлениями развития отрасли являются акцент на производст-

ве экологически чистой продукции, ее брендинг и развитие онлайн-торговли. На рынке Китая все более узнаваемой становится продукция с географической индикацией: хулувбуирская баранина, уланчабский картофель, тунляосская сушеная говядина, хинганский рис, ухайский виноград и др.

Прогресс высокотехнологичных отраслей в АРВМ связан, в первую очередь, с разработкой новых материалов на основе соединений редкоземельных металлов, а также с развитием биофармацевтики и электроники. За последнее десятилетие особой динамикой отличилась сфера информационных технологий.

Доступная электроэнергия, близость к столичному региону, а также климатические особенности этого автономного района стали факторами развития «облачных технологий». Как итог, АРВМ выбран местом локации более 900 тыс. удаленных серверов «больших данных»¹³.

В Автономном районе долгое время функционировала только одна зона освоения высоких и новых технологий государственного уровня — в Баотоу. В 2014 и 2017 г. аналогичный статус получили высокотехнологичные зоны в Хух-Хото и Ордосе¹⁴.

Общее видение развития приоритетных отраслей было актуализировано в выдвинутой в 2013 г. «Стратегии развития 8337»¹⁵, определяющей основные ориентиры экономического и социального развития АРВМ на среднесрочную перспективу, а также в планах 13-й пятилетки Автономного района (2016–2020 гг.). Согласно названным документам стратегического планирования экономика АРВМ должна ориентироваться на создание пяти баз¹⁶:

- энергетическая база с высокой долей выработки чистой энергии для обеспечения нужд столичного региона и северных территорий страны;
- образцовая база современной углехимической промышленности;
- база переработки цветных металлов и производства современного оборудования;
- база производства и переработки экологически чистых продуктов питания;
- база туризма и рекреации, передающая специфику степной культуры и северного приграничья.

Острыми остаются проблемы высокой ресурсоемкости экономики и низкой добавленной стоимости: сырье, особенно в химической промышленности и металлургии, подвергается лишь первичной обработке. Удлинение производственных цепочек, поощрение научно-исследовательских разработок на предприятиях, поиск инновационных путей апгрейда традиционных отраслей являются главными задачами развития реальной экономики АРВМ на современном этапе¹⁷.

Активизация внешнеэкономической повестки АРВМ

Располагаясь на северных рубежах Китая, АРВМ имеет одну из самых протяженных пограничных линий в стране — более 4200 км границы с Монголией и Россией. Периферийное положение автономного района, слабые импульсы к сотрудничеству со стороны соседних стран долгое время отодвигали на второй план развитие внешнеэкономических связей. Определенную роль в этом сыграли высокая ориентация экономики АРВМ на внутренний рынок Китая, а также ограниченные возможности производства и экспорта конкурентоспособной продукции. В 2017 г. по объему внешней торговли (13,8 млрд долл.) АРВМ занял лишь 25-е место в стране, обеспечив всего 0,33% внешнеторгового оборота Китая.

Несмотря на значительный рост товарооборота с зарубежными странами (табл. 4), внешнеторговая квота, определяемая как удельный вес внешней торговли в ВРП и характеризующая внешнюю открытость региональной экономики, снизилась с 10,9% в 2000 г. до 5,8% в 2017 г. При этом темпы роста импорта превышали показатели

экспорта, что привело к образованию отрицательного сальдо внешнеторгового баланса, превысившего 4 млрд долл.

Таблица 4

Показатели внешней торговли АРВМ в 2000–2017 гг.

Показатель	2000	2005	2010	2015	2017
Внешняя торговля, млн долл.	2035,96	5161,90	8718,94	12783,91	13873,52
Экспорт, млн долл.	1021,85	2064,89	3334,85	5673,44	4877,96
Импорт, млн долл.	1014,11	3097,01	5384,09	7110,47	8995,56
Сальдо, млн долл.	7,74	-1032,12	-2049,24	-1437,03	-4117,6

Источник: Статистическое управление АРВМ.

URL: <http://www.nmgtj.gov.cn/Files/tjnj/2018/zk/indexch.htm>

Особый интерес представляют внешнеэкономические связи АРВМ с Россией и Монголией, совокупная доля которых в структуре внешней торговли приближается к 50%¹⁸. АРВМ импортирует из России и Монголии уголь, железную руду, древесину, медный концентрат, экспортируя стройматериалы, оборудование, предметы широкого потребления, фрукты и овощи.

По мере роста экономической мощи преодоление периферийности и эффективное использование приграничного положения выдвинулись в число важных задач экономического развития АРВМ.

Новые ориентиры пространственного развития Китая и объявленная в 2013 г. концепция создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) еще более актуализировали указанную новую задачу. Очевидно, что несмотря на фокусировку концепции ЭПШП на Центральной, Южной и Юго-Западной Азии, Пекин будет активен и на северных рубежах. Как отмечают эксперты, здесь в наиболее выигрышном положении оказывается АРВМ, попавшая в зону экономического коридора Китай — Монголия — Россия¹⁹. В целом, АРВМ отводится роль связующего звена между Китаем и северными соседями, в том числе через создание трехстороннего экономического коридора. В свою очередь, расширение связей и перспективы тесной хозяйственной консолидации с прилегающими территориями Монголии и России способны дать новый драйвер для экономического развития АРВМ.

Стратегический ориентир — превращение АРВМ в форпост открытости Китая в северном направлении (*сянбэй кайфан цяотюубао*) — исходит из национальной идеи обеспечения всесторонней открытости внешнему миру и впервые указан в пятилетнем плане развития Автономного района (2016–2020 гг.). Основными инструментами достижения этого ориентира обозначены: совершенствование взаимосвязанной инфраструктуры (дороги, телекоммуникации, электросети), развитие пунктов пропуска, совершенствование механизма сотрудничества с Россией и Монголией.

В последние годы выделяются следующие особенности развития пограничных пунктов пропуска АРВМ: расширение пропускной способности, повышение статуса, определение специализации. На сегодняшний день на территории АРВМ действуют 4 воздушных порта (Хух-Хото, Маньчжоули, Хайлар, Ордос²⁰) и 13 ППП, из них 4 — на границе с Россией, 9 — на границе с Монголией. Крупнейшие пункты пропуска на российско-китайской и монголо-китайской границе — Маньчжоули и Эрлянь — становятся ключевыми узлами в системе обеспечения евразийских грузоперевозок. Уже начато курсирование международных контейнерных поездов «Хух-Хото — Франкфурт», «Тяньцзинь — Маньчжоули — Европа», «Сучжоу — Маньчжоули — Европа», «Гуанчжоу — Маньчжоули — Европа».

Примечательно, что государство инвестирует не только в крупнейшие переходы Маньчжоули и Эрлянь, но и малые, динамично развивающиеся пункты пропуска.

С 2015 г. ежегодные расходы на развитие инфраструктуры ППП запланированы в размере 1,5 млрд юаней в год²¹. Рассматривая приграничные пункты АРВМ как ключевое звено в развитии трехстороннего экономического коридора, в крупнейших из них Китай намерен создать зоны трансграничного экономического сотрудничества: Эрлянь — Замын-Уд, Маньчжоули — Забайкальск, Ганцмод — Гашун-Сухайт, Цэкэ — Шивээхурэн²².

Отмечается своеобразная специализация пунктов пропуска на границе с Монголией: Эрлянь и Зун-Хатавч планируется развивать как пункты пропуска, имеющие выход к морю; Цэкэ, Ганцмод и Мандал — как ключевые узлы ресурсных коридоров (имеется в виду поставка угля, меди и других ресурсов из Монголии); Аршан, Ар-Хашат и Овдог будут ориентированы на обслуживание туристических потоков.

С началом реализации концепции ЭПШП усиление внешнеэкономической повестки АРВМ прослеживается в интенсификации деловых связей с Монголией и Россией, включая организацию монголо-китайского ЭКСПО в г. Хух-Хото.

АРВМ поощряет местный бизнес «выходить вовне», участвовать в инфраструктурных проектах в соседних странах. Капитал инвесторов из АРВМ сосредоточен в России и Монголии в таких сферах, как энергетика, добыча алюминия и других полезных ископаемых, жилищное строительство, заготовка и переработка древесины, растениеводство, переработка сельхозпродукции, общепит, перевозки. При этом наметилась тенденция активизации сотрудничества с отдаленными регионами Западной Сибири, Дальнего Востока и центральной части России. Оказывается поддержка и компаниям, открывающим в российских и монгольских городах торговые павильоны и выставочные залы для товаров из АРВМ, центры сервисного обслуживания, электронные коммерческие площадки.

* * *

Начало XXI в. стало временем стремительного обновления экономики АРВМ, что во многом обусловила смена приоритетов общей региональной политики Китая. В масштабах страны явно обозначилась роль региона в качестве поставщика электроэнергии, редкоземельных металлов и других полезных ископаемых. Замедленная экономическая динамика последних лет, последовавшая за десятилетием гипертрофированного экономического роста, представляется вполне ожидаемой и знаменует определенное насыщение экономики АРВМ капиталом.

Стратегические ориентиры, предполагающие развитие «пяти баз», в большинстве своем продолжают основываться на ресурсных преимуществах региона, но теперь уже с учетом их экологичного освоения и более глубокой переработки. Стоит отметить, что на экономическое развитие АРВМ определенное влияние будет оказывать динамика реализации совместных проектов Китая с Россией и Монголией в рамках создания трехстороннего экономического коридора.

Открытым остается вопрос, станет ли активизация внешнеэкономической повестки АРВМ временным явлением или долгосрочным трендом.

-
1. Термин *Нэймэнгу сяньсян* впервые был введен корреспондентом журнала «Ляован синьвэнь чжоукань» У Гоцин в статье «Развитие западных регионов и феномен Внутренней Монголии» в 2005 г. и далее вошел в широкий оборот в научных кругах, обозначая сверхвысокий рост экономики региона с низкой базой.
 2. Бэйфан цзинци. 2007. № 12. С. 4–8.
 3. 2018 нянь Нэймэнгу цзинци юньсин чэнцзидань чулу: [Итоги развития экономики АРВМ в 2018 г.] // Сайт Народного правительства АРВМ. URL: http://www.nmg.gov.cn/art/2019/1/23/art_365_249647.html

4. Нэймэнгу жибао. 03.06.2015.
5. *Чжао Хайдун*. И синь фачжань линиянь ниньлин Нэймэнгу сяньдайхуа цзинцизи тиси цзяньшэ: [Новая концепция развития для строительства современной экономической системы Внутренней Монголии] // Сайт Центра экономической информации АРВМ. URL: http://www.nmg.cei.gov.cn/information/nmg_jx41/msg11969209383.html
6. Департамент земельных и природных ресурсов АРВМ. URL: http://www.nmggtt.gov.cn/xwdt/xwzx/201502/t20150210_380243.html
7. URL: http://news.xinhuanet.com/energy/2015-12/17/c_1117485504.htm
8. URL: http://www.nmg.gov.cn/fabu/xwdt/nmg/201512/t20151217_514081.html
9. Нэймэнгу вайсун дяньлян вэньцзюй цюаньго шоуэвэй: [АРВМ занимает первое место в стране по поставкам электроэнергии] // Информационное агентство «Синьхуа». URL: http://www.xinhuanet.com/local/2016-09/28/c_129304118.htm
10. Департамент земельных и природных ресурсов АРВМ. URL: http://www.nmggtt.gov.cn/xwdt/xwzx/201502/t20150210_380243.html
11. Нэймэнгу цзычжищюй жэньминь чжэнфу баньгунтин гуаньюй иньфа «Нэймэнгу цзычжищюй чжуанбэйчжицзао бяочжуньхуа хэ чжилян тишэн гуйхуа» дэ тунчжи: [Уведомление канцелярии Народного правительства АРВМ об опубликовании «Плана стандартизации и повышении качества отрасли машиностроения АРВМ»] // Сайт Народного правительства городского округа Баотоу. URL: <http://www.baotou.gov.cn/info/2057/125127.htm>
12. Чжуаньсин шэнцзи цун чанье юши дао чанье гаодуань: [Преобразование и трансформация: от отраслевых преимуществ к высокотехнологичным отраслям]. URL: <http://nm.people.com.cn/n2/2017/0807/c381357-30577913.html>
13. From mining to big data: Inner Mongolia's economic development // China Daily. 08.08.2017.
14. И «синь» вэй яо тоци чуансинь Нэймэнгу: [Принимая «новое» как ключ к инновациям во Внутренней Монголии]. URL: <http://nm.people.com.cn/n2/2018/0713/c196667-31810925.html>
15. Свое «кодовое» название стратегия получила благодаря установкам, сгруппированным следующим образом: 8 объектов, требующих «создания» (*цзяньчэн*), 3 направления приложения усилий (*чжэоли*), 3 аспекта, требующих повышенного внимания (*гэнцзя чжучжун*) и 7 ключевых задач (*чжундянь гунцзо*).
16. Шэньжу гуаньчэ лоши цзычжищюй «8337» фачжань сылу: [О реализации стратегии развития «8337» в Автономном районе]. URL: http://www.nmgdj.gov.cn/bj_ztlm/8337/
17. *Чжао Хайдун*. Указ. соч.
18. Хух-Хотоская таможня КНР. URL: <http://huhehaote.customs.gov.cn/publish/portal99/tab62622/info878361.htm>
19. *Ларин В.* Новая геополитика для Восточной Евразии // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. С. 41–54. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Novaya-geopolitika-dlya-Vostochnoi-Evrazii-19739>
20. Эрдасы гоци ханкун коуань чжэнши дуйвай кайфан: Официально открыт международный воздушный порт Ордос]. URL: <http://inews.nmgnews.com.cn/system/2016/11/30/012202202.shtml>
21. Нэй Мэнгу: коуань вэй чжидянь жунжу «и дай и лу»: [Внутренняя Монголия: порты как опорные точки «Одного пояса, одного пути»]. URL: <http://finance.northnews.cn/2015/0814/1995949.shtml>
22. *Ян Чэньхуа. Чжун Мэн.* Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: продвижение взаимовыгодного сотрудничества // Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта: сб. мат-лов III междунар. форума Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России (18–22 сентября 2017 г., г. Улан-Удэ) / отв. ред. Б. В. Базаров, Ян Чэньхуа. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 14–17.

Теория и методология

Об эффективности употребления речевых приемов убеждения в бюджетных посланиях президентов Республики Корея

© 2019

А.М. Каплуненко, В.В. Вишнякова

В работе анализируются персуазивные (убеждающие) высказывания в бюджетных посланиях южнокорейских президентов парламенту. Эффективность, убеждающая сила соответствующих текстов рассматривается авторами в качестве персуазивных элементов. Первоочередное внимание в статье уделено иллюкутивной силе персуазивных речевых приемов в выступлениях президентов Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея, политический дискурс, персуазивное высказывание (персуазив), иллюкутивная сила, условия искренности.

DOI: 10.31857/S013128120005302-3

В Республике Корея с 2003 г. принято бюджетное правило, что 60% бюджетных расходов производится в первой половине года. В 2019 г. в силу сложившейся ситуации даже принято решение о выделении на первое полугодие 70% бюджета. Так, в январе—феврале 2019 г. 20% годового бюджета были реализованы, и это в условиях, когда январь и февраль традиционно считаются месяцами, в которых меньше рабочих дней, чем в остальных месяцах года. Каким образом президенту и правительству удастся убедить парламент и граждан идти на такие особенности формирования и расходования бюджета, тем более что некоторые финансисты считают, что такое бюджетное правило может разогнать инфляцию, но в РК все эти годы она не превышает 2–2,5%? Немаловажную роль, на взгляд авторов, играет умение убедительно представить проект бюджетного послания перед широкой аудиторией — парламентом и народом. В предлагаемой статье анализируются тексты бюджетных посланий президентов РК, представленные в парламенте в период 2003–2018 гг., выявляются инструменты, используемые для воздействия на аудиторию. Иными словами, в текстах президентских

Каплуненко Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения Иркутского государственного университета. E-mail: amkaplunenko@mail.ru;

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: vvishnyakova@hse.ru.

посланий выделены и исследованы высказывания, которые можно отнести к персуазивным (убеждающим).

К определению прототипического персуазивного высказывания

В современных лингвистических работах персуазивность нередко отождествляют с риторичностью¹, полагая, что ее основу составляют эмоционально-оценочные смыслы, убеждающие адресата не менее, а порой и более, эффективно, чем рациональные аргументы. По сути, такая позиция укрепляет первоначальное обращение к чувственной компоненте публичного обращения (например, проповеди), на чем настаивал еще в 1851 г. Дж. МакЛеод Кэмпбел². Развивая идею структурного представления персуазивности, российский исследователь А.В. Голоднов отмечает разграничение внешнетекстовой и внутритекстовой риторичности; при этом персуазивность отождествляется с первой: «Персуазивность представляет собой комплексную коммуникативную категорию, которую мы обозначаем как **внешнетекстовую риторичность**, или (макро)риторичность, в противовес внутритекстовой, или (микро)риторичности, понимаемой как **языковая характеристика художественного выразительного текста**»³ (выделено нами. — *К.А., В.В.*). Подчеркивая диалектическую связь между двумя разновидностями риторичности, А.В. Голоднов, казалось бы, решает проблему научного определения персуазивности, являющейся весьма динамичной категорией. Однако, на наш взгляд, при этом размываются границы категории, хотя расплывчатость категорий в гуманитарных науках признается ныне многими исследователями⁴. Тем не менее авторы статьи в значительной степени разделяют заключительный вывод А.В. Голоднова: «Единицей риторического метадискурса является **речевой макроакт персуазивности (персуазив)**, представляющий собой прототипический образец, совокупность правил осуществления речевого действия, за которым конвенционально закреплена персуазивная иллокутивная сила»⁵ (выделено нами. — *К.А., В.В.*).

В основе проведенного авторами анализа лежит общепризнанная классификация речевых актов, предложенная Дж. Серлем⁶ и приведенная Д. Вандервекенем⁷ к иллокутивной логике. Мы предлагаем рассматривать прототип персуазивного высказывания, некий инвариант, определяющий границы реального коммуникационного контекста как персуазивного, ориентированного на убеждение адресата.

Основные характеристики персуазивных высказываний президентов Республики Корея

Период 2003–2018 гг. в новейшей истории Республики Корея интересен для нашего исследования тем, что в это время наблюдались весьма сильные трансформации общественного сознания: отношения общества к власти, глобальным проблемам, традиционным конфуцианским ценностям и устоям. Доказательством таких сдвигов может служить революционная победа оппозиционных сил на президентских выборах в 2017 г., что сложно было предсказать буквально за год до событий.

Тексты бюджетных посланий президентов РК парламенту выбраны для исследования не случайно. В этом жанре политического дискурса весьма отчетливо представлено социально-политическое взаимодействие трех основных агентов: президента, парламента и избирателей. По социальной значимости и политической риторике эти документы напоминают ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию. Однако следует отметить, что в парламенте РК традиционно сильна оппозиция, поэтому совокупная иллокутивная сила бюджетного послания должна рассматриваться

с учетом «силы противодействия» оппозиции. Кроме того, эти послания широко освещаются в средствах массовой информации и их содержание доступно максимально широким кругам национальной аудитории.

В выступлениях каждого президента наряду с комментариями ключевых проблем, стоящих перед страной в соответствующий период (экономический кризис, улучшение/ухудшение отношений с Северной Кореей, внутриправительственная и внутрипартийная борьба), прослеживается изменение отношений между президентом и парламентом, между президентом и избирателями. Важно отметить, что традиционный корейский политический дискурс менее персонифицирован, менее индивидуален, чем, например, в «старых» демократиях Запада (Великобритания и США). Это во многом объясняется восточным типом мышления, которое, несмотря на все трансформации, до сих пор остается коллективным. Однако и в этой, казалось бы, устойчивой системе, наблюдается заметное движение от институционального к персональному — пусть больше по форме, чем по содержанию. Рассмотрим выступления действующего президента Мун Чжэ Ина⁸, имеющего высокую популярность среди населения страны.

Как отмечалось выше, близкий к прототипическому персуазив опирается на образ и поэтому может в равной степени вызвать энтузиазм, объединить — и посеять сомнения, разделить аудиторию. Тем не менее в ситуациях, требующих сугубо личной ответственности, Мун Чжэ Ин идет на определенный риск, прибегая к следующим образам: *требования граждан тяжелы как небо; бюджет — это горький плод* (выделено нами. — К.А., В.В.) Первое высказывание может интерпретироваться частью аудитории, не склонной к поддержке президента, как жалоба на непомерную тяжесть ответственности, а второе, с точки зрения той же аудитории, — как приукрашенная риторикой попытка «протащить» жесткий бюджет.

Представляется, что такие подозрения нейтрализуются фактором иллюкативной силы высказывания, известным как «условия искренности» (ср.: «психологическое состояние говорящего, выраженное в речевом акте»⁹). Большинство ключевых высказываний Мун Чжэ Ина — типичные перформативы: президент неизменно заявляет о собственной причастности к действиям правительства, например: *«согласно клятве, которую я давал перед гражданами / я считаю своей миссией выполнение всех обязательств»* и т.п. Кроме того, народные чаяния и стремления подчеркиваются как ведущий мотив действий руководителя: *«... если я выполню хотя бы половину того, что возложено на меня, то смогу считать, что осуществил свое призвание... / наши граждане всегда руководили политическими изменениями / сейчас время, когда президент реализует волю граждан»* и т.п.

Одновременно Мун Чжэ Ин манифестирует некоторую настороженность к действиям парламента, хотя и может объединяться с ним с помощью инклюзивного «мы», например, *«наша политика должна соответствовать ожиданиям граждан»*. Однако гораздо чаще в обращениях к парламенту звучат жесткие требования, весьма распространенны перформативы *«я требую / призываю»*.

Как показывают приведенные примеры, президент усиливает условия искренности, используя преимущественно глаголы чувственного восприятия — явный знак иллюкативной цели «верьте мне, люди!» Иными словами, бюджетные послания Мун Чжэ Ина обращены больше к избирателям, национальной аудитории, способной поддержать его в случае противодействия со стороны парламента. Это закономерно, если учитывать сложную ситуацию в стране, сложившуюся после отрешения от должности предыдущего президента Пак Кын Хе.

Ли Мён Баку, возглавившему РК в 2008 г., также выпало непростое время. Перед ним стояла задача вывести страну из глубокого экономического кризиса, вызванного обрушением мирового финансового рынка. Условия искренности его персуазивных высказываний близки тем, что отмечены нами в бюджетных посланиях Мун Чжэ Ина. Ли Мён Баку также предпочитал перформативные высказывания¹⁰. Он еще решительнее, образно говоря, «срезал путь» к сознанию избирателя и шире — национальной аудитории в целом, принимая персональную ответственность за все происходящее в стране, а значит, не осложняя прямые отношения с народом ссылками на деятельность парламента или правительства. Характерны близкие к прототипическим персуазивы Ли Мён Баку, например: *«я хорошо знаю, как сейчас страдает наш народ, я понимаю трудности граждан, я чувствую до мозга костей боль наших граждан»* (выделено нами. — К.А., В.В.).

Однако, в отличие от Мун Чжэ Ина, представителя корейской политической элиты, Ли Мён Баку — выходец из деловых кругов. Его речевому стилю не свойственны глаголы чувственного восприятия; явно ощущается влияние стратегической максимы североамериканской деловой риторики — *«говорю то, что имею в виду, а что имею в виду, то и говорю»*: *«я настаиваю/ все присутствующие здесь должны взять на себя ответственность/ я обращаюсь с призывом»*.

Ли Мён Баку оправдывал данное ему прозвище «бульдозер» многими чертами речевого поведения. Самая яркая из них — склонность к концептуальным метафорам движения и/или пути, что можно считать характерным признаком его персуазивных высказываний. Соответствующие контексты явно были обращены в большей степени к общенациональной аудитории, чем к парламенту: *«на тревоги о том, сможем ли мы преодолеть кризис, я однозначно отвечаю: сможем/ мы должны верить в наш собственный потенциал, веря в него и действуя бесстрашно все вместе, мы непременно выйдем на желаемый путь/ мы непременно должны осуществить мечту о создании успешного государства. Это не выбор, это призвание, историческая судьба наших потомков/ надо уходить от старых правил, не соответствующих мировым стандартам/ надо ломать преграды и преодолевать барьеры»*. На наш взгляд, здесь иллюкутивная сила персуазивных высказываний, опирающихся на концептуальную метафору пути, обеспечивается оценочными смыслами, которые свидетельствуют о призывах к переходу страны — в первую очередь, в экономической сфере — к североамериканским культурным ориентирам. Это и бесстрашные совместные действия (ср. известный афоризм Ф. Рузвельта «бояться можно только самого чувства страха»), и успех как прагматический положительный полюс (ср. «успешное государство»), и, наконец, апелляция к «мировым стандартам».

Таким образом, персуазивные высказывания Мун Чжэ Ина и Ли Мён Баку с необходимостью отражают особенности соответствующих периодов (времен культуры, по М. Фуко). Решающую роль в иллюкутивной силе высказываний играют условия искренности, стимулирующие их преимущественную перформативность даже в таком институциональном жанре, как бюджетное послание.

Более традиционны в речевом поведении два других президента рассматриваемого периода — Но Му Хён¹¹ (2003) и Пак Кын Хе¹² (2013). Отсутствие насущной необходимости в социально-политических переменных позволяет им руководствоваться традиционными правилами подготовки текстов бюджетных посланий. Оба президента выступают от лица правительства, обычно указывая на подготовку документа высокопрофессиональными единомышленниками. Так, «правительство» часто фигурирует в бюджетных посланиях Но Му Хёна: *«успехи правительства / правительство и*

впредь будет последовательно продвигать / правительство будет стремиться к верховенству закона / правительство сделает все возможное / правительство создает проект / правительство приложит все силы / правительство выдвигает первоочередной задачей... / правительство постепенно и терпеливо выстраивает взаимоотношения с Северной Кореей» и т.п. Отсутствие перформативности сопровождается весьма показательным разбросом глаголов действия, не привязанных — в отличие от дискурса Ли Мен Бака — к определенной концептуальной метафоре. Президент перечисляет приоритетные направления деятельности правительства, уклоняясь от упоминаний о собственной роли и значимости.

Если иллюкутивная сила персуазивных высказываний Ли Мён Бака и Мун Чжэ Ина формируется благодаря условиям искренности, аксиологический компонент как ключевой признак персуазива обусловлен у Но Му Хёна апелляцией к общеизвестным социально-политическим ценностям (активность, верховенство права, знание приоритетов, дипломатичность и т.п.). Очевидно, сравнительно спокойное время в РК начала 2000-х не противоречило популизму, исключаящему инициативу первого лица. И — самое главное! — адресовано такое послание в первую очередь парламенту.

Аналогичной стратегии придерживалась Пак Кын Хе; при этом она использовала практически те же клише: *«правительство продвигает / правительство поддерживает / правительство приложит все усилия / правительство собирает все силы / правительство создало / правительство принимает меры / правительство должно выстроить / правительство будет прислушиваться к советам / правительство возвращается на правильный путь / правительство сделало все возможное / правительство будет расширять возможности / правительство увеличило»* и т.п. Однако разногласия между правительством и парламентом, отказ собственной партии в поддержке, обострение отношений с оппозиционным парламентом обуславливают непростую политическую ситуацию и заставляют Пак Кын Хе активизировать потенциал условий искренности. Но заметим, что адресат традиционный — парламент и правительство: *«Я считаю, что у меня нет таких тем, которые бы я не могла обсудить в парламенте; я считаю, что сейчас правительству и всем политикам необходимо, отбросив старые разногласия, объединиться ради граждан; я очень прошу / объединиться / подождать и поверить / закончить конфликты»* и т.п.

Послание Пак Кын Хе в большей степени адресовано национальной аудитории в следующих персуазивах: *«Я буду прославлять нашу культуру, популяризировать ее в мире / я считаю, что мы можем достичь рассвета / я стала президентом, чтобы создать страну, где все будут счастливы / у меня есть мечта — создать страну, где будут счастливы все граждане»*. Однако ни образное «достичь рассвета», ни интертекст от известного *I have a dream...* Мартина Лютера Кинга не помогают преодолеть популизм высказываний: в них очевидны общие традиционные ценности, не подкрепленные деловой напористостью Ли Мён Бака или чувственностью Мун Чжэ Ина.

Анализ политического дискурса в РК на протяжении последних 15 лет обнаруживает характерные особенности организации персуазивов даже в таком консервативном жанре, как бюджетное послание президента парламенту. Близкие к прототипическим персуазивные высказывания здесь редки (исключение — Мун Чжэ Ин, вынужденный решать проблемы этического порядка). Из триады участников дискурса «президент — парламент/правительство — избиратели» последний участник (избиратели / национальная аудитория / народ) выдвигается на роль приоритетного адресата в периоды кризисов. Ведущим фактором иллюкутивной силы персуазивов являются условия

искренности (дискурсы Ли Мён Бака и Мун Чжэ Ина). В относительно стабильные периоды приоритетный адресат — парламент/ правительство. В качестве ведущего фактора иллюкутивной силы персуазивов преобладают популистские апелляции к ценностям (Но Му Хён и Пак Кын Хе). Осложнение политической ситуации, по всей видимости, заставляет активизировать условия искренности. Именно условия искренности содержат наиболее значительный потенциал иллюкутивной силы персуазивов.

1. *Голоднов А.В.* Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка). Дис. д. филол. н. СПб, 2011. 402 с.
2. *Campbell John McLood.* Christ the Bread of Life. TheClassics.us, 2013. 26 p.
3. *Голоднов А.* Указ. соч. С. 134.
4. *Фуко М.* Археология знания. Киев: НИКА-ЦЕНТР, 1996. 207 с.
5. *Голоднов А.* Указ. соч. С. 134.
6. *Searle J.R.* Meaning, Communication, and Representation // *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends.* Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209–226.
7. *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts. Vol. 1: Principles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p.
8. Мун Чжэ Ин тэтхоннен 2018нен есанан кваллен кукхве сиджоненсоль: [Бюджетное послание президента Мун Чжэ Ина парламенту]. URL: <https://news.join.com/article/22071843> (дата обращения: 15.01.2019).
9. *Searle, J.* Expression and meaning. Cambridge: Univ. of Cambridge Publ., 1979. P. 5.
10. Ли Мён Бак тэтхоннен, кукхве есанан сиджоненсоль: [Президент Ли Мён Бак, бюджетное послание парламенту]. URL: <https://news.join.com/article/3353985> (дата обращения: 15.01.2019).
11. Ли Хэ-чан чхонни кукхве сиджоненсоль — Но Му Хён тэтхоннен: [Премьер-министр Ли Хэ Чан бюджетное послание парламенту — президент Но Му Хён]. URL: <http://www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=31698> (дата обращения: 16.01.2019).
12. Пак тэтхоннен «2015нендо есанан сиджонёнсоль»: [Бюджетное послание парламенту президента Пак]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2014/10/29/0200000000AKR20141029067100001.HTML> (дата обращения: 15.01.2019).

16

Япония в классических американских геополитических теориях

© 2019

Ф.Г. Стругач

В статье анализируются основные положения теорий классиков американской геополитики А. Мэхэна, Н. Спайкмена и Дж. Кеннана применительно к политике США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в отношении Японии. Несмотря на различные трансформации в политике, *классические теории* остаются фундаментом современной внешней политики США. Автор резюмирует, что рассматриваемые концепции американских теоретиков в значительной степени отражают современные внешнеполитические действия США в регионе.

Ключевые слова: США, Азиатско-Тихоокеанский регион, Япония, геополитика, холодная война, А. Мэхэн, Н. Спайкмен, Дж. Кеннан.

DOI: 10.31857/S013128120005303-4

Политика США в отношении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) переживает период трансформации, привнесения новых подходов и диверсификации в отношениях с союзниками. Тем не менее современная политика США в целом продолжает основываться на теориях, предложенных тремя классиками геополитики — Альфредом Мэхэном (Alfred T. Mahan, 1840–1914), Николасом Спайкменом (Nicholas J. Spykman, 1893–1943) и Джорджем Кеннаном (George F. Kennan, 1904–2005). Более того, многие действия азиатской политики США на современном этапе объясняются положениями их теорий.

После Второй мировой войны США взяли курс на формирование глобальной внешней политики, провозгласив создание мира в соответствии с американскими представлениями или «мира по-американски» — Рах Америгана. Для достижения этой цели США нужны были надежные союзники в тех регионах мира, где проходила линия сдерживания СССР. Такими союзниками, в первую очередь, стали ФРГ в Европе и Япония в Азии. В марте 1947 г. президент Трумэн провозгласил доктрину сдерживания СССР и помощи «дружественным» странам, которые, как Иран, например, позволили Вашингтону разместить военную базу на своей территории или, подобно многим европейским странам, закупили американские товары. К этим «дружественным» странам относилась и Япония, которая, как и многие другие государства, должна была стать плацдармом для распространения американского влияния.

В конце 1940-х годов оккупационные власти США решили превратить Японию в проамериканский центр, призванный сдерживать распространение советского влияния в регионе. Важнейшим элементом такой политики сдерживания являлось формирование различных коалиций, организаций, экономических группировок и блоков, а также создание американских военных баз. Япония превратилась в стратегический пункт для распространения влияния США и контроля над ситуацией в Восточной Азии и Тихом океане.

98/96

не. Размещая в Японии военные базы, американцы демонстрировали свою военную мощь прежде всего перед советским руководством, осуществляя таким образом стратегию сдерживания СССР.

Удобное положение японского архипелага также позволяло контролировать ситуацию в Китае, где США на тот момент поддерживали, хотя и не очень успешно, гоминьдановский режим. Позднее, во время Корейской войны, японские острова стали идеальной промежуточной базой для американского военного контингента¹. По планам Вашингтона, Япония должна была стать самостоятельным участником коалиции с США, направленной на сдерживание СССР.

Выбор такой политики не был случайным. Американское правительство использовало широкую теоретическую базу, на основании которой разработана внешнеполитическая стратегия США в АТР. В связи с этим интересно рассмотреть, какое место занимает Япония в теориях крупнейших американских классиков геополитики, явившихся предтечами идеологии холодной войны — А. Мэхэна, Н. Спайкмена и Дж. Кеннана.

Теории Альфреда Мэхэна

Геополитическая школа США сформировалась под влиянием трудов Альфреда Тайера Мэхэна. Мэхэн не был ученым, он был кадровым военным. В 1859 г. Мэхэн окончил Военно-морскую академию США, затем, вплоть до 1896 г., служил в военно-морских силах США. После отставки занимал различные посты в правительстве: был членом Морского комитета по стратегии США, членом американской делегации на конференции в Гааге в 1899 г. Занимая важные государственные должности, Мэхэн принимал самое активное участие в формировании внешнеполитической стратегии США. В отличие от Фридриха Ратцеля, Юхана Челлена и других известных теоретиков геополитики того времени, деятельность Мэхэна носила более прикладной характер.

В работах Мэхэна получила развитие концепция «морской силы» (sea power). Основная идея данной концепции заключается в превосходстве морских держав над сухопутными. Согласно теории Мэхэна, использование морей дает значительные военные и экономические преимущества, что является важнейшим геополитическим фактором.

Одна из самых первых работ Мэхэна «Влияние морской силы на историю (1660–1783)»² обосновывает основные составляющие теории морской силы. Автор выделяет шесть элементов, которые влияют на морскую силу: особенности месторасположения страны (преимущество стран, обладающих береговой линией), географические и физические характеристики, размер государства, численность населения, национальные особенности населения и особенности государственного устройства³.

Мэхэн активно поддерживал и продвигал политику экспансии США, в частности он выступал за испано-американскую войну (1898 г.) и захват Гавайев и Филиппин⁴. Кроме того Мэхэн поддерживал применение стратегии «анаконда»⁵ к международным отношениям. Этот принцип предполагал блокаду береговой линии противника с моря, тем самым истощая и блокируя экономику вражеского государства.

В одной из своих ранних работ «Интерес Америки в морской мощи; настоящее и будущее»⁶ Мэхэн много внимания уделяет проблемам Гавайских островов. В 1893 г. на Гавайях произошел государственный переворот, в ходе которого была свергнута правящая монархия и провозглашена Гавайская Республика. Сразу после этих событий Мэхэн написал небольшую статью в газете New York Times, в которой указал на стратегическую важность островов. Вскоре он решил написать полноценную работу на данную тему. В итоге, глава, посвященная этому вопросу, была написана в 1893 г., в ней Мэхэн указывает на необходимость присоединения этих территорий и обосновывает, почему они важны для США.

Автор отмечает, что Гавайские острова в силу своего географического положения являются стратегически важной точкой для расширения влияния США в Тихом океане и могут стать крупным военно-морским портом. Мэхэн подчеркивал, что помимо удобного положения для ведения торговли острова имеют гораздо более серьезное значение с точки зрения военных и геополитических⁷ целей. Гавайи, расположенные посередине Тихого океана (немного ближе к американскому побережью), по Мэхэну, могли бы стать в качестве военно-морского порта США опорной точкой для контроля близлежащих территорий, включая Китай и Японию. Но на тот момент острова были «в значительной степени оккупированы китайским и японским населением»⁸, это могло привести к их возможному захвату азиатскими государствами. Мэхэн рекомендует правительству США обратить внимание на проблему Гавайских островов, потому что они могут стать либо «оплотом европейской цивилизации, либо азиатского варварства»⁹, и чтобы они не попали в сферу азиатского влияния, правительству стоит начать их присоединение к США.

Кроме того, автор неоднократно критикует доктрину Монро¹⁰ и утверждает, что США суждено стать одним из ключевых государств на мировой арене. Это связано с особым географическим положением Америки, которая находится между странами Старого света. При этом Мэхэн делает особый акцент на том, что США необходимо обратить внимание на колонии европейских государств в Тихом океане, а также на близость быстроразвивающейся Японии¹¹.

Именно Тихий океан привлекает внимание автора как перспективное направление развития внешнеполитической стратегии США. Указывая на близость Японии и Китая, Мэхэн считает, что правительству необходимо развивать западное побережье США и укреплять свои тихоокеанские порты.

Более того, Мэхэн предполагает, что XX век станет веком противостояния азиатских и европейских государств. Он задается вопросом — какая цивилизация окажется наиболее жизнеспособной и сильной — восточная или западная?¹² В своих первых работах Мэхэн неоднократно указывает на опасность, которая может исходить со стороны Японии, для предотвращения чего США необходимо развивать свой Тихоокеанский флот, наращивать военную мощь в регионе, укреплять существующие порты и создавать новые посредством присоединения таких важных территорий, как, например, Гавайские острова.

Мэхэн также опубликовал отдельную работу «Проблема Азии и ее влияние на мировую политику», посвященную вопросам, связанным с Азиатским регионом¹³. Интересно отметить, что за недолгие три года, разделяющие две вышеупомянутые монографии, взгляды Мэхэна относительно Японии значительно изменились. В «Проблеме Азии...» автор уже отделяет Японию от остальных азиатских стран, называет ее одной из важнейших мировых держав, к которым, на его взгляд, принадлежат США, Великобритания и Германия.

Основная идея автора состоит в исключительной важности территории Азии, пролегающей между 30-й и 40-й долготой, включающей в себя большую часть Китая, Турции, Персии и Афганистана. Эти земли важны как с географической точки зрения, так и с политической, поскольку они, по сути, не принадлежат ни одной из великих держав и будут предметом борьбы между ними, в которой может участвовать и Россия. Автор отмечает опасную политическую нестабильность на данных территориях. В такой ситуации именно Япония, как одна из наиболее продвинутых и «цивилизованных» стран региона, может служить инструментом обновления азиатских стран¹⁴. Мэхэн всячески поддерживает идею союза США и Великобритании, а также Великобритании и Японии, поскольку с помощью дружественной Японии будет возможно осуществлять контроль за нестабильным Китаем и агрессивной Россией.

Теоретик не видит в Японии угрозу. Наоборот, он считает ее одним из ключевых союзников США в Тихоокеанском регионе, с помощью которой можно осуществлять выгодную Вашингтону политику.

Один из последних трудов, в котором Мэхэн рассматривает политику в отношении Японии — «Интересы Америки в мировой политике», работа 1910 г.¹⁵ В ней есть глава «Отношения между Востоком и Западом», целиком посвященная азиатским вопросам. Автор называет Японию и США двумя сильнейшими морскими державами в Тихом океане. Поэтому стабильные и дружественные отношения между ними являются залогом сохранения баланса сил в регионе и, как следствие, мира и порядка на мировой арене¹⁶.

Тем не менее автор предлагает с осторожностью относиться к японской империи. Например, он отмечает, что основную рабочую силу на Гавайских островах, аннексированных США в 1898 г., составляют японцы, что может вызвать некоторые трения с американской администрацией¹⁷. Автор обращает внимание властей США на Маньчжурию, так как этот регион, по его мнению, в будущем может стать предметом разногласий между Японией, Китаем и Россией¹⁸ и, следовательно, источником нестабильности в регионе. Также Мэхэн считает, что США необходимо разместить свои основные военно-морские силы именно в Тихоокеанском регионе, а не в Атлантическом океане.

Проанализировав наиболее значимые работы Мэхэна, можно проследить, как изменялось его отношение к Японии. Если в своих первых трудах он видит в растущей и развивающейся Японии только угрозу, то впоследствии он рассматривает ее как возможного союзника, с помощью которого можно контролировать близлежащие территории — Китай, Корею и Россию. Кроме того, автор неоднократно указывает на необходимость развивать Тихоокеанский флот и увеличивать присутствие США в регионе для контроля важных территорий — Китая, Японии, России.

Интересно отметить, что японское правительство интересовалось теориями Мэхэна. Японцы несколько раз безуспешно пытались пригласить Мэхэна для чтения лекций — его идеи отвечали новой экспансионистской идеологии Японии в первой половине XX века. Японское правительство «приняло теории Мэхэна целиком, потому что в них содержались принципы для превращения государства в великую морскую державу, а именно такой хотело видеть Японию ее руководство»¹⁹. Эта стратегия носила название «продвижение на юг» (*нансин*) и фактически являлась полным переложением взглядов Мэхэна на японские реалии²⁰. Развитием и продвижением этой стратегии занималось военно-морское министерство Японии во главе с министром Ямамото Гомбэй, по указанию которого с 1902 по 1911 г. было опубликовано несколько статей на данную тему, автором которых был морской офицер Сато Тэцутаро.

Следование теориям Мэхэна двух государств — США и Японии — вызвало эффект зеркального отражения²¹. Обе страны стремились стать крупнейшими морскими державами в регионе и, что было логичным следствием этого стремления, вступили друг с другом в гонку вооружений. В 1901 г. у США было всего 7 линкоров по сравнению с 12 японскими, в 1907 г. это соотношение стало 35 к 25 в пользу США. К 1921 г. расходы на военные нужды (в основном военно-морские) составили треть государственного бюджета Японии²².

Теории Мэхэна оказали и продолжают оказывать огромное влияние на американских политиков и военных. Идеи автора нашли отражение в разработке после окончания Второй мировой войны внешнеполитической стратегии США, в том числе в отношении Японии. Они и сегодня играют значимую роль во внешней политике США. Япония, несмотря на заявления администрации США о снижении уровня политических отношений и о возможном закрытии военных баз, не потеряет своего приоритета в азиатской политике США.

Теория Николааса Спайкмена

Одной из знаковых фигур американской геополитической школы является американец голландского происхождения Николас Джон Спайкмен. На протяжении долгого времени он был первым директором Института международных отношений в Йельском университете, где занимался вопросами географии и политики. Спайкмена нередко называют одним из главных вдохновителей теории сдерживания²³, которую США применяли во время холодной войны.

Спайкмен написал множество статей и две монографии — «Американская стратегия в мировой политике» (1942)²⁴ и «География мира» («Geography of Peace», 1944 г.), которая была опубликована уже посмертно. Критики неоднозначно относились к этим работам²⁵. Некоторые отмечали, что, например, в «Американской стратегии...» содержатся очень здравые, точные и хорошо сформулированные идеи, которые правительству США необходимо принять к рассмотрению. Другие, наоборот, указывали, что идеи Спайкмена слишком радикальны и не должны публиковаться в открытом доступе²⁶. Тем не менее стоит отметить, что его работы вызывают большой интерес среди исследователей международных отношений.

В период с 1938 по 1939 г. Спайкмен опубликовал серию статей для журнала *The American Political Science Review*, в которых изложил свое мнение о будущем мировой политики. Например, в одной из первых статей²⁷ Спайкмен отмечает, что раньше мировой центр находился в Атлантике, где были сконцентрированы все крупнейшие державы. Однако с развитием и подъемом Японии, которая находится в Тихом океане, центр сместился, или даже вообще можно говорить о децентрализации на мировой арене: Великобритания и США потеряли свои доминирующие позиции именно из-за усиления Японии.

В другой статье²⁸ Спайкмен подробно рассуждает о мировых событиях тех лет — русско-японской войне, экспансии России и Японии на Дальнем Востоке и захвате японцами Кореи и Маньчжурии. Автор отмечает, что японцам нужно было защитить свою территорию, поэтому они захватили Корею, затем им нужно было защитить Корею, поэтому они захватили Маньчжурию, а дальше для этих же целей — Внутреннюю Монголию. Но, предупреждает Спайкмен, на этом японцы не остановятся и захотят еще больше территории, пока чуть ли ни весь мир будет принадлежать им²⁹. Он призывает правительство США обратить внимание на агрессивную политику Японии и видит в этом островном государстве огромную опасность для интересов Соединенных Штатов.

Если в указанной выше статье 1938 г. Спайкмен говорил о децентрализации мировой политики, то в более поздних трудах он выделял «три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток Евразии»³⁰. Согласно его теории, обладание этими территориями и контроль над ними превращают любое государство в сверхдержаву и позволяют ей доминировать во всем мире.

Кроме того, Спайкмен был одним из идеологов стратегии США во время холодной войны, поскольку он сформулировал теорию противостояния «моря и суши» (США и СССР). Согласно его идеям, геополитической осью мира являлся так называемый Римленд (Rimland) — пограничная зона между сушей Хартленд (Heartland) и морем. Державы суши пытаются взять эту зону под свой контроль, но цель США — сдерживание этих держав путем захвата Римленда и строительства на его территории военных баз и создания военных блоков.

Этот подход можно назвать традиционным для американской геополитики, поскольку как и ранее главенствующая роль отводилась морским и прибрежным территориям. Спайкмен делал особый упор на необходимость тесного союза с Великобританией и предотвращение победы Японии. В случае если бы Япония победила, она стала бы уг-

розой для США. Именно поэтому необходимо было разгромить ее и установить над ней контроль, сделав одним из основных форпостов США. Кроме того, Япония представляла собой Римленд, который американцы должны были взять под свой контроль и построить там военные базы для сдерживания стран Хартленда, в первую очередь СССР.

Япония занимает центральное место в работах Спайкмана. Это естественно, поскольку все его основные труды были написаны накануне или во время Второй мировой войны, когда Япония была основным противником США, и угроза со стороны Японии превосходила угрозу со стороны Германии.

Интересно, что Спайкмен сравнивает Японию и Великобританию и считает, что Япония в определенной степени равняется на это западное островное государство³¹. Он предсказывал, что и в дальнейшем японское правительство будет использовать в качестве примера политику Великобритании в XIX веке. В «Американской стратегии...» Спайкмен предсказал усиление Китая благодаря его географическому положению, ресурсам и численности населения. В таком случае, по его мнению, для сохранения баланса сил в Азии США придется создать военно-политический альянс с Японией³², которая, скорее всего, будет ослаблена после поражения в войне. Кроме того, автор неоднократно подчеркивает важность Японии как части Римленда в Тихом океане. Спайкмен не сомневался в победе США во Второй мировой войне и указывал, что после поражения Японии американскому правительству необходимо будет обратить внимание на союз с этим государством для сдерживания Хартленда.

Концепция Спайкмена вписалась в биполярный порядок международных отношений, который установился после окончания войны. На тот момент такие идеи можно назвать довольно смелыми, потому что мало кто мог предположить, что одним из важнейших партнеров США станет главный на тот момент военный противник Вашингтона.

В идеях Спайкмена прослеживаются преемственность и в определенной степени следование идеям других знаковых для американской классической геополитики фигур — Альфреда Мэхэна и Хэлфорда Маккиндера³³. Так же, как и Мэхэн, Спайкмен придавал важнейшее значение морской силе и развитию военно-морского потенциала США. Однако, в отличие от Мэхэна, он отрицал свободу морской торговли. Кроме того, автор соглашался с теорией Маккиндера о Хартленде, но развил ее и сформулировал новое понятие — Римленд.

Вклад Николаса Спайкмена в развитие теории международных отношений и в международные исследования неocenim. В 1930-е и 1940-е годы геополитика в США развивалась не очень активно, потому что эта сфера науки ассоциировалась с Гитлером, Карлом Хаусхофером и немецким экспансионизмом³⁴. Спайкмен был одним из немногих в США, кто проводил геополитические исследования. Его теоретические выводы оказались удивительно точными: как Спайкмен и предсказывал, Япония оказалась ближайшим союзником США, в то время как Китай, наоборот, стал соперником. Мир действительно разделся на два лагеря, и в какой-то степени это было противостояние «моря и суши».

Кроме того, его теории стали основой для разработки исследований в данной области для многих ученых³⁵. Сам Спайкмен, к сожалению, прожил очень короткую жизнь и не успел полностью развить свои идеи. Тем не менее он внес большой вклад в разработку внешнеполитической стратегии США после Второй мировой войны. Многие авторы отмечают, что его теории повлияли на политику Соединенных Штатов во время холодной войны³⁶.

В отличие от того же Мэхэна, Спайкмен никогда не занимал государственных постов, он был исключительно теоретиком. Тем не менее его работы широко обсуждались не только в научных, но и в правительственных кругах. Не все соглашались с его идеями, кто-то считал, что они слишком смелые или неправдоподобные, но знакомы с работами автора были очень многие³⁷. Во время Второй мировой войны монографию

Спайкмена «Американская стратегия...» читало больше людей, чем какую бы то ни было другую книгу по международной проблематике³⁸. Именно эта работа стала поворотным моментом в развитии американских взглядов на международные отношения и мировую политику. Она ознаменовала переход США к открытой политике экспансии и доминирования на мировой арене. Кроме того, в монографии отразился переход от идеалистических к более реалистичным и прагматичным взглядам на мировую политику. Можно сказать, что Спайкмен «не был автором политики сдерживания, но был ее вдохновителем»³⁹.

Теория Джорджа Ф. Кеннана

Если Николаса Спайкмена называют «крестным отцом политики сдерживания», то Джордж Ф. Кеннан был ее создателем⁴⁰.

Кеннан, как известно, знал русский язык, и долгое время занимал различные дипломатические посты в СССР. Начиная с должности переводчика (1933 г.), затем был первым секретарем посольства США в СССР (1934–1938 гг.), советником посольства (1945–1946 гг.), а затем и послом (1952 г.). Кроме того, Кеннан с 1947 по 1949 г. занимал должность главы отдела Государственного департамента США по планированию внешней политики и сыграл свою роль в разработке внешнеполитической стратегии США.

Свои взгляды на развитие международных отношений и рекомендации правительству США Кеннан изложил в двух известных документах — так называемой длинной телеграмме (The Long Telegram, 1946 г.) и в статье «Истоки советского поведения» (The X Article or The Sources of Soviet Conduct, 1947 г.). Для сдерживания СССР Кеннан предложил путь создания военных баз в непосредственной близости к территории Советского Союза⁴¹. Кеннан отмечал, что правительство США должно сдерживать агрессию и экспансию СССР, его взгляды легли в основу доктрины Трумэна и плана Маршалла. Доктрина Трумэна предполагала финансовую помощь государствам, на территории которых США впоследствии создавали военные базы, в том числе и Японии. Она фактически явилась провозглашением политики сдерживания. Несмотря на то, что идеи Кеннана касались преимущественно политики в отношении СССР, они косвенно затрагивали и Японию. Именно Япония стала одним из основных форпостов США, главным партнером в Тихоокеанском регионе и важнейшей частью политики сдерживания в Азии. Кеннан принимал непосредственное участие в разработке оккупационной политики США в Японии.

В 1948 г. Кеннан прибыл в Японию на встречу с главнокомандующим оккупационными войсками Дугласом Макартуром (1880–1964 гг.). Кеннан лично передал японскому правительству требования Вашингтона о необходимости нового курса в японской политике.

В самом начале оккупации проводилась политика разукрупнения крупных конгломератов (*дайбацу*), владеющих основными сферами японской экономики. Кеннан был убежден, что «либеральные программы Макарура разрушают экономику и ставят Японию под удар внутренней подрывной деятельности левых сил»⁴². По настоянию Кеннана оккупационной администрацией был создан совет по пересмотру Закона о разукрупнении (то есть о пересмотре политики децентрализации). В итоге список японских компаний, которые подлежали реорганизации и раздроблению, сократился с 325 до 9.

Эти меры также можно рассматривать как часть политики сдерживания. Если до 1948–1949 гг. американское правительство надеялось использовать Китай как основного союзника в регионе, а Японию — максимально ослабить и демилитаризовать, то с усилением коммунистических сил в Китае эти надежды не оправдались. После приезда Дж. Кеннана в Японию произошел переход к новой политике по отношению к Японии — именно она стала рассматриваться как главный партнер США на Тихом океане.

* * *

Несмотря на многие трансформации во внешней политике США в отношении АТР, наследие Альфреда Мэхэна, Николаса Спайкмена и Джорджа Кеннана продолжает работать в политике США. Провозглашенные ими идеи — поддержание статуса великой морской державы, попытки установления свободной торговли в Азии, создание блоков и сдерживание таких государств, как Россия и Китай, а также сотрудничество с Японией и контроль над военным и политическим развитием этой страны остаются неизменными во внешней политике США.

Начиная с американо-испанской войны 1898 года, которая сделала США морской державой и гегемоном в АТР, тезисы А. Мэхэна, Н. Спайкмена и Дж. Кеннана плотно вошли в американский внешнеполитический дискурс. Более того, несмотря на различные попытки ревизии данных установок, например, попытки поддержать Гоминьдан в Китае в период администраций Ф. Рузвельта и Г. Трумэна, или усилить военное сотрудничество с Индонезией в период администрации Б. Обамы, или изменение позиции по ситуации на Корейском полуострове в период администрации Д. Трампа не привели к дестабилизации политики США в отношении Японии. Именно поэтому можно говорить о фундаментальном характере данных теорий.

Они во многом объясняют современную политику США в отношении КНР (развернувшаяся торговая война), а также политику в отношении России, например, попытки сдерживания России, в том числе с помощью военных баз на территории Японии.

1. U.S. Strategy in Northeast Asia / Strategic Studies Center. Arlington, 1978. P. 58–62.
2. *Mahan A. T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783.* Boston, 1894.
URL: <https://ia902706.us.archive.org/15/items/influencesearpow02mahagoog/influencesearpow02mahagoog.pdf>.
3. *Mahan A. T.* Op. cit. P. 28.
4. *Мухаев Р.Т.* Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Регионоведение», «Политология». «Международные отношения». М., 2009. С. 152.
5. Стратегия «анаконды» была разработана американским генералом Мак-Клелланом во время Гражданской войны (1861–1865 гг.)
6. *Mahan A. T. The interest of America in Sea Power, present and future.* Boston, 1918.
URL: <https://ia902604.us.archive.org/21/items/interestofseapow00mahauoft/interestofseapow00mahauoft.pdf>.
7. Сам автор не использовал слово «геополитика» в своих работах.
8. *Mahan A. T. The interest of America in Sea Power, present and future...* P. 162.
9. *Ibid.* P. 31.
10. Послание президента США Д. Монро Конгрессу в 1823 г., в котором утверждалось, что США не должны вмешиваться в европейские дела, а Европа не должна вмешиваться в американские дела.
11. *Mahan A. T. The interest of America in Sea Power, present and future...* P. 22.
12. *Ibid.* P. 243.
13. *Mahan, A. T. The Problem of Asia and its Effect upon International Policies.* Boston, 1900.
URL: <https://ia600400.us.archive.org/22/items/problemasiaandi01mahagoog/problemasiaandi01mahagoog.pdf>.
14. *Ibid.* P. 148.
15. *Mahan A. T. The Interest of America in International Conditions.* Boston, 1915.
URL: <https://ia902701.us.archive.org/29/items/interestamerica03mahagoog/interestamerica03mahagoog.pdf>.
16. *Ibid.* P. 198.
17. *Ibid.* P. 201.
18. *Ibid.* P. 135.

19. *Park D.H.* The Geopolitical Destiny of East Asia. Kansas, 2011. P. 11.
20. *Schencking J.C.* The Imperial Japanese Navy and the Constructed Consciousness of a South Seas Destiny, 1872–1921 // *Modern Asian Studies*. 1999. № 4. P. 782.
21. *Graham E.* Review on From Mahan to Pearl Harbor: The Imperial Japanese Navy and the United States. By Sadao Asada. Naval Institute Press, Annapolis, Md., 2006 // *Journal of Japanese Studies*. 2008. № 2. P. 517.
22. *Ibid.* P. 518.
23. *Norwitz J.H.* Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency. Newport, 2008. P. 147.
24. *Spykman N.J.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New Brunswick, Transaction Publishers, 2007.
25. *Furniss E.S. Jr.* The Contribution of Nicholas John Spykman to the Study of International Politics // *World Politics*. 1952. Vol. 4. № 3. P. 382.
26. *Ibid.*
27. *Spykman N.J.* Geography and Foreign Policy. I // *The American Political Science Review*. 1938. Vol. 32. № 1. P. 28–50.
28. *Spykman N.J.* Geographic Objectives in Foreign Policy. I // *The American Political Science Review*. 1939. Vol. 33. № 3. P. 391–410.
29. *Ibid.* P. 399.
30. *Гаджиев К.С.* Геополитика. М., 1997. С. 12.
31. *Spykman N.J.* Geography and Foreign Policy. II // *The American Political Science Review*. 1938. Vol. 32. № 2. P. 215–216.
32. *Spykman N.J.* America's Strategy in World Politics... P. 469.
33. *Green M.* China's Periphery: Implications for U.S. Policy and Interests // *Orbis*. 2012. Vol. 56. № 3. P. 361.
34. *Furniss E.S. Jr.* Op. cit. P. 386.
35. *Ibid.* P. 401.
36. *Işeri E.* The US Grand Strategy and the Eurasian Heartland in the Twenty-First Century // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14. № 1. P. 33; *Norwitz J.H.* Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency. Newport, 2008. P. 147.
37. *Furniss E.S. Jr.* Op. cit. P. 382.
38. *Zoppo C.E., Zorgbibe C.* On Geopolitics: Classical and Nuclear. The Hague, 1985. P. 251.
39. *Blouet B.W.* Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West. London, 2005. P. 3.
40. *Owens M.T.* In Defense of Classical Geopolitics. URL: <https://web.archive.org/web/20010306130037/http://www.nwc.navy.mil/press/review/1999/autumn/art3-a99.htm>.
41. Kennan G.F. Telegram, George Kennan to George Marshall ["Long Telegram"], February 22, 1946 // *Harry S. Truman Administration File. Elsey Papers*. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/coldwar/documents/pdf/6-6.pdf.
42. *Takemae E.* Inside GHQ: The Allied occupation of Japan and its legacy. New York, 2002. P. 459.

Государство и общество

16 72

Элементы традиционной китайской идеологии в современном идеологическом курсе КПК

В
Х

© 2019

И.И. Грузинов

В статье рассматриваются новые подходы в развитии идеологического курса КПК, которые основываются на ценностях традиционного китайского мировоззрения. В отдельных элементах этого курса используются идеалы древнекитайских мыслителей, например, представление об обществе *сяокан* или «благородном муже». Возможно, именно это обращение к прошлому позволит сплотить нацию и разрешит противоречия, накопленные за годы роста КНР. Автор полагает, что традиционная идеология стала неотъемлемой частью современного идеологического курса КПК.

Ключевые слова: КПК, Си Цзиньпин, идеология, традиция, конфуцианство, общество «сяокан».

DOI: 10.31857/S013128120005304-5

После назначения Си Цзиньпина генеральным секретарем КПК на XVIII съезде партии в 2012 г. китайские власти все чаще обращаются к идеям древнекитайских мыслителей. Участились упоминания конфуцианских установок и понятий в выступлениях Си Цзиньпина¹: он регулярно прибегает к прямому и не прямому цитированию конфуцианских доктринальных трудов, говоря о ценностях и принципах китайской нации², а идеи, о которых говорит Си, берут начало в концепциях *жу-цзя*³ и других традиционных китайских учений.

В таком цитировании некоторые исследователи видят попытку поиска собственной модели общественного устройства, которая должна помочь преодолеть ценностный кризис, вызванный проводимыми в Китае реформами⁴. Действительно, после 2012 г. Си Цзиньпин стремится придать Конфуцию образ прародителя китайской культуры⁵. Привлекательность конфуцианского (как, впрочем, и других) традиционного учения состоит в том, что оно является аутентичной китайской разработкой, и это позволяет использовать его как мощный пропагандистский инструмент. Такая стратегия сочетается с идеей «китайской мечты о возрождении китайской нации», ведь в бытовом восприятии учение *жу-цзя* синонимично всей китайской цивилизации.

Однако заимствования из традиционной китайской идеологии, которая формировалась на базе древнекитайских духовных учений, имели место еще до провозглашения

Грузинов Иван Ильич, аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель Московского государственного лингвистического университета. E-mail: grivan@yandex.ru.

92-104 185

КНР. Началом этой практики можно считать старт процесса «китаизации марксизма»⁶. Этот проект являлся попыткой представить используемые КПК идеологию и социальные идеалы как традиционные, имеющие свою национальную специфику⁷. Такой подход подкреплялся тезисом о том, что на протяжении тысячелетий исторический процесс в Китае происходил согласно определенным законам, характеризовался рядом национальных особенностей и создал множество культурных ценностей, и теперь коммунисты должны обобщить прошлое от Конфуция до Сунь Ятсена⁸.

КПК на протяжении многих лет⁹ занимается реабилитацией конфуцианских идей, используя ценности традиционной культуры как вспомогательное средство для поддержки курса КПК населением¹⁰, но после 2012 г. этот процесс ускорился. При этом понимание древних идей и концептов меняется: на восприятие духовной культуры Китая влияет новый социальный контекст, и процесс заимствования элементов традиционной китайской идеологии сопряжен с их обновлением¹¹. Изучение специфической синтезированной идеологической платформы, сформировавшейся к настоящему времени, позволит выявить основные векторы современного идеологического курса КПК.

Важным заимствованием является понятие *сяокан* (среднезажиточное общество), вновь введенное в политический дискурс Дэн Сяопином в 1979 г. После 2012 г. *сяокан* было включено в «китайскую мечту» и сохранило позиции одного из опорных элементов действующего идеологического курса. В рамках последнего *сяокан* — программа по улучшению благосостояния общества и идеологический инструмент, однако само понятие имеет большое количество определений. Сейчас, когда происходят серьезные сдвиги в идеологической платформе КПК, необходимо обратиться к философской трактовке концепции *сяокан* для более полного понимания его современного значения.

Согласно канону «Ли цзи», *сяокан* — общество, где долг (*и*) и ритуал (*ли*) являются основными ориентирами. Вместе с категориями человеколюбие (*жэнь*), доверие (*синь*) и уступчивость (*жан*) они должны позиционироваться как нормы поведения в обществе *сяокан*. В «Ли цзи» *сяокан* предстает как общество, пришедшее на смену эпохе *датун* (великого единения), когда «действовало Великое *дао*, Поднебесная принадлежала всем». *Сяокан* трактуется как период, «когда Великое *дао* уже скрылось, Поднебесная принадлежит семьям»¹².

Мэн-цзы, в свою очередь, полагал, что истинный правитель — тот, кто даст народу возможность заниматься собственным благополучием, не чиня препятствий¹³. Кроме того, Мэн-цзы настаивал на необходимости «гуманного правления» и на значимости материального фактора («постоянное имущество» при правильном общественном устройстве) в жизни народа¹⁴. При этом он в целом соглашался с тем, что *сяокан* является обществом, которое ушло от наиболее благополучного своего состояния — *датун*¹⁵.

Новизну в интерпретацию социальных утопий привнесли более поздние конфуцианцы, в частности Кан Ювэй. Он предполагал, что *сяокан* является переходным этапом на пути к *датун*¹⁶, то есть «перевернул» ход истории: от периода хаоса к *сяокан* и затем к *датун*¹⁷.

В контексте социально-политического учения элемент *тун* означает объединение множества людей в коллектив с четкой иерархией, общими целями и задачами¹⁸. Подобный подход к интерпретации древних утопических идей позволяет провести параллели с некоторыми идеологическими установками современной КПК.

Идея «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» связана с объединением страны, о котором «мечтает несколько поколений китайцев»¹⁹. Великое единение может стать новой основой для интеграционных процессов после построения общества *сяокан*, которое, согласно «двум столетним целям», должно произойти в 2021 г. При этом концепция Кан Ювэя была позитивно воспринята Сунь Ятсеном и Чан Кайши и принята как дополнительное идеологическое обоснование политики Гоминьдана и Китайской республики. Если КПК утвердит *сяокан* как модель пере-

ходного общества в соответствии с идеями Кан Ювэя, то Тайвань будет лишен идеологических обоснований считаться независимым государством, и это станет предпосылкой для объединения Китая.

Сейчас в вопросе объединения Китая используется политика «одна страна — два строя»²⁰, но сама эта идея относится к «китайской мечте»: КНР использует все возможные формы влияния для того, чтобы на легальных основаниях выйти за пределы существующих фактических границ и потенциально вернуть свои владения²¹.

Важным элементом современного идеологического курса КПК является борьба с коррупцией. На открытии XVIII съезда КПК Ху Цзиньтао говорил о том, что рост коррупции подрывает развитие страны и может стоить Китаю государственности²². Си Цзиньпин также заявил о «нулевой терпимости» к коррупции и отметил бесконечность борьбы с ней²³. Принципы, которые вкладываются в представление о «правильном» чиновнике, соотносятся с конфуцианской идеей о *цзюнь цзы*.

Благородный (или «совершенный») муж *цзюнь цзы* является неотъемлемой частью обществ *сяокан* и *датун*. Этот концепт — норматив личности, который изначально был соотнесен с правителем и представителями социальных верхов, а затем распространен на всех людей, следующих конфуцианской добродетели²⁴. *Цзюнь цзы* противопоставлен «маленькому (ничтожному) человеку» (*сяо жэнь*) и подчинен совершенно мудрому *иэн*, а также придерживается пути (*дао*). Согласно традиционным представлениям, благородный муж является «патриотом» и служит правителю и государству, что коррелирует с представлениями о «правильном» чиновнике²⁵. Развернутая антикоррупционная кампания, обладающая явным идеологическим подтекстом, которая целенаправленно очищает всю вертикаль власти²⁶ от неблагонадежных и порочащих государство служащих, подтверждает эту установку. При этом опора на должное исполнение своих обязанностей и соблюдение законов чиновниками укрепляется пропагандой традиционных ценностей.

Использование идеи о *цзюнь цзы* также возможно в контексте идеологического воспитания населения, где происходит ретрансляция идеала общественного поведения, заключенного в «благородном муже», на обычных граждан. Правомочность использования воспитательного инструмента подтверждается трактовкой *сяокан*, в рамках которого предполагается распространение и популяризация образования в целях общественного благополучия. При этом образование, основанное на текстах традиционных учений, должно способствовать пропаганде «правильных», с точки зрения КПК, ценностей. Влияние подобного подхода на действующий идеологический курс заметно по призыву Си Цзиньпина возрождать традиционную культуру в государственных детских садах и школах²⁷.

Сейчас в КНР популярны методики²⁸, которые включают в себя чтение и запоминание детьми китайской классики. Это должно помочь привить детям традиционные ценности и улучшить учебные способности, даже если сейчас они еще не понимают смысла текстов. Также традиционные учения популяризируются через СМИ, что способствует усилению их позиций среди населения. Идея пропаганды традиционной культуры являются элементом «китайской мечты» о «богатом и сильном» Китае²⁹, где под «богатством» подразумевается в т.ч. духовная сторона, а под «силой» — и уровень экономического развития, и достижения в области культуры, науки, образования³⁰.

Определение КНР как сильного государства неразрывно связано с вопросом соблюдения законодательства. Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК отметил, что партия должна «следить за тем, чтобы буква закона непреложно соблюдалась. Никому не позволено ставить себя над законом»³¹. Жесткое подчинение законодательству и принципы равенства в контексте традиционных китайских учений напрямую связаны с легизмом (*фа цзя*).

Учение легистов предполагало создание сильного централизованного государства на основе законов, строгого контроля над их исполнением и беспрекословном подчинении общества обладающему всей полнотой власти правителю³². Подобные методы управления неприемлемы для нынешнего китайского руководства, поэтому открытое включение доктрины легистов в идейный базис КПК невозможно. Тем не менее, использование некоторых идей легистов вполне допустимо. Например, положение о правлении на стыке авторитаризма и тоталитаризма³³ подходит под описание политики нынешних властей КНР, а «чистый вариант» легизма схож с методами руководства Мао Цзэдуна в период Культурной революции 1966–1976 гг. Сейчас осуществляется не такой жесткий контроль над населением, однако периодически происходят своеобразные «чистки». В данном вопросе есть несколько аспектов, каждый из которых заслуживает отдельного внимания.

Во-первых, необходимо упомянуть цензуру в сети Интернет. На все поисковые системы, работающие в китайском сегменте Сети, распространяются правила фильтрации поисковой выдачи по ряду ключевых запросов, и после 2012 г. список запрещенных сайтов западных сервисов и платформ, которые принадлежат компаниям из КНР и расположены на китайских серверах. Важно, что цензурируются те сообщения, которые могут дать повод для массовых политических выступлений, паники или вызвать политическое движение (в т.ч. виртуальное)³⁴. Но в спокойной информационной ситуации критика чиновников и явлений общественно-политической жизни не возбраняется. Более того, публикации такого рода китайское правительство воспринимает как один из элементов «обратной связи» для управления страной³⁵. Такой подход соответствует призывам, представленным в тексте «Постановления ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ» (принято 3-м пленумом ЦК КПК 18-го созыва 12 ноября 2013 г.)³⁶.

Во-вторых, с 2012 г. серьезным изменениям подверглись правила съемок телесериалов и игровых фильмов. Был запрещен ряд тем, и этот список регулярно обновляется. В 2016 г. запретили к показу сцены насилия и сцены, которые могут очернить семейные отношения³⁷; в список также входят демонстрация курения, распития спиртного, одежды непристойного характера³⁸, а с 2018 г. — некоторые элементы внешнего вида³⁹. Таким образом, КПК под лозунгом «борьбы за сохранность нации» стала контролировать культурные феномены, связанные с широкой и восприимчивой аудиторией⁴⁰.

Важным элементом контроля над обществом является введение системы социального кредита, инициированное властями КНР в 2014 г.⁴¹. Эта система должна охватить все общество: с ее помощью всем действиям граждан КНР и китайских компаний будет даваться оценка в соответствии с несколькими параметрами. Есть прецеденты, связанные с ограничением доступа граждан, обладающих низким социальным рейтингом, к определенным услугам⁴². Однако до сих пор неясно, насколько жизнеспособна система такого рода и в каком именно виде она продолжит функционировать.

Подобные ужесточения законов и общая тенденция к тоталитарному правлению могут служить сигналом о негативных сдвигах в идеологическом курсе КПК. Впрочем, это не связано с укреплением идей собственно *фа цзя*: после падения империи Цинь произошел синтез конфуцианства и легизма, что привело к «смягчению» некоторых положений второго учения. Слияние двух идейных парадигм было необходимо для сохранности нового конфуцианского государства: предложенные легистами методы управления и государственные институты следовало сочетать с уважением к традициям⁴³. В период с 1949 по 1976 г. уже наблюдалась склонность к милитаризму в попытке создать сильное государство, что способствовало укреплению связи между двумя идейными течениями. Таким образом, курс современной КПК на восстановление

некоторых положений конфуцианства может привести к реставрации идей легистов в рамках синтезированной традиции.

Современное китайское общество демонстрирует скорее капиталистический, а не коммунистический уклад⁴⁴, что противоречит принятым идеологическим установкам. Китайские исследователи утверждают, что это связано с построением общества *сяо кан*: в ситуации, когда в стране имеются бедные, социализм отсутствует; он будет достигнут, когда реализуется идея о всеобщей средней зажиточности и можно будет точно сказать, что есть социализм, а что — капитализм; до этого времени говорить о разделении этих понятий и разделении этих типов обществ невозможно⁴⁵. При этом видение картины «будущего социалистического общества» будет неполным без рассмотрения идей школы моистов.

Моисты во главе с Мо-цзы вызывали интерес прежде всего у советских исследователей, которые трактовали это учение как протосоциалистическое, а самих моистов представляли защитниками зарождающегося рабочего и крестьянского класса⁴⁶, однако это учение не очень известно. Вероятно, это вызвано целым рядом факторов: во-первых, конфуцианское учение куда более известно и понятно носителям собственно конфуцианской (а не моистской) традиции; во-вторых, уже были приняты конфуцианские термины и положения, представленные как собственная разработка КПК; в-третьих, моизм пропагандировал идеи уравнительности на низшем уровне, то есть отрицал устремление к процветанию и зажиточность.

Учение моистов, к которому обращался Си Цзиньпин на ряде встреч⁴⁷, повлияло на некоторые положения «китайской мечты», в частности, на ее основную трактовку: «мечта всех» состоит из многих «малых мечтаний»⁴⁸, и это коррелирует с идеями школы, которая не пыталась нивелировать значение отдельной личности, растворив предпочтения и желания индивидуума в общих потребностях и необходимости.

Идея «всеобщей любви и взаимной пользы» (*цзянь ай сянь ли*) подразумевает пользу не для отдельного человека, а для каждого из людей, и одновременно является и отражением этого принципа, и его критерием. То есть отдельный человек должен гуманно относиться ко всем остальным, соблюдая принцип, установленный Небом (*тянь*). Если этот человек пожелает что-либо, то Небо исполнит это желание, таким образом показывая человеку, что тот верно исполняет предписанные принципы. В результате формируется круг событий: исполнение принципа ради вознаграждения — вознаграждение для выполнения принципа — исполнение принципа ради вознаграждения и т.д. Таким образом, причиной добродетельных поступков являются желания человека, критерием этих поступков — «взаимная польза»⁴⁹. Схожие механизмы присутствуют в «китайской мечте»: каждый человек, желая что-либо, должен заботиться об общем благе, и если он приносит пользу обществу, то может рассчитывать на некое вознаграждение. Этот внешне меркантильный подход подразумевает пользу прежде всего для людей в целом, но не для индивидуума.

Из идеи «взаимной выгоды» выводится представление о справедливом правлении, которое, по мнению Мо-цзы, не могло быть установлено из-за существовавшей системы замещения должностей и получения рангов. Мыслитель предлагал назначать на должности людей, учитывая только их способности и моральные качества, а не социальное положение. Схожий меритократический подход сейчас успешно применяется в КНР⁵⁰. Однако достаточных оснований полагать, что это является заслугой моистов, нет: эта концепция не уникальна сама по себе.

Любопытна моистская критика в отношении чиновников, которые тратят полученные от налогов средства на обряды (*ли*), в то время как простой люд страдает⁵¹. С точки зрения моистов, правитель и чиновники должны полностью соответствовать единому критерию правственности, так как они являются поведенческим образцом⁵². Подобные «призывы к скромности в верхах» коррелируют с «восемью положениями

по улучшению рабочего стиля», которые были приняты для сокращения «отрыва» КПК от рядовых китайцев⁵³. Позже нормы поведения были ужесточены: новый стиль работы был назван «три строгости» (к себе, в исполнении полномочий, в самодисциплине)⁵⁴. Таким образом, в моистских доктринах можно обнаружить отсылки к современным партийным установкам.

Можно заключить, что использование элементов традиционной китайской идеологии в виде отсылок, упоминаний, явного или неявного цитирования идей различных учений, категорий и ценностных ориентиров в речах и постановлениях членов КПК после 2012 г. встречаются все чаще. Регулярно звучат призывы к внедрению в систему воспитания и обучения древнекитайских канонических текстов. Следует отметить, что при формировании идеологием используются не только конфуцианские идеи, но и разработки других учений, которые также являются элементами общей конфуцианской традиции, так как берут начало в одном культурном ареале.

При этом практика обращения КПК к традиционным учениям нередко встречается с критикой в трудах некоторых исследователей. Они обращают внимание на то, что конфуцианские установки могут в значительной степени затормозить развитие КНР⁵⁵. Однако многие заимствования нужно рассматривать в контексте идеологической платформы КПК и интерпретировать как политические инструменты, но не как попытку использовать традиционные установки в современном мире.

Идеи традиционных учений играют роль важного пропагандистского инструмента и гармонично встроены в текущую идеологическую повестку КПК. С осторожностью можно предположить, что руководство КПК пытается связать легитимность собственной власти с древней идейной традицией. Фактически появляются конструкции, утверждающие возможность реализации «утопических проектов» благодаря руководящей роли КПК.

-
1. Хоу Цзюэ. Влияние этики Конфуция на взгляды и публичные выступления председателя КНР Си Цзиньпина // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 2015. № 4. С. 62–65.
 2. Циньнянь яо цзыцзюэ цзяньсин шихуэйчжун хэсиньцзячжигуань: [Молодежь хочет сознательно претворять в жизнь социалистические ценности] // Сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_176/201405/167911.html (дата обращения: 20.11.2018).
 3. Confucius says, Xi does // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does> (дата обращения: 17.08.2018).
 4. Лукин А. В. Китай: марксизм или конфуцианство? // Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. С. 265.
 5. Confucius says, Xi does // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/china/21659753-communist-party-turns-ancient-philosophy-support-confucius-says-xi-does> (дата обращения: 17.08.2018).
 6. Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014. С. 111; Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. С. 22–23.
 7. Там же. С. 37.
 8. Панцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 466–467.
 9. Лукьянов А. Е., Переломов Л. С. «Сяо кан» в китайской цивилизации. URL: http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/lukjanov_sjao-kan.htm (дата обращения: 19.09.2018).
 10. Каретина Г. С. Конфуцианство в процессе модернизации Китая // Известия Восточного института. Владивосток, 2015. № 2 (26). С. 8.

11. *Yang F., Tamney J.B.* Nationalism, Globalization, and Chinese Traditions in the Twenty-First Century // *Confucianism and Spiritual Traditions in Modern China and Beyond*. Boston: Leiden, 2012. P. 3.
12. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 1. М.: Вост. лит., 2006. С. 244.
13. *King Fajing.* Big vocabulary of Confucian culture. Beijing. P. 164–165.
14. Духовная культура Китая... С. 335–336.
15. *Кобзев А.И.* Понятийно-теоретические основы конфуцианской социальной утопии // *Китайские социальные утопии*. М.: Наука, 1987. С. 69–71.
16. *Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* «Сяо кан» в китайской цивилизации...
17. *Тихвинский С.Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980. С. 258.
18. Духовная культура Китая... С. 242–245.
19. Си Цзиньпин цзуншуйци хуэйцзянь Тайвань хэпин тунъи туанъи лянъхэ цаньфантуанъ: [Си Цзиньпин провел встречу с делегацией Ассоциации по мирному объединению с Тайванем] // *Жэньминьван*. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0927/c1024-25745597.html> (дата обращения: 25.11.2018).
20. Там же.
21. *Каплан Р.* Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2015.
22. Ху Цзиньтао поведаль, как коррупция угрожает китайской государственности // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/08/11/2012/823938.shtml> (дата обращения: 21.11.2018).
23. Си Цзиньпин: Борьба с коррупцией в Китае никогда не закончится // *Жэньминьван* // *Renminwang*. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0923/c31521-8953777.html> (дата обращения: 21.11.2018).
24. Духовная культура Китая... С. 547.
25. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. С. 90.
26. *Кашин В.* Большая китайская чистка // *Ведомости*. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/02/18/630151-bolshaya-kitaiskaya-chistka> (дата обращения: 21.11.2018).
27. Си Цзиньпин цзюной циншюанъань: цинъянь ю даньдан гоцзя юцяньту: [Си Цзиньпин обратился к подросткам: в перспективе молодёжь должна взять на себя управление государством] // Интернет-портал Tencent. URL: <http://news.qq.com/a/20130505/000012.htm> (дата обращения: 20.11.2018).
28. Уважать старших: возвращение конфуцианского учения в детские сады и школы Китая. URL: <http://ekd.me/2015/10/school-confucianism> (дата обращения: 20.11.2018).
29. *Кузнецов Д.В.* Концепция «китайской мечты» и национальное возрождение Китая // *Современный Китай в условиях трансформации*. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 204.
30. *Китайская мечта и мир / под ред. Хуан Хуагуна и Луань Цзяньчжана*. Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2014. С. I—XIII.
31. Полный текст доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // *Жэньминьван*. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (дата обращения: 21.11.2018).
32. Духовная культура Китая... С. 291–294.
33. *Переломов Л.С.* Указ. соч. С. 108–130.
34. *King G., Pan J., Roberts M.E.* How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression. URL: <http://gking.harvard.edu/files/censored.pdf> (дата обращения: 06.12.2018).
35. *Yuen Yuen Ang.* Authoritarian Restraints on Online Activism Revisited: Why 'I-Paid-A-Bribe' Worked in India but Failed in China // *Social Science Research Network*. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2244661 (дата обращения: 06.12.2018).
36. Постановление ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ // *Китайский информационный Интернет-центр*. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-01/15/content_34148517.htm (дата обращения: 10.11.2018).
37. *Xu Wei.* TV series ordered to exclude same-sex romance, reincarnation, extramarital affair contents // *Shanghai Daily*. URL: <http://www.shanghaidaily.com/national/TV-series-ordered-to-exclude-samesex-romance-reincarnation-extramarital-affair-contents/shdaily.shtml> (дата обращения: 06.12.2018).
38. В Китае запретили показывать на ТВ однополые отношения и любовь подростков. URL: <http://ekd.me/2016/03/no-homo-tv> (дата обращения: 07.12.2018).

39. Chinese heartthrobs' earlobes are pixellated after censors «ban male stars from wearing earrings on TV» // The Daily Mail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6597983/China-ban-male-stars-wearing-earrings-TV.html> (дата обращения: 21.01.2019).
40. *Ellis-Petersen H.* China bans depictions of gay people on television // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/tv-and-radio/2016/mar/04/china-bans-gay-people-television-clampdown-xi-jinping-censorship> (дата обращения: 07.12.2018).
41. State Council Notice concerning Issuance of the Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020). URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 12.12.2018).
42. *Chan T. F.* China's social credit system has blocked people from taking 11 million flights and 4 million train trips // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/china-social-credit-system-blocked-people-taking-flights-train-trips-2018-5?r=UK> (дата обращения: 12.12.2018).
43. *Васильев Л.С.* История Востока. М.: Высшая школа, 1998.
44. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 86.
45. Китайская мечта и мир... С. 18–19.
46. *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука, 1985. С. 30.
47. *Тавровский Ю.В.* Китайская мечта Си Цзиньпина // Новые ведомости. URL: <http://nvdaily.ru/info/39165.html> (дата обращения: 10.12.2018).
48. *Чжан Чжэнчунь.* Си Цзиньпин чжуси вэйшэньмэ туйчун Мо-цзы?: [Почему председатель Си Цзиньпин почитает Мо-цзы?] // Фусинван. URL: <http://www.mzfxw.com/e/action/ShowInfo.php?classid=13&id=6386> (дата обращения: 10.12.2018).
49. Духовная культура Китая... С. 354.
50. *Герасимов В.С.* Политическая меритократия: восточная альтернатива западным традициям управления обществом в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. М.: 2015. № 2 (41). С. 196–197.
51. Mozi // Chinese Text Project. URL: <http://ctext.org/text.pl?node=796&if=en&show=meta> (дата обращения: 26.05.2018).
52. Древнекитайская философия: Собр. текстов: в 2-х тт. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 191.
53. *Новосельцев С.В.* Концепция китайской мечты и ее практическое применение // Сравнительная политика. М.: Издательская группа «Юрист», 2016. Т. 7. № 1 (22). С. 18.
54. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
55. *Слобожанин А.В., Хоу Цзюэ.* Место конфуцианской этики в развитии современного Китая: негативные аспекты // Общество: философия, история, культура. Краснодар: Издательский дом «ХОРС», 2017. № 7. С. 68–71.

О гражданско-правовых аспектах модернизации Тайваня

© 2019

72
В Х
Н.В. Анисимцев

Статья содержит краткую характеристику истории становления и развития, современного состояния гражданского права Тайваня в контексте модернизации общества и экономики острова. Специально рассматривается тема вещно-правовых отношений. Анализируются общие принципы вещного права страны, состояние института собственности, узufrуктные права (суперфиций, агрокультурное право, сервитут, право Дянь), обеспечительные права (ипотека, залог, удержание), владение. Анализ структуры и эволюции вещно-правовых институтов раскрывает некоторые особенности процесса модернизации Тайваня в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: Тайвань, Китайская Республика, Гражданский кодекс, вечное право, собственность, обеспечительные права, модернизация.

DOI: 10.31857/S013128120005305-6

Российская наука и общество держат Тайвань в поле своего постоянного внимания. Свидетельством тому является ряд современных глубоких российских исследований процессов модернизации Тайваня. Общий исторический анализ модернизации Тайваня можно найти в работах А.В. Лукина, М.В. Иванова, В.Г. Бурова, В.Ц. Головачева, Л.М. Гудошника¹.

Пониманию процессов модернизации Тайваня должен послужить и анализ эволюции гражданско-правовых отношений в этой стране, особенно ее институтов, отношений в сфере вещного права.

Гражданский кодекс Китайской Республики² был принят еще на континенте. Он вступал в действие (по частям) в 1929–1930 гг. и позже неоднократно редактировался. Данный Кодекс и поныне является основным документом, регулирующим все частно-правовые отношения в обществе. Он выстроен по системе континентального европейского права, заимствует основные подходы и принципы законодательства Германии и Швейцарии. Кодекс содержит пять частей. Первая часть излагает общие принципы (практически касающиеся главным образом вопросов собственности и долгов). Вторая

Анисимцев Николай Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: nickans1@mail.ru.

Статья является частью исследования по теме «Гражданское право Тайваня: история и современность», выполненного автором в качестве стипендиата Тайваня (Taiwan Fellowship Recipient) в январе—декабре 2018 г. Исследование стало возможным благодаря финансовой и организационной поддержке Центра китайских исследований при Национальной библиотеке Тайваня, работающего под эгидой МИД Тайваня. Также поддержку автору, работавшему в статусе «Приезжего исследователя» (Visiting Researcher), предоставил Национальный Тайваньский университет и его Колледж права. Автор выражает благодарность за оказанную помощь.

105 114 116

часть трактует обязательственное право (контракты, деликты³, незаконное обогащение). Третья — вещное право. Четвертая и пятая части — вопросы семьи и наследования соответственно. Гражданский кодекс Китайской Республики действует на Тайване и поныне, хотя он несколько раз подвергался ревизии (Общие принципы — в 1982 г., Обязательства — в 1999 г. Последняя ревизия вещного права — в 2010 г.).

К концу 1980-х годов Тайвань добился качественно нового состояния: высоко-развитая экономика, успешно вписавшаяся в мировой рынок, значительные финансовые, интеллектуальные и технологические ресурсы, обширные предпринимательские слои и хорошо образованное население. Этот путь был проделан под опекой авторитарного режима, проводившего патерналистскую, протекционистскую политику и решавшего общенациональные задачи модернизации. В итоге Тайвань подошел к новому этапу исторического развития, который следует характеризовать как общество развитого промышленного капитализма.

С 1987 г. авторитарный режим военного правления завершается. В литературе распространена характеристика смысла и содержания нового исторического этапа развития этой страны как «переход от диктатуры к демократии». На наш взгляд, подобная характеристика рассматривает феномен модернизации слишком узко, в «плоскостном», излишне политизированном ракурсе. Более правильно говорить о становлении «двухколейной модели» экономического и социально-политического развития, при которой сосуществуют, взаимодействуют и соперничают два основных полюса власти и общества — элитный и общегражданский.

Слаборазвитое общество, как правило, консолидирует свои силы для решения общенациональных задач и преодоления препятствий его развитию, находимых во внешней для общества среде. Но с победой над внешними трудностями и препятствиями в успешном и развитом обществе наступает эпоха внутренней дифференциации, когда источником развития становится внутренняя диалектика — соперничество и взаимодействие внутренних сил общества: фокус его «борьбы за жизнь» перемещается извне внутрь самого общества, теперь внутренняя борьба толкает общество вперед, становится источником саморазвития.

В новых условиях в адрес Гоминьдана все сильнее зазвучали обвинения в «диктатуре» и требования «демократии». Сформировавшиеся новые слои предпринимателей, мелких и средних, потребовали расширения своей доли в бизнесе и доходах, доступа к государственным ресурсам, ограничения власти олигархии и пресечения сращивания ее с властью. Обширный средний класс и предпринимательские круги сформулировали свои политические идеи и программы, потребовав выборности и ответственности власти перед народом, перестройки многих политических и административных структур.

Обострилась и ранее скрытая, отложенная проблема — этнополитическая идентификация народа Тайваня: проявилось соперничество между «континентальными», «пришлыми» *вайшэн жэнь* (т.е. ханьцами, прибывшими с континента вместе с гоминьдановской армией, так называемыми *Mainlanders*) и так называемыми коренными/местными *бэньшэн жэнь* (*хокло* и *хакка*, т.е. ханьцы, поселившиеся на острове еще до 1949 г., до гоминьдановского «нашествия»), плюс аборигенные племена аустронезийской группы). «Континентальные» китайцы в силу их связи с Гоминьданом представляли собой некоторую элитарную прослойку тайваньского общества, доминировавшую в структурах власти и бизнеса.

Помимо успехов в экономическом и социальном развитии, радикально поменялось и международное окружение Тайваня. Продолжение прежнего антикоммунистического курса теряло смысл, открывались новые перспективы и возможности.

Таким образом, само понятие модернизации обрело новое содержание в новых условиях — теперь это феномены высокоразвитого капиталистического промышленного общества, развивающегося за счет сил внутренней диалектики, движущегося путем стратегии «двухколейного развития», где «диктатура» и «демократия» — это два полюса одного социального механизма, полюса элитарного и общегражданского. При этом элитарные силы Тайваня объединяются вокруг Гоминьдана, они образуют политическую коалицию, условно именуемую «синие». Их оппоненты собираются под лозунгами Демократической прогрессивной партии (ДПП) — «зеленая» коалиция.

Разумеется, как всякие схемы, и эта схема приближительна и условна. Недавно (май 2018 г.) в Тайбэе автору довелось спросить тайваньского ученого-социолога: «Верно ли мнение, что ДПП — это партия либерализма, “партия богатых”, а Гоминьдан — партия социал-демократического типа?». Он возразил: «Нет, “партия богатых” у нас — это Гоминьдан, а “партия за народ” — это ДПП. Но последнее время они стали почти одинаковыми».

Огромные перемены происходят и в сфере законодательного регулирования жизни общества. Диктатура мало нуждается в законодательстве, но в условиях либерального политического режима право становится важнейшим инструментом государственного управления.

Ранее Гражданский кодекс (ГК) страны практически не подвергался ревизиям, но на новом этапе тайваньские законодатели активно взялись его совершенствовать. Одновременно в процесс законотворчества вступают Суды Тайваня: опираясь на свою судебную практику, они начали создавать важные судебные прецеденты, давать комментарии к законам.

История и хронология формирования Гражданского кодекса Тайваня (ГКТ) вкратце таковы. Глава 1: «Общие принципы», принята 23 мая 1929 г. Редактировалась: 4 января 1982 г., 23 мая 2008 г., 10 июня 2015 г. Глава 2: «Обязательства», принята 22 ноября 1929 г. Пересматривалась: 21 апреля 1999 г., 26 апреля 2000 г., 30 декабря 2009 г., 26 мая 2010 г. (наиболее важные ревизии — в 1999 г. и в 2009 г. — статьи 687, 708). Глава 3: «Вещное право», принята 30 ноября 1929 г. Редактировалась: 16 января 1995 г., 28 марта 2007 г., 23 января 2009 г., 3 февраля 2010 г., ревизия ст.805–13 июня 2012 г. (Наиболее важные ревизии — в 1995 г. статья 942; в 2007 г. — право гарантий; в 2009 г. — Общие принципы и Право собственности; 2010 г. — право пользования/узуфрукт и владение; 2012 г. — статья 805). Глава 4: «Семья», принята 26 декабря 1930 г. Ревизовалась: 3 июня 1985 г., 25 сентября 1996 г., 17 июня 1998 г., 21 апреля 1999 г., 19 января 2000 г., 26 июня 2002 г., 23 мая 2007 г., 9 января 2008 г., 23 мая 2008 г., 29 апреля 2009 г., 30 декабря 2009 г., 27 января 2010 г., 19 мая 2010 г., 26 декабря 2012 г., 11 декабря 2013 г., 29 января 2014 г., 14 января 2015 г. (Основные ревизии — в 1985 г.; 2009 г. — статьи 1131, 1133; 2010 г. — статьи 1118, 1059; 2012 г. — статья 1030; исключены статьи 1009–1011). Глава 5: «Наследование», принята 26 декабря 1930 г. Ревизовалась: 3 июня 1985 г., 2 января 2008 г., 10 июня 2009 г., 30 декабря 2009 г., 29 января 2014 г., 14 января 2015 г. (Основные ревизии — в 2007–2010 гг.).

Важнейшая область гражданского строя общества, частноправовых отношений — это вещное право. Вещное право оформляет и регулирует отношения правообладателей с объектами права — имуществом различного вида (недвижимое, движимое).

«Вещное право» (*wuquan-fa*, Rights in Rem. Третья часть Гражданского кодекса Китайской Республики), действующее ныне на Тайване, функционирует уже почти 90 лет.

Структура части «Вещное право» ГКТ включает на сегодня 10 глав: Общие принципы, Собственность, Суперфиции, Агрокультурное право, Сервитуты, Ипотека,

Залоги, Право Дянь (аренда), Удержание, Владение. Часть и посвящена изложению и разъяснению этих фундаментальных институтов, прав.

Профессор Чан Юнь-чен (Академия Синика) проделал скрупулезный анализ процесса ревизии, его движущих сил и концептуальных источников. Он показал, что «с самого начала совершенствование Вещного права было скорее любимым проектом правовых элит для доктринальных и других практических нужд, нежели вызывалось требованиями гражданского общества или делового мира»⁴. Фактически ведущей концептуальной силой пересмотра части ГК выступили ученые-профессора и судьи, особенно первые. влияние бизнес-сектора мало заметно.

Реформы вещного права Тайваня представляют собой «реформы сверху», а не «снизу». Данное обстоятельство обнажает характерную черту модернизации и демократизации Тайваня на современном этапе.

Первая глава «Вещного права» ГКТ посвящена **Общим принципам** (ст. 757–764).

Во-первых, это установленность законом (*fading-zhuyi*), или «законность», «статутность» отношений и операций. Ст. 575 гласит: «Никакое вещное право не является установленным, покуда и иначе как не будет обеспечено законами или обычаями». Принцип означает, что только законодательная власть может создавать типы вещных прав, без собственной законной, «статутной» базы норма права не может быть воспринята.

Во-вторых, принцип публичности. Он обеспечивает безопасность и постоянство сделок. Стороны должны совершать вещно-правовые сделки публично. Ст. 758 ГКТ предписывает: «Приобретение, создание, утрата или изменение вещных прав реальной собственности через правовой акт не имеют силы, пока не совершена регистрация... письменным образом». Ст. 651 распространяет данный принцип и на движимое имущество.

В-третьих, принцип «добраго убеждения», «доверия к публичности» (*shanyi-shourang*, *bona fide*). Принцип сформулирован в ст. 801 и 948. Он призван обеспечить доверие и законную силу операции регистрации недвижимости при передаче ее третьей стороне: регистрация и передача имущества третьей стороне все равно имеет законную силу при условии, что третья сторона была в «доброе убеждение» относительно законности сделки, хотя бы это убеждение и не соответствовало реальному положению дел (если вдруг первая передача имущества — от первой ко второй стороне сделки — была незаконной).

Совокупность трех названных принципов раскрывает и обеспечивает принцип законности («статутности») вещно-правовых отношений и сделок. Только законодательная власть и закон обеспечивают законную силу вещного права.

Однако ревизия внесла масштабное новшество в данную главу — она смягчила принцип «законности», статутности вещного права. А именно, в новой редакции ст. 757 говорится, что вещное право может иметь источником не только законы, но и «обычаи».

Нововведение предстает очень многозначительным.

– Норма напоминает исторический опыт Тайваня в период японского колониального правления (1895–1945 гг.). В период по 1923 г. японские власти управляли местным населением, опираясь на местное обычное право, и только с 1923 г. стали повсеместно применять гражданский кодекс Японии. В традициях местного населения существовал институт общинной собственности на землю. Этот институт оказался и сегодня востребованным в деле регулирования государством поземельных отношений в городах.

– Здесь присутствует и политический подтекст. Современный японский исследователь Мияхата Канако, профессор Экономического университета г. Хиросима комментирует данное решение: «Было сформировано вещное право, обладающее индивидуальными особенностями Тайваня»⁵. Таким образом, она толкует «обычай», объединявший общинные традиции землевладения аборигенов с японским колониальным управлением,

как элемент национальной идентичности тайваньцев. Данная группа населения (аборигенная, «коренные») в политике представлена партией ДПП, именно ДПП выступает хозяином их прав и интересов и оппонентом прогоминьдановской элиты. Гоминьдан, представляющий пришлую элиту и опирающийся в политике преимущественно на «пришлых», апеллировал к «законности», т.е. к правовым нормам, установленным госаппаратом, освященными толкованиями идейного наследия Сунь Ятсена. Таким образом, корректив «обычай» в роли источника права имплицитно вводит в сферу вещного права этнополитический вектор, дихотомию «синей» (Гоминьдан) и «зеленой» (ДПП) коалиций и легализует политико-правовые претензии последней.

— Мияхата Канако догадывается и прозрачно намекает, что цели тайваньских законодателей были много масштабнее стремления учесть традиции аборигенов. Она пишет, что новая правовая ситуация (с включением «обычаев» в источники статутного права) «стала, учитывая иностранное право, соответствовать международному стандарту», «практические взгляды были привлечены в качестве письменной нормы», «стал читаемым мягкий наклон от формальной законности к практической законности». Оценивая смысл и направленность реформы в целом, она констатирует: «Ввели обычное право, смягчили применение принципа законного установления вещного права». Отсюда нетрудно догадаться, что ссылки на «международный стандарт» и «практическую законность» указывают на открытие своеобразной «задней двери» для интеграции норм и подходов «общего права», распространенного в странах англосаксонской культуры, в правовую систему Тайваня, принадлежащую к «континентальной системе», на создание противовеса статутному праву.

Легализация «обычая» в качестве источника вещного права подпирает правовые предпочтения ДПП: в противовес «континентальной системе» построения законодательства Тайваня ДПП продвигает систему подходов и методов «общего права» — «прецедентное право» и «изучение дела» (case study) вместо закона, первенство юристов и судов перед законодательной властью государства.

«Обычай» в тексте ГК означает, таким образом, и введение в систему вещного права Тайваня нового правового вектора — конвергенция в направлении «общего права». Это еще один вектор дискуссий между Гоминьданом и ДПП.

Так, в источниках вещного права ГКТ сформирован дуализм правовой системы, являющийся элементом дуализма современной правовой и политической системы Тайваня.

Главенствующий институт вещного права — Собственность (*suoyou-quan*, Ownership, Property). Ей посвящена Вторая глава части Вещного права.

Собственность — полный титул права на реальное или персональное имущество. Она отличается от Владения, которое представляет собой факт, реальное господство над вещью. Тайваньский ГК четко отличает и противопоставляет собственность и владение.

Основным объектом права собственности служат земля и строения. Они, как правило, являются раздельными вещами и часто принадлежат различным лицам. Движимое имущество — в меньшей степени.

Титул реальной собственности может быть передан юридически только через систему регистрации земли. В стране принята система регистрации Торренса. Картографированием Тайваня занимается Департамент земельной администрации Министерства внутренних дел.

Общая площадь территории острова — свыше 36 197 кв км, обмер и регистрация завершены в отношении 18 900 кв. км. В государственной собственности находится 3,6 тыс. кв км, обмерено среди них 19%, не охваченное обмером и регистрацией — это принадлежащие государству леса и охраняемые уголья. Государственные земли

учитываются и регистрируются согласно Закону о государственном имуществе (ст. 7) и Закону о земле (ст. 52)⁶.

Земля и права на нее по-прежнему находятся в сфере внимания властей Тайваня. Конституция страны (ст. 143) гласит: «Вся земля на территории Китайской Республики принадлежит всей совокупности народа. Частная собственность на землю, полученная народом в соответствии с законом, защищается и ограничивается по закону».

С целью обеспечить эффективное землепользование власти осуществляют постепенную приватизацию земли. Органы управления государственным имуществом в настоящее время активно продвигают дело эксплуатации земель, не находящихся общественного использования; это включает обмен государственных земель не общественного использования с частными землями, ослабление ограничений на продажу государственных земель не общественного использования; также развивают и реформируют суперфициарное использование земель, внедряют систему трастового управления этими землями.

Регистрация строений на Тайване — добровольная, по усмотрению собственника. Строители собственных домов могут просто не справиться с регистрацией (когда здание не соответствует нормативам) или ограничивают свои интересы просто сдачей здания в аренду ради получения прибыли. Многие девелоперы (застройщики) избегают регистрации зданий. Такие здания на Тайване называют «нелегальные здания» (в КНР — «малая собственность»). Их разыскивает налоговая инспекция, чтобы поставить на учет в налоговом ведомстве и взимать налоги. Много проблем с ними и у судов, поскольку здания продаются из рук в руки, нет никакой регистрации и сопровождающей документации. Поэтому Верховный суд Тайваня даже был вынужден с 1950-х годов изобрести новый тип прав собственности — «фактическое право отчуждения» (*de-facto disposal right*).

Существуют различные пути приобретения прав собственности на имущество. Помимо регистрации недвижимости и передачи движимого имущества, значение имеет и институт наследования.

Также собственность можно приобрести на основании длительного владения. К примеру, ст. 769 ГК предусматривает, что после 20 лет мирного спокойного открытого владения недвижимостью без собственника владелец вправе зарегистрировать имущество как свою собственность. Ст. 770 сократила срок владения до 10 лет.

Право собственности может возникать и в результате истечения временного срока и изменения прав и обязанностей сторон: например, кредитор не заявил своих претензий в срок, и должник получает право отказаться от исполнения обязательств.

Касательно *личного имущества*. Ст. 802 позволяет приобрести бесхозную собственность: «Если кто-либо имеет намерение быть собственником персонального имущества без хозяина, если иное не установлено законами, он получает его в собственность». Но правило не относится к утерянным вещам.

Ст. 803 предписывает, что нашедший утерянную вещь обязан незамедлительно объявить об этом, сообщить собственнику или информировать полицию, или, наконец, учреждение, в котором была найдена вещь. Но если в течение 6 месяцев собственник вещи не найдется, то согласно ст. 807 нашедший ее получает право собственности.

Ст. 808 гласит, что если вещь была найдена в чужой земле, то она делится с собственником земли пополам.

Ст. 811: если находка является частью недвижимости, то она принадлежит собственнику недвижимости.

Права, связанные с использованием собственности, вполне традиционны. Собственник может пользоваться своим имуществом, извлекать из него доход, отчуждать его, исключать доступ к нему других лиц. Собственник вправе требовать от лиц, владеющих

имуществом без законных оснований, вернуть ему имущество. Он может требовать устранения всех препятствий для его доступа к имуществу, а также устранения риска создания препятствий (ст. 767).

Собственность может иметь форму общей собственности (*suoyou gongyou*, *ownership in common*, *common ownership*, *co-ownership*).

Общая собственность есть право вещной собственности, когда двое и более лиц имеют права собственности в одной вещи, и вступают во взаимоотношения, опосредованные этим правом. Их отношения могут варьироваться, и потому нуждаются в определении через договоры.

Это могут быть отношения *долевой собственности* (*fenbie gongyou*, *co-ownership*, *tenancy-in-common*) — лица владеют одной вещью пропорционально своей доле, а если доля точно не определена, то их права собственности рассматриваются как равные (ГКТ, ст. 817–826).

Другим видом является *совместная/коллективная собственность* (*gongtong gongyou*, *ownership-in-common*) — права каждого собственника простираются на всю вещь (ГКТ, ст. 827–830). В прежней редакции ГКТ этот вид общей собственности мог быть установлен «по закону или договору», в новой редакции он устанавливается «положениями закона, обычаем или юридическим актом» (ст. 827). Установление «по закону» подразумевает, к примеру, наследственное имущество до раздела наследниками, также артельное имущество по договору о товариществе, имущество супругов. На основании «обычая» — касается храмовых территорий и мест исполнения религиозных обрядов, жертвоприношений.

На Тайване «обычай» стал источником общей, коллективной собственности. Считается, что этот правовой институт позволяет сегодня реагировать на требования общности, придает необходимую «эластичность» отношениям собственности в городах Тайваня: «эластичность» востребована ввиду очень высокой плотности населения в городах (плотнее даже, чем в Японии). Можно понять, что «обычай» стал мощным инструментом вмешательства властей в имущественные частно-правовые отношения.

Квазиобщая собственность (*zhun gongyou*) — так обозначаются имущественные права, возникшие за рамками собственности и опосредованные отношениями, возникающими в связи с застройкой земли, ведением сельского хозяйства, залогами, интеллектуальной собственностью, обеспечительными правами (ст. 831).

Оценивая характер эволюции института собственности на Тайване, профессор Ван Цзэцзянь⁷ отмечает двуединый процесс. Защита частной собственности по-прежнему находится на достаточном уровне, но при этом одновременно развивается и тенденция «социализации собственности» (*suoyouquan shehuihua*). Тенденция проявляется многообразно: в аспекте частноправовых отношений действует принцип запрета на злоупотребление правами, требование руководствоваться добрыми и честными намерениями. Так, ст. 148 ГКТ говорит: «Право не может осуществляться с главной целью нарушения публичных интересов или причинения ущерба другим. Право должно осуществляться и долг исполняться в соответствии с добрыми намерениями». В аспекте публично-правового регулирования — параллельно возрастает влияние системы экологического законодательства на функционирование институтов вещного права, ужесточаются экологические требования.

В подтверждение наблюдений профессора Вана можно отметить, что в сфере отношений собственности происходит совершенствование института общей собственности, легализация традиционных форм коллективной собственности. Нельзя не замечать и прогрессирующий институт квазиобщей собственности, т.е. имущественных отношений,

опосредованных застройкой земли, ведением сельского хозяйства, залогами, интеллектуальной собственностью, обеспечительными правами.

В сумме данные тенденции означают ослабление абсолютного характера вещного права и частной собственности, усиление процесса «социализации» собственности. Закономерно, что ослабевает связь тайваньского права с традицией германского вещного права, с континентальной правовой системой. С другой же стороны, усиливается влияние англосаксонского «обычного» права (как известно, в американском праве к «вещам» приравниваются даже «деловые интересы»).

Далее. Вещные права делятся на абсолютные (собственность) и ограниченные — обусловленные предназначением и временем, т.е. узуфруктные и обеспечительные/ залоговые права.

Узуфрукты/ Права пользования имуществом (*yòngyì wùquán*, Usufruct) — способы использования вещи и получения дохода от нее без изменения существа вещи. Основных — четыре.

Нынешний ГК содержит три вида способов использования земли — это суперфиций, агрикультурное право (или право обработки земли) и сервитут реальной собственности. Также узуфруктом является право Дянь, хотя формально ГКТ обособливает ст. 911 (положения о Дянь) от узуфруктов.

Суперфиций (*dishangquan*, *superficialis*, ГКТ ст.832) есть право использовать землю другого лица с целью построить здание, а также провести иные работы на участке, т.е. в основном городское использование земли. Он регулируется договором или обычаем, и, кроме того, может быть в виде права передан от другого лица. Суперфиций похож на договор об аренде/лизинге, но есть существенная разница: суперфиций — это вещное право, оно, чтобы вступить в силу, должно быть официально зарегистрировано по закону, и тогда оно защищается законом, в то время как права по договору аренды опираются всего лишь на договор и могут быть легко пересмотрены.

Суперфиций в новой редакции разделен на «обычный/ общий» (*putong dishangquan*, *general superficies*. Ст. 832 ГКТ) и «раздельный/ зонированный» (*qufen dishangquan*, *divided superficies*. Ст.841–1 ГКТ). Новое понятие «раздельный суперфиций» обозначает, что в рамках одного участка земли выделяются три зоны хозяйствования — наземный участок (например, для строения), подземный (например, гаражи), и надземный (например, пространство для движения фуникулера). Все три зоны могут принадлежать разным субъектам.

Институт суперфиция переживает сложную эволюцию. Его главная функция — обеспечивать права на землю для владельцев строений. С одной стороны, институт укрепляется, вытесняя договоры об аренде земли, ибо аренда является феноменом лишь договорного права и может быть сравнительно легко аннулирована, аренда порождает множество конфликтов и тяжб (например, когда сносят здание, собственник которого не имеет права на землю под ним). Суперфиций дает большую стабильность.

Одновременно, в последние десятилетия заметна тенденция в целом к сокращению использования суперфиция. По данным профессора Ван Цзэцзяня, в так называемой зоне Тайминь (Тайвань с включением всех островов) общее число записей о вещно-правовых сделках с суперфициями в официальных регистрационных документах составляло в 1995 г. 32 502, а в 2008 г. — только 28 267⁸.

В 2010 г. было введено «агрикультурное право»/ «право обработки земли» (*nongyu quan*, *agricultural right/ lease in perpetuity*). Оно соответствует «эмфитевзису» (*Emphyteusis*) в римском праве. Ранее оно подразумевало «право долгосрочной/ вечной

аренды земли» для целей ее сельскохозяйственного использования — обрабатывать землю, вести фермерское хозяйство, сажать бамбук и деревья.

После ревизии кодекса 5 января 2010 г. прежнее наименование «право долгосрочной/ вечной аренды» (*yongdian quan*) заменили на «право обработки земли» (*longyu quan*). «Вечный» срок сократили до 20 лет, и некоторые ученые (например, профессор Чан Юньчэнь) уже высказываются в духе, что-де «применительно к срокам менее пяти лет агрикультурные права показали свою полезность».

Эти преобразования ставят своей целью изживать институт постоянной и долгосрочной аренды, чтобы уменьшить социальные гарантии обществу и активизировать вовлечение земли в рыночные обороты. Правда, и ныне после реформ арендаторы имеют право сдавать землю в субаренду (ГКТ, ст. 850–3), что придает реформе несколько двусмысленный, половинчатый характер.

Сервитут — право использовать чужой земельный участок в интересах функционирования другого, прилегающего участка. Его называют «сервитут недвижимости/ реальной собственности» (*budongchang yiquan*, servitude of real property, easement), или «сервитут земельной собственности» (*diyi quan*, land-based servitude). Как правило, сервитут используется для прохода и доступа на другой участок, организации освещения, орошения, проведения телекоммуникаций, обследования и т.д. (ГКТ, ст. 851).

Реформы внесли здесь ряд новшеств. Раньше практиковался сервитут только как отношение двух земельных участков. Теперь же отношение обслуживания может быть установлено между двумя любыми объектами недвижимости — между землей и строением, к примеру. Но при этом разрешается только сервитут, следующий за недвижимостью.

Ревизованный ГКТ (ст.799–1, ст.859–4) и Административный акт о совладениях (кондоминиум) разрешили застройщикам и резидентам использовать сделки-договоренности о вещных правах на недвижимость для совместного управления зданиями и крупными кварталами соседской застройки.

Институт сервитута на Тайване был не слишком популярен, но теперь он демонстрирует энергичный рост.

Право (владения имуществом на условиях) Дянь — (*dianquan*, Dian). Суть его — условно-временная передача имущества, преимущественно недвижимости, земли: передающий имущество получает от получателя вещи обусловленную денежную сумму, а получатель может пользоваться вещью и получать доход, при этом собственник сохраняет право выкупа вещи обратно. По истечении срока контракта собственник может выкупить имущество, а может отказаться от своего права выкупа, в последнем случае пользователь получает имущество в собственность, но при этом должен произвести окончательный расчет — оплатить полную остаточную стоимость земли, посчитанную в текущих ценах. Реформа постановила, что срок Дянь — не более 30 лет (ГКТ, ст.911–912).

Право Дянь — традиционный институт Тайваня. Он прослеживается в глубь веков до династии Сун. Институт процветал до 1923 г., когда японские власти начали вытеснять обычное право Тайваня и заменять его своим ГК (а в японском ГК права Дянь нет). Поэтому сегодня институт реально сохраняется только в районе Цзиньмэнь (на островах возле побережья КНР, напротив г. Сямэнь), где никогда не было японского управления. И цифры очень скромны: в 1995 г. — 227 записей, в 2008 г. — 30 записей (профессор Ван).

Власти проводят политику ограничения института аренды, это касается и формы Дянь. Тем не менее в праве этот институт сохранен и даже детально представлен (ГКТ, ст. 911–927).

ГКТ оговаривает, что пользователь узуфрукта — узуфруктуарий (будь то суперфиций, агрокультурное право, сервитут, право Дянь) обязан использовать землю в соот-

ветствии с целью учреждения узуфрукта и методами, согласованными в договоре, чтобы сохранялось плодородие почвы и природа. В случае нарушения условий пользователем, собственник вещного права может расторгнуть договор.

Помимо узуфруктов, ГКТ содержит группу вещных прав, призванных обеспечить исполнение должниками их долговых обязательств, — **обеспечительные вещные права, или залоги**. Обеспечительные права подразделяются на две ветви: залог, установленный законом — это Право удержания; другая ветвь — залоги, устанавливаемые договором, это Ипотека и Залог/ Заклад.

Ипотека (*diya quan*, Mortgage. ГКТ, ст. 860) — это преимущественное право кредитора получить удовлетворение своей претензии за счет дохода от продажи реальной/недвижимой собственности (*budonchan*) должника или третьей стороны, которое они предоставили в качестве обеспечения претензии кредитора без передачи владения имуществом. Ипотека оформляется договором сторон. При этом, как правило, используется недвижимое имущество.

Ревизия 2009 г. ввела подвиды ипотеки. Прежняя, вышесохарактеризованная ипотека называется «Обычная/ общая ипотека» (*diyaquan*, General Mortgage, ст. 860–881). К примеру, ипотека домов всегда осуществляется в традиционной, обычной форме.

Но в ГКТ появился и подвид — «Ипотека с максимальной суммой» (*zuigao xian'e diyaquan*, Line of credit Mortgages. Ст.881, § 1–17). Суды и банки Тайваня практически признавали и практиковали эту форму ипотеки с 1960-х годов. Она служит для обеспечения деловых займов: стороны оговаривали сразу максимальную сумму займа, но заемщик был не обязан заимствовать всю сумму с самого начала, а брал средства по мере надобности. Данный вид ипотеки смягчает условия заимствования средств у банка и предназначен для финансирования бизнеса.

Третий подвид ипотеки — «другие виды» (ГКТ, ст. 882). Объектом ипотечного залога могут быть и узуфруктные права — суперфиций, агрикультурное право, право Дянь.

Ипотека — самый популярный вид вещного права в деловых операциях на Тайване, ежегодно регистрируются сотни тысяч и миллионы записей ипотечных сделок. Одно время наблюдалось сокращение их числа. По данным профессора Вана, в 1995 г. было 2 407 039 записей сделок ипотеки, а в 2008 г. — 1 591 632 записи, что составило в 2008 г. 97,98% от общей суммы регистраций сделок. Но после реформ ГКТ 2009 года снова наблюдается тенденция роста ипотечных операций.

Для залога используется и движимое имущество. **Залог** (*zhiquan*, Pledge / Pawn). Этот тип сделок подразумевает, что вещь передается в держание/владение и подлежит возвращению при погашении долга.

Залог имеет подвиды. Различают залог вещей/ движимости (*dongchan zhiquan*, Pledge of personal property. ГКТ — ст.884–899 §2), он представляет собой закладную на движимое имущество, ипотечный кредит, обеспеченный залогом движимого личного имущества (автомобилей, ювелирных изделий и т.п.). Для залога не могут использоваться сопутствующие вещи. Также для залога используется, главным образом, регистрируемая личная собственность (моторный транспорт, суда).

Другой подвид залога — залог прав (*quanli zhiquan*, Pledge of Rights. ГКТ, ст. 900–910). Залог прав означает, что объектом его является переходящее право требования/ претензий. Эта форма залога используется в основном для заимствования наличных путем закладывания акций.

Еще одна важная форма, наряду с ипотекой и залогом, для обеспечения прав кредитора — это **Право удержания** (кредитором залога движимого имущества должника) (*liuzhiquan*, Right of retention, Lien. ГКТ, ст. 928–939, 897–899). Оно также служит для

обеспечения исполнения обязательств. У этого права достаточно сложная юридическая дефиниция: право удержания наступает, когда право кредитора «откристаллизовалось», когда феномен прав кредитора связан с вещным правом, и при этом владение кредитора не является фактом деликта. Проще говоря, право создано для лица, владеющего движимой собственностью, вещь, принадлежащей должнику и подлежащей возврату-передаче должнику при исполнении им обязательства. Право удержания предоставляется кредитору законом, а не договором с должником. Это законный залог, данный кредитору и находящийся в его владении в тот момент, когда заемщика постигло банкротство, или он объявил дефолт. Тогда кредитор самостоятельно, ссылаясь на закон, принимает решение об удержании залоговой вещи у себя для обеспечения своих прав, пока обязательство не будет исполнено, а также для компенсации расходов, связанных с данной вещью.

До 2010 г. существовал и в литературе встречается (хотя на сегодня нет соответствующего закона) сходный институт для обеспечения гарантий в сделках. Это **условная продажа** (*futiaojian maimai*, Conditional sale). Также его называют «контракт условной продажи». Это соглашение, по которому покупатель получает объект (стандартные вещи движимого имущества) во владение, но титул (собственности) и право на возврат владения остаются у продавца, пока покупатель не выплатит полную цену (выплата обычно происходит помесечными или годовыми взносами), или не завершит исполнение специальных условий. Только при исполнении всех условий покупатель получает право собственности. Данный тип соглашения обычен для финансирования сделок с машинами, оборудованием, недвижимостью. Но он теперь в прошлом права.

Владение (*zhanyou quan*, Possession). Владение есть факт, а не право. Это реальное распоряжение, господство над вещью. Владелец — это лицо, имеющее фактический контроль над вещью (ГКТ, ст. 940).

Владение может передаваться, наследоваться, объединяться. Владение может порождать права, образует систему добросовестного приобретения имущества.

В этом институте различается прямое и косвенное владение (*jianjie zhan you*; ГКТ, ст. 941). Косвенное владение — это владение вещью на условиях узуфрукта, арендатора или хранителя. Также право различает подконтрольное владение (*zhanyou fuzhu*, ГКТ, ст. 942). Различается владение вещами и владение правами (ст. 966).

Разновидностью косвенного владения является и **Доверительное владение/траст** (*xintuo zhan you*, Trust receipt transaction) — это любая сделка между учредителем траста и доверительным собственником. Учредитель траста передает в управление доверительному собственнику (попечителю) капитал или кредит, а попечитель принимает его во владение и дает расписку. Расписка — письменный или печатный документ, подписанный опекуном (доверительным собственником) и выданный в пользу доверителя (кредитора, учредителя), содержащий как сроки и условия траста, так и существенные дополнительные условия к нему.

Последние реформы не внесли изменений в статьи о владении. Но эволюционирует сама реальность функционирования института. Здесь также наблюдается эффект «социализации», т.е. получают развитие формы не прямого владения вещью, а косвенного владения. Если лицо владеет вещью другого лица на условиях суперфиция, права сельхозобработки, права Дянь, сервитута, аренды, хранения, или иных подобных условиях, такой владелец считается косвенным владельцем (ст. 941).

Вышеприведенная характеристика институтов современного Вещного права Тайваня подводит к некоторым обобщенным выводам о динамике и тенденциях его развития.

В целом значительно активизировалась законодательная работа, осуществлены реформы гражданско-правового строя, Гражданского кодекса и, в частности, вещного права.

Продолжен курс на капиталистическую «рационализацию» социально-экономических отношений — вытеснение на обочину жизни из экономики «иждивенческих», малопроизводительных групп населения. В начале 1950-х годов в ходе аграрной реформы власти избавились от крупных землевладельцев, паразитировавших на сдаче земель крестьянам в аренду. Высвободившиеся капиталы пошли на повышение благосостояния сельскохозяйственных работников, модернизацию производства, стали источником средств индустриализации и урбанизации. В результате ревизии ГК 2010 г. институт долгосрочной (и постоянной) аренды еще более ограничен в применении: срок контрактов на аренду земли по «агрокультурному праву» ограничен 20-летним периодом; срок узуфрукта — традиционного права Дянь — ограничен 30-ю годами. Есть осторожные сигналы, что наступление на институты долгосрочной аренды будет продолжаться.

Прогрессирует и «капитализация» важных экономических ресурсов — власти поощряют и принуждают население вовлекать в рыночные обороты ресурсы, ранее стоявшие на обочине, не задействованные непосредственно в предприятиях. В 1950-х годах это была продажа фермерам земель, пригодных для сельскохозяйственного использования. В настоящее время можно наблюдать быстрое развитие формы предпринимательства, базирующегося на институте владения ресурсом, — так называемый траст. Особо заметна активизация в сфере ипотечно-залоговых операций, позволяющих гражданам получить стартовый капитал для начала предприятия путем залога недвижимого и движимого имущества. В праве появился новый вид займа — «ипотека с максимальной суммой», для ипотечного залога могут использоваться и узуфруктные права, можно отдавать в залог акции. Таким образом, значительно облегчено получение финансирования для старта предприятий — за счет вовлечения новых ресурсов, включая недвижимость.

Наиболее глубокий, стратегический характер имеют нововведения в сфере управления частными имущественными отношениями. Ранее вся система имела «одноколейный» характер, направлялась в целом как бы из единого руководящего центра. Теперь происходит формирование, по выражению профессора Ван Цзэцзяня, «двухколейной» модели управления.

«Двухколейность» проявляется в тенденциях развития отдельных институтов: одновременно происходит и укрепление института частной собственности, и «социализация» вещных прав.

Власти не спеша, взвешенно проводят приватизацию земли, пригодной для сельскохозяйственной обработки, не допуская при этом запасаания ее «впрок», накопления излишков. Переживает развитие земельный узуфрукт суперфиций. Он вытесняет на рынке практику аренды земли, тем самым упрочиваются позиции собственников стросней на земле. В новой редакции ГКТ суперфиций разделен на «обычный» и «зонированный», что позволяет более дифференцированно выделить пространство, пригодное для проживания и бизнеса. Эти меры иллюстрируют упрочение и прогресс института частной собственности.

С другой стороны, множатся признаки ограничения суверенитета частной собственности. В сфере частноправовых отношений действует принцип запрета на злоупотребление частными правами, в публичной сфере складывается мощное природоохранное законодательство, растут экологические требования. Возрождается традиционное право, присущие ему формы и нормы общинного владения недвижимостью, — общинная земля в сельском хозяйстве, сделки-договоренности о совместном управлении зданиями и кварталами в городах. Прогрессирует институт квазиобщей собственности — множатся имущественные отношения и связи, опосредованные узуфруктами, залогами, интеллектуальной собственностью. Собственность переживает тенденцию «социализации» —

ослабления абсолютного характера частных прав и усиления степени ее зависимости от различных общественных форм собственности, владения, использования.

Тенденция «двухколейности» наблюдается не только на уровне отдельных вещно-правовых институтов, она вторгается в самый глубокий слой права, касается правовой системы в целом. Введение в частное вещное право «обычая» как источника права открывает врата для *конвергенции* действующей на Тайване континентальной системы права с иной системой — общим, англосаксонским правом, легитимизирует глубокие изменения законодательных норм, практики, даже организаций и структур, формирует правовой дуализм на самом базовом уровне.

Суммарно подобные тенденции демонстрируют, что Тайвань движется вперед, вступив в стадию общества развитого капитализма с такими присущими ему чертами, как господство рыночных отношений, социальная и политическая дифференциация общества, правовой и идейный дуализм и плюрализм. При этом для тайваньской модели развития характерно, что современные формы государственного социально-экономического регулирования и эффективная рыночная экономика органично сосуществуют, дополняя друг друга. Внутренние полюса и противоречия движут это общество вперед, одновременно придавая всему развитию устойчивость в динамике, маневренность, вариатность выбора. Модернизация Тайваня продолжается.

1. См.: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007; *Иванов М.В.* Экономическая политика государства на Тайване (1949–2000 гг.). На правах рукописи. Дис... канд. экономических наук. М., 2002.; *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998; *Головачёв В.Ц.* Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII—XXI вв.). М., 2018; *Гудошников Л.М.* Политическая система Тайваня. М., 1997. 149 с. (совм. с К.А. Кокаревым).
2. URL: <https://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=B0000001/>
<http://www.ls.fju.edu.tw/doc/vocabulary/%E9%99%84%E4%BB%B6%E4%B8%80%20%20%20%E6%B0%91%E6%B3%95.pdf>
3. Деликты — гражданско-правовые нарушения, требующие компенсации.
4. *Chang Yun-chien.* The Evolution of Property Law in Taiwan: an Unconventional Interest Group Story // *Private Law in China and Taiwan. Legal and Economic Analyses.* Cambridge, 2017. P. 212–244.
5. *Мияхата Канако.* Тайван буккэн-хо но кайсэй то соно доко ни цуйтэ: [О реформе вещного права Тайваня и ее направлении] // *Хиросима кэйдзай дайгаку кэнкю ронсю.* 2011. Т. 34. № 3. С. 45–49.
6. *The Land Act // The Land Administration Laws and Forms Compilation.* Ministry of the Interior. Taipei, 2004. P. 97–144.
7. *Wang Zejian.* Mingfa wuquan: [Гражданское вещное право]. Тайбэй, 2017. С. 29.
8. Там же. С. 30.

Дискуссионная трибуна

О некоторых аспектах геополитических отношений в Арктике

© 2019

Сунь Сюэвэнь

В статье рассматриваются феномен «когнитивного диссонанса» между региональными и внерегиональными игроками по арктическим вопросам, его причины и последствия, а также мероприятия, способствующие уменьшению его степени. Основная причина, вызывающая эти разногласия, заключается в национальной идентичности, категоризация которой создает различия между «своими» и «чужими». Странам с аналогичной идентичностью легче одинаково воспринимать реальность и развивать сотрудничество.

Ключевые слова: арктические державы, внерегиональные страны, когнитивный диссонанс, геополитические отношения, национальная идентичность, Конвенция ООН по морскому праву, Арктический совет.

DOI: 10.31857/S013128120005306-7

Акторов в арктическом регионе можно разделить на четыре группы: пять «официальных» арктических держав (РФ, США, Канада, Дания, Норвегия); приарктические страны (Исландия, Финляндия и Швеция); международные организации западных стран (ЕС и НАТО); другие неарктические страны, включая азиатские¹. Между этими группами возникают сложные геополитические отношения. По мере продвижения проекта «Ледяной шелковый путь» в рамках инициативы «Пояса и Пути» приобретает актуальность вопрос регулирования отношений между арктическими и внерегиональными странами, которые находятся сверху и внизу пирамиды соответственно.

Ярким примером служит развивающееся российско-китайское арктическое сотрудничество. В декабре 2015 г. премьер-министры РФ и КНР на 20-й ежегодной встрече в совместном коммюнике изначально предложили проект «Ледового шелкового пути» в формате укрепления сотрудничества по использованию Северного морского пути (СМП), развития научных исследований по вопросам арктического судоходства². В ноябре 2016 г. в совместном коммюнике по итогам 21-й ежегодной встречи премьер-минист-

Сунь Сюэвэнь, аспирантка кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: sunxiuwen90@gmail.com.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Шанхайского политико-юридического университета. Проект № 18SHJD016 «Исследование китайско-российского арктического сотрудничества в энергетической области в рамках стратегии «Пояс и Путь»».

MB / WY

ров описание инициативы трансформировалось в «исследование перспектив совместного развития транспортного потенциала СМП»³. Совместное заявление РФ и КНР в 2017 г. снова указывало, что стороны будут укреплять взаимодействие в сферах использования СМП, проведения совместных научных экспедиций, освоения энергетических ресурсов, арктического туризма, охраны окружающей среды⁴.

Однако на практике российско-китайское арктическое сотрудничество развивается невысокими темпами: установлены ограничения в определенных областях сотрудничества, незначительное количество государственных предприятий имеет допуск в Арктику, отсутствует правовой механизм регулирования существующих рисков и т.д. Ситуация у таких внерегиональных стран, как Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия, еще хуже — реальное сотрудничество в Арктике практически не стартовало, несмотря на имеющиеся для этого значительные возможности и стремления. Автор полагает, что главным препятствием на начальных этапах сотрудничества является когнитивный диссонанс и низкое взаимное доверие.

Когнитивный диссонанс в международных отношениях

Когнитивная психология — это психология, ориентированная на эксперимент и математическое моделирование мышления, занимающаяся исследованием познавательных процессов — памяти, внимания, чувств, представления информации, логического мышления, воображения, способности к принятию решений⁵. В 1956 г. Гаролд и Маргарет Спроут опубликовали монографию «Гипотезы отношений человек-среда в китайской международной политике», в которой рассматриваются когнитивный бихевиоризм (*cognitive behaviorism*) и гипотезы отношений между человеком и окружением в контексте международной политики⁶. С тех пор «когнитивная психология» нашла свое применение в исследованиях международных отношений, особенно в таких проблемах, как международные кризисы, мир и разрешение конфликтов, переговоры и политика альянсов⁷.

«Когнитивная психология» считает, что в силу ограниченных познавательных способностей и недостаточной информации человек может принять нерациональное решение в условиях стрессовой внешней среды. В связи с этим американский когнитивный психолог Херберт Симон предложил понятие «ограниченная рациональность» (*bounded rationality*)⁸. Следует отметить, что когнитивность влияет на внешнюю политику несколькими способами:

- лица, разрабатывающие внешнюю политику, играют ключевую роль в принятии решений;
- между этими лицами существуют отличия в восприятии реальной ситуации;
- эти отличия сказываются на внешней политике и дипломатических отношениях⁹.

В 1957 г. американский психолог Леон Фестингер предложил теорию когнитивного диссонанса, которая отмечает, что могут существовать диссонантные отношения, или отношения несоответствия между познаваемыми элементами¹⁰. Китайский политолог Цинь Яцин делит когнитивный диссонанс на два типа: субъект-объект и между субъектами. Первый имеет в виду неточное восприятие субъектами объектов, второй — несовпадающее познание одной и той же вещи различными субъектами. На современной международной арене действуют различные акторы, между которыми всегда существует когнитивный диссонанс в связи с рядом факторов, таких, как собственная культурная традиция, структура знаний, практический опыт, информационные каналы и т.д.¹¹

В целом когнитивный диссонанс между арктическими державами и внерегиональными странами по вопросам арктической повестки выражается в двух аспектах:

84

– толкование отдельных положений Конвенции ООН по морскому праву, в частности, противоречие между правами и интересами арктических стран и концепцией «общего наследия человечества»;

– позиции по вопросу модели управления Арктикой на фоне более явного проявления различных проблем и растущего разнообразия субъектов деятельности.

Основная причина, вызывающая вышеупомянутые разногласия, заключается в национальной идентичности. Идентичность — это осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, особенного и всеобщего¹². В исследования идентичности в когнитивно ориентированной психологии внесли вклад социальные психологи Х. Тэджфел и Д. Тернер, которые считают, что идентичность связана с категоризацией, в силу которой формируются различия между «своими» и «чужими». Государствам, обладающим аналогичной идентичностью, легче одинаково воспринимать реальность, достичь соглашений и создать союзы¹³. В результате сотрудничество в Арктике между самими региональными странами развивается эффективнее, чем между региональными и внерегиональными.

Трактовки концепции «общего наследия человечества»

«Конвенция ООН по морскому праву» 1982 г. (далее — Конвенция) остается наиболее всеобъемлющим и общепризнанным международным документом, регулирующим вопросы морского права. Однако в силу того, что Конвенция является результатом компромисса различных международных сил, в ней существуют недостатки, которые повышают вероятность конфликтов в арктических вопросах. Например, наличие не уточненных законом прав может привести к противостоянию между странами по распределению прав, которое обостряется по мере развития морских технологий.

Значительные сложности создает противоречие между интересами арктических стран и концепцией «общего наследия человечества», которое находит конкретное выражение в вопросе разграничения континентального шельфа в Северном Ледовитом океане (СЛО) и проблеме правового статуса арктических морских путей.

Ст. 136–137 Конвенции определяют, что «Район» (дно морей и океанов и их недра за пределами национальной юрисдикции) и его ресурсы являются общечеловеческим наследием. Ни одно государство не может претендовать на суверенитет или суверенные права над какой-либо частью Района или его ресурсов. Однако в определенный период представляется невозможным определить границы «Района» в силу ст. 76 Конвенции, согласно которой континентальный шельф прибрежного государства включает всю протяженность естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходной линии¹⁴.

Принцип естественного продолжения, таким образом, стал законодательной основой для претензий арктических держав на континентальный шельф в СЛО. Стоит отметить, что Комиссия ООН по границам континентального шельфа может проводить экспертизу и выносить заключение по существу поступивших от прибрежных государств заявлений. Окончательное решение по разграничению континентальных границ должно быть выработано лишь в рамках переговоров соответствующих сторон. Если в таком случае договориться не удастся, спор будет передан на рассмотрение Международного суда ООН в Гааге¹⁵.

Текущая проблема заключается в том, что заявки на делимитацию арктического шельфа имеют точки пересечения между Россией и Данией, Россией и Канадой, а также Канадой и Данией. Российские притязания на хребст Ломоносова и поднятие Менделеева

ва, к примеру, могут быть реализованы лишь в условиях координации с Данией и Канадой и достаточной научной обоснованности¹⁶. Для этого необходимы серьезные финансовые, технологические и научные вложения, а также использование эффективных законных, дипломатических и даже военных методов.

Существует точка зрения, что позиция «общего наследия человечества», поддерживаемая внерегиональными странами, противоречит продвигаемой арктическими державами идее суверенитета. Практически между арктическими державами и внерегиональными странами, в отличие от самих арктических держав, отсутствуют противоречия по вопросу разграничения арктического шельфа, как и возможности оказывать влияние на решения Комиссии. Внерегиональные страны основываются на положениях Конвенции, с одной стороны, провозглашая Арктику общим наследием человечества, а с другой стороны, уважая суверенитет и суверенные права арктических стран.

Интересы внерегиональных стран в Арктике концентрируются в областях «низкой политики» — экологической охраны, научных исследований, арктического туризма, а также в экономических сферах — транспортной логистики и энергетической потребности. Более того, исследование Геологического управления США показывает, что большинство запасов углеводородов в Арктике приходится на особые экономические зоны прибрежных государств. Учитывая текущую техническую зрелость, в кратко- и среднесрочной перспективе район вокруг Северного полюса не имеет потенциала освоения. *Делимитация арктического шельфа для внерегиональных стран в определенном смысле является символической.*

Другой важный аспект концепции «общего наследия человечества» состоит в транснационализации арктического судоходства. В Конвенции устанавливаются право мирного прохода судов через территориальное море прибрежных стран, право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства, право свободного судоходства за 12-мильными пределами территориального моря, куда входят исключительная экономическая зона прибрежных государств и открытое море за пределами 200-мильных зон. Пользование этими правами не требует специального разрешения прибрежных государств¹⁷.

Спецификой правового режима в Арктике является ст. 234 Конвенции о покрытых льдом районах, согласно которой прибрежное государство имеет право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды. РФ и Канада активно пользуются этим правом — устанавливают экологические стандарты судоходства, дают разрешения на проход судов и оказывают услуги по лоцманской проводке судов. Принятые Россией и Канадой меры в рамках ст. 234 Конвенции не оспаривают как арктические страны, так и внерегиональные страны¹⁸.

Следует отметить, что в условиях происходящего уменьшения площади ледяного покрова Арктики все чаще звучат высказывания о необходимости пересмотра практики применения ст. 234 Конвенции¹⁹. Кроме того, США настаивают на том, что эта статья, позволяющая арктическим прибрежным государствам устанавливать особые правила плавания в покрытых льдом акваториях, не распространяется на военные корабли согласно ст. 236 Конвенции²⁰.

Усложняют ситуацию противоречия между арктическими державами. РФ и Канада настаивают на том, что акватории Северного морского пути (СМП) и Северо-Западного прохода (СЗП) являются историческими морскими водами и должны относиться к внутренним водам по принципу прямой исходной линии. Однако США оспаривают установленные Россией и Канадой прямые исходные линии и заявляют, что согласно ст. 8 и

ст. 38 Конвенции суда третьих стран имеют право мирного прохода через территориальное море прибрежных государств СЛО, а также право транзитного прохода через проливы, используемые для международного судоходства²¹.

Документ секретариата ООН 1962 г. «Юридический режим исторических вод, включая исторические заливы» выделяет три критерия для определения «исторических вод», а именно: а) властные полномочия, осуществляемые государством; б) непрерывное осуществление властных полномочий; в) терпимое отношение международного сообщества к такому осуществлению²². С этой точки зрения отнесение СМП и СЗП к историческим водам России и Канады вполне обоснованы.

Согласно ст. 7 Конвенции при проведении прямых исходных линий не допускается заметных отклонений от общего направления берега, а участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть тесно связаны с береговой территорией, чтобы на них мог быть распространен режим внутренних вод. Исходя из этих критериев, зарубежные эксперты оспаривают корректность проведения прямых исходных линий Россией и Канадой, а также отмечают, что СМП и СЗП пролегают через акватории, имеющие разный правовой статус²¹.

Таким образом, правовой статус арктических морских путей остается предметом дискуссии между рядом арктических держав, от которой по существу держатся в стороне другие арктические и внерегиональные страны. Следует подчеркнуть, что после президента Дж. Картера США продолжают реализовывать Программу свободной навигации во всем мире, включая как Северный Ледовитый океан, так и Южно-Китайское море, при этом Китай вряд ли согласится с американским толкованием ст. 236 Конвенции.

Позиции по моделям управления Арктикой

Арктический совет (далее — Совет) представляет собой ключевой механизм обеспечения устойчивого развития региона и важную платформу для развития международного сотрудничества в Арктике. В 1996 г. восемь арктических стран приняли Оттавскую декларацию об учреждении Совета в рамках Стратегии защиты окружающей среды Арктики в 1991 г. В состав Совета сейчас входят постоянные члены — «восьмерка» арктических стран, постоянные участники — шесть организаций, представляющих коренные народы Арктики, страны-наблюдатели — европейские и азиатские страны (Великобритания, Германия, Франция, Испания, Италия, Нидерланды, Швейцария, Польша, Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия).

В течение более двадцати лет с момента создания в рамках Совета достигнуты успехи по институциональному закреплению механизмов сотрудничества в этом процессе. Вне рамок Совета наблюдается тенденция «регионального самоуправления», которая выражается в следующих аспектах.

Во-первых, взаимодействия между арктическими странами развиваются и не прекращаются даже в сложившихся на сегодняшний день условиях, когда Совет не способен управлять вызовами политического характера, существующими в арктическом регионе. Речь идет о конфликте вокруг разграничения континентального шельфа СЛО и разногласиях по правовому статусу СМП и СЗП. В то же время политические противоречия, не имеющие отношения к арктическому региону, несут риски для эффективного функционирования Совета, в частности обострение отношений РФ и западных стран, вызванное событиями на Украине. Успехом взаимодействия служит заключение ряда юридически обязывающих соглашений, а также проведение очередных форумов-диалогов²³.

Во-вторых, региональные страны демонстрируют солидарность в выборе моделей управления Арктикой. Опираясь на ст. 136–137 Конвенции, во внерегиональных странах предложили составить договор об Арктике по модели Договора об Антарктике 1959 г. и на основе этого договора принимать меморандумы по поводу отдельных вопросов, создавая систему управления Арктикой²⁴. Этой идее противостояли арктические державы. Илулиссатская декларация указывает, что создание еще одного широко признаваемого международного механизма не представляется целесообразным и правовой режим Конвенции представляет собой стабильную базу для эффективного управления. Суверенные права на континентальный шельф должны быть урегулированы в рамках существующих правовых структур²⁵.

В-третьих, арктические страны также ведут переговоры по спорным вопросам разграничения специальных экономических зон и внешнего континентального шельфа на двустороннем уровне. Так, в 2010 г. Россия и Норвегия подписали Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, разрешивший споры относительно разграничения акваторий двух стран, проблемы совместного рыболовства и добычи энергоресурсов²⁶. Эти практические результаты в рамках «регионального самоуправления» в значительной степени помогли устранить существующие зоны напряженности в Арктике.

Однако подобное региональное самоуправление носит высокую степень авторитарности и эксклюзивности, что выражается в разграничении компетенций в Совете. Статус наблюдателя — это первый шаг внерегиональных стран к участию в арктических делах, не изменяющий их периферийное положение в региональной повестке.

В 2011 г. в ходе сессии Совета была подписана Нуукская декларация, которая предусматривает, что страны-наблюдатели обязуются следовать положениям Конвенции ООН по морскому праву, признавать суверенитет и суверенные права арктических стран в регионе, а также могут внести вклад в работу Совета²⁷. Следует отметить, что страны-наблюдатели на встречах министров не имеют права голоса, могут озвучивать свое мнение или предлагать письменные заявления на различных заседаниях лишь как приглашенные участники по согласованию с председателем Совета, в порядке очереди после предложений постоянных членов²⁸. С точки зрения внерегиональных стран, их обязанности и права в Совете в определенной степени не сбалансированы, статус наблюдателя предоставляет лишь ограниченную возможность вносить предложения.

Привлечение внерегиональных стран в Совет может давать двойной эффект. С одной стороны, если все больше азиатских и европейских стран получают статус наблюдателей, это приведет к изменению структуры и распределения полномочий в Совете. Именно по этой причине повысили уровень критериев, необходимых для страны-наблюдателя. С другой стороны, участие внерегиональных стран в определенной степени означает, что они признают главенствующую роль арктических стран в регионе, что также демонстрирует многообразие Совета и способствует повышению геополитического веса организации в целом. При этом арктические державы всегда осторожно строят отношения с внерегиональными странами.

Тем не менее, по мере того как арктические проблемы становятся более актуальными в меняющихся климатических и геополитических условиях, а субъекты и виды деятельности в арктических делах — более разнообразными, возникают различные позиции по вопросу управления Арктикой.

Позиция, представленная арктическими державами, предлагает на региональном уровне совершенствовать существующую правовую основу и укрепить существующие механизмы управления, способствовать их институционализации путем созда-

ния зрелых механизмов в отдельных вопросах и областях. Арктический совет в связи с этим должен трансформироваться из межправительственного форума высокого уровня до полноценной международной организации, способной устанавливать политический курс. Арктические вопросы принадлежат к категории национальной юрисдикции прибрежных государств и должны основываться на принципах суверенитета и национальной безопасности. Суть этой позиции заключается в укреплении собственного контроля арктических держав над регионом.

Внерегиональные страны предпочитают формировать модель «совместного управления» в связи с тем, что арктические вопросы, такие, как изменение климата, экологическая среда, а также ситуация в районе вокруг Северного полюса, имеют глобальный характер. Эта модель предполагает совместное участие всех заинтересованных сторон и эффективное взаимодействие существующих механизмов, при этом Арктический совет выступает как площадка, повышающая общую ценность всех государств и международное признание соглашения, а также реализующая синергетические эффекты арктического сотрудничества. Сторонники этой позиции оспаривают проявленную авторитарность и эксклюзивность в существующей системе, считая целесообразным создание нового комплексного механизма для управления Арктикой.

Противоречия между первой и второй позициями привели к появлению компромиссного подхода, который предполагает, что управление Арктикой должно двигаться к упорядочиванию, механизмы управления — к институционализации, а модель управления — к частичной открытости. Когда затрагиваются такие «твердые» вопросы, как суверенитет и безопасность, арктические страны выбирают закрытую модель, но в «мягких» сферах, затрагивающих глобальные интересы, необходимо постепенно переходить к открытой модели.

Формирование национальной идентичности в Арктике

По мнению российского эксперта А. Загорского, позиция арктических и внерегиональных стран не является отражением непреодолимых глубинных противоречий между ними; они носят вполне конкретный характер и могут быть разрешены на основе взаимного уважения и координации политики²⁹. Однако фактически существующий когнитивный диссонанс между арктическими и внерегиональными странами привел к негативным последствиям.

В психологическом аспекте чрезмерный когнитивный диссонанс приводит к взаимному непониманию и недоверию между странами, что в свою очередь приводит к тому, что при скрининге информации они склонны фокусироваться на ее отрицательной стороне, базирующейся на ранее имевшемся воззрении.

В практическом аспекте неумеренный когнитивный диссонанс не способствует разработке подходящей внешней политики и созданию взаимодействия между странами, что приводит к отставанию политики от объективной реальности или отклонению политики от воли другой стороны и в конечном счете препятствует сотрудничеству³⁰.

В результате формирование национальной идентичности становится главным инструментом внерегиональных стран для реализации своей арктической политики. Великобритания и Китай опубликовали Белые книги по своей арктической политике в 2013 г. и 2018 г. соответственно, в которых они, опираясь на ряд предпосылок, определяют себя «ближайшим соседом Арктики»³¹ и «околоарктической страной»³².

Во-первых, интересы этих стран связаны с межрегиональной и глобальной повесткой в Арктике, особенно с климатическими, экологическими, социальными, правовыми

ми и экономическими вопросами, касающимися всех стран мира, — выживание и развитие всего человечества неотделимы от интересов внерегиональных игроков.

Во-вторых, внерегиональные страны имеют право на научные исследования, мореплавание, использование воздушного пространства, рыболовство, прокладку подводных кабелей и трубопроводов, разведку и добычу полезных ископаемых в определенных акваториях согласно Конвенции ООН по морскому праву, Договору о Шпицбергене и другим общепризнанным международным соглашениям.

В-третьих, как важные члены международного сообщества, эти страны активно участвуют в работе международных механизмов устойчивого управления Арктикой, таких, как Международный арктический научный комитет, Арктический совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона (Великобритания) и т.д.

В-четвертых, эти страны, используя свои финансовые, кадровые и технические ресурсы, проводят научные экспедиции и создают научные станции в арктическом регионе, постепенно выстраивая систему научного наблюдения за полярными водами, ледяным покровом, атмосферой, биосферой, геологическим строением и т.п.

В-пятых, Китай в рамках инициативы «Пояс и Путь» предложил совместное построение «Ледяного шелкового пути», что может способствовать совершенствованию сети арктических морских путей и социально-экономическому развитию прибрежных государств СЛО.

Однако формирование национальной идентичности в Арктике для внерегиональных стран является сложным процессом. Конструктивист А. Вендт выделяет два этапа формирования национальной идентичности: в начале — это самопознание, т.е. кем мы себя воспринимаем; а потом — это признание другого, т.е. кем другие нас воспринимают. В этом аспекте внерегиональные страны еще находятся на переходе с первого этапа на второй. Выдвинутое Китаем понятие «околоарктическая страна», например, подвергается критике со стороны ряда западных экспертов. Они считают, что арктическая политика Китая носит достаточно ревизионистский характер³³. Поэтому для внерегиональных стран путь к формированию национальной идентичности, признанной арктическими странами, является долгосрочной перспективой.

Предложения

Несмотря на значительные нормативные и практические достижения в решении проблемных вопросов международного характера, в Арктике на сегодня остро стоит проблема поиска путей уменьшения степени когнитивного диссонанса и укрепления взаимного доверия между арктическими и внерегиональными странами, налаживания международного сотрудничества в разных профилях арктической тематики, и в конечном счете — реализации всестороннего устойчивого развития в арктическом регионе. Арктические и внерегиональные страны в этом направлении должны реализовывать следующие мероприятия:

– взаимно уважать интересы и права арктических и внерегиональных стран, представленные в международных законных документах, таких, как Конвенция ООН по морскому праву, Договор о Шпицбергене и т.д.

– координировать политику по созданию механизма правового регулирования по таким вопросам, как изменение климата, загрязнение окружающей среды, международное морское право, противодействие терроризму на море и т.д.;

– в случае необходимости установить связи регулярного диалога и обмена между параллельными механизмами (правительства, научно-исследовательские органы, предприятия и т.д.) арктических и внерегиональных стран;

- в рамках соответствующих международных площадок продвигать инициативы по развитию низкоэмиссионной зелёной энергетики, а также укреплять взаимодействия в сфере морских технологий, снижать загрязнение окружающей среды от судоходства;
- использовать в рамках ШОС и БРИКС имеющиеся перспективы для обсуждения арктических вопросов и развития регионального сотрудничества между Россией и внерегиональными странами;
- в рамках совместного построения «Ледового шелкового пути» эффективно решать вопросы по инвестированию в совершенствование инфраструктуры, благоприятной режиму для транзитного прохода, по научно-техническому сотрудничеству на основе переговоров.

1. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 35–48.
2. 20-я регулярная встреча глав правительств РФ и КНР // Сайт Правительства России. 17.12.2015. URL: <http://government.ru/news/21123/> (дата обращения: 11.01.2019).
3. Чжун э цзунли ди эрши ци динци хуйу лянхэ гунбао: [Совместное коммюнике по итогам 21-й ежегодной встречи премьер-министров РФ и КНР] // Синьхуа Ван. 8.11.2016. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-11/08/c_1119870609.htm (дата обращения: 11.01.2019).
4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Сайт Президента России. 04.07.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 11.01.2019).
5. Когнитивная психология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/psychology/text/2077286> (дата обращения: 11.01.2019).
6. *Sprout Harold, Sprout Margaret.* Man-milieu relationship hypotheses in the context of international politics. Princeton: Center for International Studies, 1956.
7. *Инь Цзю.* Жэньчжи синьли сюэ чжи юй гоцзи гуаньси яньцзю: цзиньбу цзи ци вэньти: [Когнитивная психология в исследованиях международных отношений: прогресс и проблемы] // Вайцзяо пинлунь. 2006. № 4. С. 101–110.
8. *Симон Херберт.* Сяньдай цзюецэ лилунь дэ цзиши: [Современная теория управленческих решений] / пер. на кит. яз. Ян Ли, Сюй Ли. Пекин, 1989. С. 45–64.
9. *Hopple Gerald.* Biopolitics, Political Psychology and International Politics. London: Frances Pinter Publisher. 1982. P. 38–40.
10. *Festinger Leon.* A Theory of Cognitive Dissonance. California: Stanford University Press. 1957.
11. *Цинь Яцин.* Чжугути цзянь жэньчжи чай юй чжунго дэ вайцзяо цзюецэ: [Когнитивный диссонанс между субъектами и внешнеполитическое решение Китая] // Вайцзяо пинлунь. 2010. № 4. С. 3–7.
12. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность. Москва: МОРУ, 2001.
13. *Кочетков В.В.* Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник МГУ. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26.
14. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.01.2019).
15. *Тулупов Д.* Уроки занимательной делимитации: как правильно разделить арктический шельф? 03.04.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uroki-zanimatelnoy-delimitatsii-kak-pravilno-razdelit-arktich/> (дата обращения: 13.01.2019).
16. *Кришталь А.Г.* Особенности правового регулирования па арктическом континентальном шельфе. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 47–53.
17. *Загорский А.* Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.

18. Там же.
19. *Гаврилов В.В., Дремлюга Р.И., Крипакова А.В.* Толкование и применение статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в условиях сокращения ледового покрова Арктики // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 151–160.
20. *Kraska James.* The Law of the Sea Convention and the Northwest Passage. *International Journal of Maritime and Coastal Law*. 2007. Vol. 22. № 2. P. 257–281.
21. *Дай Цзунхань.* Ю льянхэго хайян фа гунюэ цзяньши бэйци хандао фалу чжэндуань: [Рассмотрение правовых споров Арктического водного пути с точки зрения Конвенции ООН по морскому праву] // Бицзяо фа яньцзю. 2013. № 6. С. 86–108.
22. *Соколова Е.Л.* Институт исторических вод в современном международном праве. М.: МГИМО, 2014. С. 26.
23. *Сахаров А.Г.* Развитие Арктического совета как «института регионального управления» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 4. С. 72–92.
24. *Koivurova Tomi.* Environmental Protection in the Arctic and Antarctic: Can the Polar Regimes Learn from Each Other? // *International Journal of Legal Information*. 2005. Vol. 33. № 4. P. 203–218.
25. Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана: Илуиссат, Гренландия, 27–29 мая 2008 года // Сайт МИД РФ. 29.05.2008. URL: http://www.mid.ru/sovetsgosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/336068 (дата обращения: 13.01.2019).
26. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Сайт Президента России. 15.09.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/707> (дата обращения: 13.01.2019).
27. Нуукская Декларация по случаю Седьмой Министерской сессии Арктического совета, 12 мая 2011 года. Нуук, Гренландия. URL: https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/779/Nuuk_Declaration_Rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 15.01.2019).
28. *Го Пэйцин, Сунь Кай.* Бэйци лишинхуй дэ нуэ бяочжунь хэ чжунго дэ бэйци цаньюй чжи лу: [«Нуукские критерии» Арктического совета и путь Китая в Арктику] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2013. № 12. С. 118–139.
29. *Загорский А.* Указ. соч.
30. *Ян Е, Гу Цян.* Чжун оу гуаньси чжун дэ жэньчжи чаи цзи ци инсян пинцзя: [Когнитивный диссонанс в китайско-европейских отношениях и его влияние] // Чжэцзян шэхуй кэсюэ. 2010. № 4. С. 74–81.
31. HM Government. Adapting to Change. UK policy towards the Arctic. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/251216/Adapting_To_Change_UK_policy_towards_the_Arctic.pdf (дата обращения: 20.01.2019).
32. Чжунго дэ бэйци чжэнцэ байпи шу: [Белая книга Арктическая политика КНР] // Синьхуа Ван. 26.01.2018. URL: http://www.gov.cn/xinwen/201801/26/content_5260930.htm#1 (дата обращения: 20.01.2019).
33. *Wright David.* The Dragon and Great Power Rivalry at the top of the World: China's Hawkish, Revisionist Voices within Mainstream Discourse in Arctic Affairs. Calgary: Canadian Global Affairs Institute. 2018. P. 4–6.

Выбор оптимальной парадигмы интеграции в Евразии

© 2019

В.И. Балакин

В статье представлена идея интеграционного проекта для Евразии, целью которого является развертывание дискуссии на этом направлении. В настоящее время инициаторами интеграционного процесса в Евразии выступают, прежде всего, Российская Федерация и КНР, ищущие в условиях нарастающего мирового финансового кризиса новые ресурсы для экономического роста. Выстраивая евроазиатское сообщество, Москва и Пекин рассматривают в качестве наиболее реальной интеграционную парадигму, делающую акцент на создание действенного консультационного механизма, позволяющего сближать позиции по ключевым глобальным проблемам.

Ключевые слова: Евразия, идеология, Россия, Китай, интеграция.

DOI: 10.31857/S013128120005307-8

Геополитика исследует расстановку сил и общую диалектику развития применительно к определенной территории, объясняет не только динамику пространства, но и связанные с ним зачастую символические представления. Последние формируют систему геополитических понятий с включением многочисленных философских категорий. С точки зрения философии любое региональное пространство обрекает существующие в нем государства на разрозненность, но одновременно делает их весьма самобытными и избавляет от чрезмерно унифицированного состояния¹. С геополитической точки зрения пространство осмысливается в качестве особой организационной категории, проецирующей на окружающую действительность реальные индивидуальные различия существующих в Евразии сложившихся традиционных государственныхностей.

Можно уверенно назвать Евразию одним из самых динамичных и одновременно нестабильных, а также абсолютно непредсказуемых регионов мира, где до сих пор складываются национальные государства и формируются противоречивые цивилизационные процессы. Евроазиатский континент начинает медленно выкристаллизовываться в качестве мощнейшей геополитической реальности. Находящиеся на нем государства во многом развиваются достаточно независимо друг от друга и, по сути, в разных направлениях². Регионообразующие факторы — политические, военные, экономические и другие складываются и развиваются постепенно, приводя в результате к временной консолидации отдельных стран, пытающихся заложить устойчивые основы некой геополитической целостности. На всем континенте наблюдаются отдельные успешные попытки создать некие крупные альянсы, например, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая способствует постепенному вызреванию взаимодействия между ключевыми евроазиатскими государствами, такими, как Россия и Китай.

Одновременно запускается механизм так называемого «золотого» выбора интеграционной модели, когда на повестку дня встает вопрос о том, зачем вообще нужны альянсы традиционных государственных систем. Ответом может реально послужить объективный поиск «идеальной формы» межгосударственного взаимодействия, которая представляет собой результат саморазвития каждой отдельной системы. Именно он является системообразующим фактором, который играет решающую роль в организации устойчивых компонентов, формируя процессы детерминации и приспособления будущего надгосударственного альянса к необходимости сохранения гармонии между внутривнутриполитическими национальными интересами каждого отдельного государства и его объективными стремлениями использовать конкретную геополитическую ситуацию для решения задач будущего национального развития³. В настоящее время евроазиатские государства во многом являются заложниками обязательного выбора приемлемой интеграционной модели, когда приходится определяться с приоритетами в отношении оптимальных форм партнерских отношений.

Существующий потенциал интеграции в Евразии

Интеграционный потенциал на евроазиатском континенте во многом определяется идеологией поиска национальной идентичности и выработки курса на наднациональное взаимодействие на новом историческом этапе. Этому объективно способствует существующая система взглядов на евроазиатское пространство, диалектика которого подразумевает сбалансированное развитие находящихся в нем государств. Евроазиатское сотрудничество может стать не только экономическим фактором единения региональных государств, но превратиться в идеологию, цементирующуюся взаимопонимание. Государства Евразии стремятся к интеграции прежде всего в силу самосохранения, поскольку объективно нужна совместная региональная инфраструктура и гарантии на случай возникновения непредвиденной реальной опасности национальному суверенитету⁴. Запад излишне нервно реагирует на интеграционные процессы на евроазиатском пространстве, оказывая мощное давление на их участников и пытаясь «связать им руки», не давая сформировать собственный региональный центр влияния.

Кроме того, в качестве самозащиты евроазиатские страны начали предпринимать конкретные шаги по формированию собственных финансовых транснациональных институтов, дублирующих деятельность ослабевших международных институтов ООН. Особенностью сегодняшнего положения на евроазиатском континенте является стремление крупных государств Евразии, прежде всего России и Китая, противодействовать доминированию здесь США, что весьма позитивно воспринято другими странами, исходя из того, что Вашингтон добился на деле своими действиями противоположного эффекта, сформировав достаточно устойчивую оппозицию стратегическим устремлениям Запада в целом⁵. Согласно некоторым западным оценкам, Россия представляет собой преимущественно азиатскую страну, хотя в Евросоюзе вполне адекватно воспринимают ее европейскую идентичность, рассчитывая предотвратить тесное сближение Москвы и Пекина. В условиях геополитического противоборства за доминирование на евроазиатском пространстве каждая из важных держав рассчитывает продвинуть свои национальные интересы в отношениях с наиболее опасными конкурентами. Главными мишенями в современных противостояниях различного уровня на евроазиатском континенте выступают Россия и Китай, которые подвергаются различным формам информационного воздействия в расчете на изменения в названных странах общественной психологии в сторону снижения уровня защищенности традиционных ценностей.

Актуальность новой формы интеграции в рамках евроазиатского пространства становится все более очевидной для всех ведущих держав Евразии, особенно с точки зрения создания обширной континентальной инфраструктуры, которая позволила бы реально объединить усилия всех региональных стран в сфере взаимовыгодного экономиче-

ского развития. Однако, чтобы евроазиатские государства могли достойно сотрудничать, они должны форсировано развивать свой промышленный и торговый потенциалы. Роль России высоко оценивается евроазиатским сообществом, поскольку она способна сказать США «твердое нет» в случае американских попыток доминировать в Евразии⁶. Европейский союз в настоящее время демонстрирует низкие темпы реального экономического роста и стремится к диверсификации поставщиков энергоресурсов, активно инвестируя в поиск новых источников энергоснабжения. Новая евроазиатская стратегия России отчетливо предусматривает синергетическую модель континентальной интеграции в форме стабильных поставок энергоносителей как на Запад (ЕС), так и на Восток (Китай, Индия), спрос на которые будет увеличиваться в обозримой перспективе, в частности, в рамках мегапроекта «Один пояс, один путь».

Потенциал интеграции в Евразии объективно весьма велик и очень перспективен для России, так как позволяет ей решать ряд стратегических задач, связанных с укреплением экономической безопасности и содействием диверсификации торговых связей. Важна реализация высокорентабельных проектов на евроазиатском пространстве для создания новых крупных перерабатывающих производств с высокими технологиями, в чем Россия и Китай сталкиваются со схожими геополитическими и геоэкономическими вызовами. Запад вводит последовательные ограничения на продажу высокотехнологичной продукции в Россию и Китай, однако в этой ситуации обе страны активизировали двустороннее сотрудничество в сфере высоких технологий и открывают для себя высокотехнологичные рынки в других государствах Евразии. Таким образом, предотвращена угроза углубления технологического отставания, что можно рассматривать в качестве особого механизма расширения российско-китайского стратегического взаимодействия. Процесс евроазиатской интеграции идет непросто и медленно, поскольку это связано с унификацией политического поля и гармонизацией национального законодательства в интересах создания наднациональных политических структур и институтов, что на сегодняшнем уровне международного сотрудничества выглядит абсолютно нереальным. Достаточно вспомнить пример АСЕАН⁷.

Выбор оптимальных форм надгосударственного взаимодействия в Евразии

В существующих международных условиях практически все ведущие страны Евразии разрабатывают национальные стратегии последовательного противодействия американскому финансовому и военно-технологическому доминированию. При этом основной акцент делается на стимулирование инвестиций в прорывные технологии, которые обеспечивают успешное действие в безопасной среде с высокоточными, автономными системами вооружений, не зависящими от поставок комплектующих из США. Серьезное внимание уделяется при этом формированию государственных и общественных структур, ориентированных на поддержание национальных идеологических институтов, занимающихся выстраиванием систем образования и информационной среды, нацеленных на противодействие иностранному влиянию, независимо от его происхождения и политических целей. В таких условиях говорить о парадигме реального надгосударственного взаимодействия в Евразии явно преждевременно, но оно все же имеет место, пока на двусторонней основе, исходя из объективно складывающейся геополитической ситуации. Анализ двустороннего взаимодействия между отдельными евроазиатскими государствами демонстрирует наличие осязаемых элементов своеобразной психологической защиты, нацеленных на нейтрализацию, а чаще — на предотвращение любых серьезно угрожающих устоям национальной государственности факторов⁸. Принципиальный разлом целостности американской модели глобализации, случившийся в Евразии, подталкивает различные государства континента к классическому синтезу альтернативных версий, скрытых целей и истинных побуждений участников региональных интеграционных процессов.

На евроазиатском континенте действуют три основных центра геополитического влияния: Россия, Китай и США, реализующие свои стратегические интересы путем вовлечения отдельных стран Евразии в сферу своего экономического влияния. Согласно экспертным оценкам, наиболее важным для Евразии является формулирование формата будущего взаимодействия государств региона с точки зрения последующей разработки прогнозных сценариев, которые должны отразить направления развития сложившихся евроазиатских цивилизаций. Надгосударственное сотрудничество на континенте подвержено серьезным изменениям из-за того, что прорывные технологические инновации происходят все быстрее и требуют реальной адаптации региональной стратегии, а также отказа от ее устаревших положений. Соперничество Запада с Россией и Китаем нарастает по все более крутой траектории и становится все более жестким, что вызвано обострением в военных аспектах глобальной конкуренции, когда главные геополитические игроки начинают по существу глядеть друг на друга «через перекрестье прицелов». В этой связи нет сомнений относительно попыток США в кратчайшие сроки сформулировать собственные новые правила регулирования глобального энергетического рынка путем устранения основных конкурентов в лице России и Ирана, перекрыв им транспортные пути доставки энергоносителей внутри Евразии⁹.

Для евроазиатских государств возникает проблема выбора оптимальной стратегии надгосударственного взаимодействия, ибо интеграционный опыт того же Евросоюза свидетельствует, что как только региональное единение переходит из стадии экономического взаимодействия в стадию политических взаимоотношений, начинают вызревать все более ощутимые конфликты, суть которых сводится к соперничеству за геополитическое лидерство.

Надгосударственное взаимодействие на евроазиатском континенте представляет собой проблему геополитической конкуренции между Россией, Китаем и США, где Москве и Пекину только предстоит сформировать «пул стран», способных сказать «нет» стратегии Вашингтона по подавлению оппонентов не только на глобальном, но и на региональном уровне. Анализ матрицы геополитической интеграции в Евразии показывает, что у России сегодня отсутствует выгодное направление реализации ее стратегического потенциала, поскольку наибольшую эффективность может дать лишь многовекторная политика, предусматривающая диалектическое сочетание всех потенциально возможных курсов без чрезмерной ориентации на какой-то один вариант¹⁰. Среди вариантов подобной стратегии Москва может активно использовать взаимовыгодное экономическое, политическое и культурное сотрудничество с отдельными государствами Европы, одновременно предоставляя им гарантии региональной безопасности, а в случае разностороннего взаимодействия с КНР российское государство должно стремиться диверсифицировать экономические контакты именно с этой наиболее быстро растущей частью мировой экономики.

Факторы, противодействующие евроазиатской интеграции

Приоритетной задачей стран Евразии можно назвать формирование модели надгосударственного единения, способного стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферией США и Евросоюза, которые уже сейчас проигрывают в конкурентоспособности евроазиатским соперникам. В качестве самозащиты Брюссель и Вашингтон взяли на вооружение стратегию активного противодействия созданию в Евразии мощных транснациональных финансовых институтов. Формируя некое единение евроазиатских государств, важно, по мнению международных экспертов, проводить постоянный мониторинг центробежных факторов в ходе интеграционных процессов, что позволит более четко представить возможные риски развития евроазиатской интеграции в глобальном контексте. По мере последовательного осуществления евразийской интеграции, круг вопросов, которые решаются наднациональными органами, должен постепенно расширяться. Однако

в Евразии трудно представить себе ситуацию, когда национальные правительства подчинились бы иностранной коллективной воле, то есть интересам других стран, входящих в интеграционное образование¹¹. Уже существующая практика в виде Евросоюза демонстрирует прецеденты, когда наднациональные органы вынуждены отходить от единогласных решений, заменяя их голосованием большинства. В противном случае любое региональное интеграционное объединение становится почти неуправляемым.

Евразийская интеграция развивается достаточно медленно, выявляя факторы, которые необходимо преодолевать в интересах гармонизации взаимоотношений, прежде всего, в сфере торговли продукцией современного машиностроения, чтобы не отстать от мирового уровня. Рассматривая различные варианты, можно сделать вывод, свидетельствующий об отсутствии для России выгодного направления региональной интеграции в Евразии, что вынуждает российское государство делать ставку на многовекторную геополитику, предусматривающую сочетание элементов сотрудничества со всеми государствами на евразийском пространстве. При этом важно понимать, что такие государства Евразии, как Россия, Китай, Индия, Республика Корея, Иран, Турция, включаясь в реализацию прорывных технологических инноваций, адаптируют континентальную геополитическую стратегию, отказываясь от устаревших блоковых предпочтений. Во многом такие изменения геополитической ориентации связаны с неготовностью Вашингтона противостоять растущему российскому и китайскому военно-технологическому влиянию: названные выше страны начинают более трезво оценивать реальные перспективы США по удержанию позиций единственной сверхдержавы в мире. Интеграционные процессы в рамках Евразии делают сегодня для России и Китая целесообразными более тесные взаимоотношения с Индией, Ираном и Турцией, поскольку эти страны сталкиваются с серьезными проблемами в сотрудничестве с Западом. Поэтому российско-китайский тандем вполне может компенсировать имеющиеся ограничения.

Сегодняшний интерес к проблеме евроазиатской интеграции во многом связан с растущим противостоянием России и Китая с коллективным Западом под руководством США, чему в немалой степени послужил переход Москвы и Пекина к традиционным ценностям национальной идентичности и самостоятельности в политике, экономике, а также в идеологическом аспекте. Заметное цивилизационное напряжение и распространение конфликтности по огромному пространству Евразии серьезно беспокоит все страны континента, особенно те, цивилизационные особенности которых заметно отличаются от американской парадигмы развития. Практически все государства в настоящее время стремятся максимально учитывать скорость технического прогресса, рассчитывая обрести военно-технологические преимущества на уровне XXI века, используя максимальное количество доступных технологий, что позволит потенциальным противникам США подготовить асимметричный отклик в виде неожиданного набора стратегем, геополитических доктрин, важных стратегических и тактических операционных решений. Американская администрация оказалась не готова к вызовам в сфере военных технологий со стороны ведущих евроазиатских держав, в результате чего была спешно скомпонована «третья стратегия противовеса», которая пока слабо модернизирует технологический облик военной машины США, оставляя ее плохо управляемой и мало эффективной¹². Вашингтон явно не способен сегодня успешно действовать в среде, насыщенной высокоточными автономными системами оружия, что во многом представляет собой результат отсутствия практических достижений в создании сети глобальной разведки, обеспечивающей потенциал военной мощи в противовес широкому кругу ожидаемых угроз, прежде всего, со стороны России и Китая.

Исходя из своих национальных интересов, последние вряд ли станут останавливать собственные технологические программы сдерживания американских попыток любой ценой сохранить глобальное доминирование. Монополярный выбор США на фоне накопления экономической и военной мощи в значительной степени происходит за счет

спекуляций на возникновении войн и обострениях региональных конфликтов, борьбе за природные ресурсы, эффективном манипулировании политическими потрясениями, что позволяет перекраивать геополитический ландшафт, прежде всего, в Евразии¹³. Становится все более очевидной крайне агрессивная американская цивилизационная парадигма, насильственная реализация которой вряд ли встретит согласие государств с иными духовными приоритетами. Лидером противостояния вашингтонскому напору безусловно выступает Россия, располагающая уникальным опытом совместного существования и развития разнородных этнических групп, культур и религий. Пока трудно говорить о реальных интеграционных процессах на евроазиатском пространстве в целом, однако российское устремление к тесному сотрудничеству, ответственность за принятые обязательства, готовность вникать в национальные интересы партнеров и поддерживать их конкретные действия по сопротивлению вселенскому злу вызывают позитивные отклики у руководства значительной части евроазиатских государств.

Тенденция к геополитической целостности стимулирует интеграционные процессы в Евразии, становится насущной потребностью при решении локальных проблем, обеспечивающей глубокое понимание закономерностей сложного поведения самоорганизующихся государственных систем этого континента. Сложный геополитический алгоритм вызревания интеграционных процессов в Евразии включает синтез и объединение экономических, политических, социокультурных, международных и других аспектов производственных и научных потенциалов евроазиатских государств для вывода их на принципиально новые технологические рубежи. Пока наблюдаются лишь общие закономерности самоорганизации и нелинейного синтеза сложной системы евроазиатской интеграции, но на основании формирующейся модели уже сегодня можно строить прогнозы о характере процессов структурообразования и эволюции евроазиатских надгосударственных институтов. Понимание и принятие евроазиатской интеграции в рамках двух стратегических путей развития континента — «однополярности» и «многополярности» — представляется необходимым условием самоорганизации и управления процессами выявления более определенных контуров евроазиатского концепта с точки зрения его содержания и внешнеполитических приоритетов.

Евроазиатскую интеграцию вполне обоснованно следует рассматривать в качестве уникального феномена, отражающего современную международную жизнь, но в то же время как неоднозначное и крайне сложное по целям, содержанию и структуре явление. Вызревающая модель интеграции государственных систем в Евразии чревата для мира пересмотром всей существующей международной системы, поскольку такое междоцивилизационное объединение принципиально возможно лишь на основе многополярности, формирующей процесс стратегического планирования с учетом готовности ключевых евроазиатских стран к принципиальным геополитическим преобразованиям. Главной отличительной чертой евроазиатской интеграционной модели безусловно станет то, что она будет объединять не отдельные страны, а цивилизации, что может быть обеспечено за счет формирования регионального финансового кластера, способного оказаться вне рамок глобальной валютной системы. Процесс единения на континенте Евразия реально возможен лишь на основе принципов невмешательства во внутренние дела друг друга, исходя из взаимного уважения принципа неприкосновенности государственных границ. Однако в перспективе неизбежно возникнет необходимость создания многочисленных наднациональных консультативных, а, возможно, координационных органов, которые действовали бы в рамках консенсуса, с учетом интересов каждой страны-участницы, но без какой-либо передачи наверх политических полномочий.

Оптимальный выбор интеграционной парадигмы в Евразии связан с проблемой, состоящей в том, каким образом инициаторы интеграционных процессов должны управлять ими, как посредством малых и скрытых резонансных воздействий подтолкнуть систему объективных геополитических связей на евроазиатском пространстве в сторону

относительно благоприятных для региональных стран-лидеров новых качественных путей развития с целью сделать данное развитие самоуправляемым и самоподдерживаемым. При этом главным направлением всегда признавалось недопущение неконтролируемого геополитического хаоса, а еще лучше — целенаправленное превращение возникающего хаоса в механизм, способствующий развитию региональной ситуации в позитивную сторону накопления знаний и опыта для реализации геостратегических схем с целью передачи их последующим поколениям руководителей государств Евразии. Очевидно, что таким образом можно передавать лишь конечные знания о технологиях сохранения национальных государственных на евразийском континенте, исходя из принципа оптимальной управляемости государством на базе устоявшихся веками и тысячелетиями традиций, логически выверенных и объективно детерминированных. Многие известные международные эксперты в качестве варианта интеграционной парадигмы на континенте Евразия рассматривают так называемую международно-правовую конвергенцию, представляющую собой процесс сближения и практического взаимодействия национальных правовых систем в форме повышения степени их связанности и согласованности с точки зрения четкого правового регулирования международных отношений. Международно-правовая конвергенция в равной мере относится и к системам права региональных интеграционных объединений. Эта проблема не является надуманной, поскольку появилось понятие «интеграция интеграций», сущностью которого выступает сближение правовых систем государственных, составляющих интеграционные образования.

Можно сделать вывод, что на евроазиатском пространстве в скором времени начнут формироваться новые геополитические блоки, что вызвано заметной стагнацией в деятельности существующих глобальных международных объединений.

1. *Svirac Ante*. Die Figur des Flüchtlings als ein Paradigma. Universität Wien Verlag, Wien, 2007. S.19.
2. *Масуда Масаюки*. Тюгоку гайко то кокусай систэму: [Китайская дипломатия и международная система] // Бэйи кэнкюсё но тэса. Бэйи дайгаку. Токио, 2005. С. 80.
3. *Clark David L*. Kant's Aliens. The Anthropology and Its Others // The New Centennial Review. Michigan State University Press. 2001. Vol. 1. No. 2. P. 201–289.
4. *Линь Лиминь*. Шицзе диюань чжэнчжи синьбяньцзюйи юй чжунго дэ чжалюэ дечжи: [Политические перемены на мировой арене и заметные изменения в стратегии КНР] Сяньдай гоцзи гуаньси. Beijing. 2010. No. 4. P. 6.
5. *Milhiel Paco*. China's ambition in the Pacific: worldwide geopolitical issues / The French Institute for International and Strategic Affairs. Asia Focus Program. Paris, 2017. P. 3.
6. *Libman, Alexander*. Russische Direktinvestitionen in Eurasien / Stiftung Wissenschaft und Politik Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. Berlin, 2015. S.10.
7. *Токоронага Томота*. Вагакуни но юрасиа гайко: [Евроазиатская дипломатия нашей страны] / Нихон кокусай мондай кэнкюсё. Токио, 2006. С. 4–5.
8. *Abdelal Rawi*. Memories of Nations and States: Institutional History and National Identity in Eurasia // Nationalities Papers, Vol. 30. No. 3. Harvard University. 2002. P. 478.
9. *Янь Лян*. Чжунго дуй вайцзинци чжуай: мубяо юй чжэнцэ ити: [КНР против зарубежных экономических санкций: цели и политическая повестка] // Вайцзяо пинлунь. 2012. No. 6. P. 18.
10. *Schmidt-Feizmann*. Instrument russischer Geopolitik. Policy Research Institute. Stockholm, 2018. P. 104.
11. *Stone Sweet, Alec*. European Integration and the Legal System / Institute für Höhere Studien. Wien, 2005. P. 6.
12. *Rapp-Hooper Mira, Cronin Patrick M*. Counterbalance: Red Teaming the Rebalance in the Asia-Pacific / Center for a New American Security. Washington DC, 2016. P. 7.
13. *Müller Ruth, Damm Theresa*. Asiens zweiter Sprung nach vorn / Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung. GfK Verein Verlag. Nürnberg, 2014. S. 24.

История

Восточная экспансия России на рубеже XIX–XX веков и отношение к ней в Америке

© 2019

С.А. Спартак

В статье рассматриваются различные аспекты продвижения России на Восток в конце XIX — начале XX в., включая экономические и политические составляющие этого процесса. Показаны причины усилившегося столкновения интересов России и США на Дальнем Востоке, вплоть до первого системного кризиса в двусторонних отношениях под влиянием российской экспансии в северном Китае и Русско-японской войны. Проанализированы основные позиции американской общественной мысли того времени в связи с восточной политикой России. Сделан вывод, что «дальневосточный фактор» способствовал негативизации образа России в представлениях американцев.

Ключевые слова: экспансия, Дальний Восток, соперничество, кризис, война, рынок, критика, настроения.

DOI: 10.31857/S013128120005308-9

Продвижение России на Восток в конце XIX — начале XX в. содержательно имело две основные составляющие: хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока собственной страны, а также усиление политического и экономического влияния России в близлежащих дальневосточных государствах. Экономическая и геополитическая экспансия России в дальневосточном направлении развивалась на фоне растущего понимания стратегической важности данного региона для будущего мировой экономики и международных отношений.

Исторический контекст и социально-экономические предпосылки восточной экспансии России

На протяжении большей части XIX в. усиление позиций России в Сибири и на Дальнем Востоке не вызывало серьезных опасений со стороны США и других ведущих мировых игроков того времени. В 1860-х годах, в период Гражданской войны в США, когда Россия оказала прямую военно-политическую поддержку северным штатам, и в первое время после ее окончания российско-американские отношения строились как исключительно дружественные, союзнические. Россия на государственном уровне очень чутко

отреагировала на убийство президента А. Линкольна в 1865 г. В свою очередь, американский Конгресс после покушения на Александра II в 1866 г. одобрил специальную резолюцию, поздравляющую царя с чудесным спасением. Причем доставил эту резолюцию в Петербург лично заместитель морского министра США.

В 1867 г. после нескольких лет обсуждения была заключена беспрецедентная по размеру отчуждаемых территорий сделка по продаже Аляски и других принадлежавших России американских территорий Соединенным Штатам. На тот момент сделка была выгодна и России, и США. Первая испытывала финансовые трудности, несла большие расходы по защите и содержанию крайне отдаленных американских территорий, не покрывавшиеся приносимыми доходами, тогда как США значительно усиливали свои позиции на американском континенте и получали огромную территорию со всеми ее ресурсами за весьма умеренную плату в 7,2 млн долл.¹ (напомним, что двадцатилетием раньше, в середине 1840-х годов в преддверии Америко-мексиканской войны правительство США предлагало Мексике за передачу двух ее территорий — Калифорнии и Новой Мексики 30 млн долл.).

Однако последовавшие фундаментальные изменения в мировой и региональной экономике привели к серьезному столкновению интересов России и США на Дальнем Востоке, вплоть до первого в истории двух стран полномасштабного геополитического противостояния в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Такому развитию событий способствовали, с одной стороны, формирование идеологии и возможностей для глобального лидерства США, усиление конкуренции за рынки сбыта, а с другой — достаточно успешное, по многим направлениям, продвижение России на Восток.

После окончания гражданской войны США испытали экономический подъем, стремительное развитие крупной машинной индустрии, повсеместное повышение производительности труда. Все это привело к быстрому росту экономического потенциала Соединенных Штатов, национальной конкурентоспособности, значительному расширению возможностей участия США в международном обмене. Произошла фактически глобализация экономических и военно-политических интересов США, что сделало их агрессивным игроком, начавшим борьбу за передел сфер влияния в мировом масштабе, включая ведение военных действий (характерный пример — Испано-американская война 1898 г., завершившаяся потерей Испанией ряда своих колоний).

США на рубеже столетий стали мощной державой, с соответствующими амбициями и комплексом превосходства, чувством исключительности американской нации. Доля США в мировом ВВП увеличилась с менее 2% в 1820 г. до почти 9% в 1870 г. (сравнилась с Великобританией) и достигла 19% к 1913 г., то есть Соединенные Штаты заняли лидирующее положение в мировой экономике². Особенно заметны были успехи США в обрабатывающей промышленности, все более нуждавшейся во внешних рынках сбыта.

Ускорение процесса мировой взаимосвязанности в условиях повышения транспортной доступности и сокращения издержек перевозки грузов (за счет технологических нововведений, включая совершенствование парового двигателя, массового строительства железных дорог и др.), быстрого прогресса крупной машинной индустрии, в значительной степени ориентированной на экспорт, сделало мировой рынок более тесным и конкурентным. В результате значительно возросла конфликтность в международной торговле, что не могло не затронуть российско-американские отношения. США и Россия стали соперниками на ряде значимых товарных (зерновые хлеба, лесоматериалы, нефть и нефтепродукты) рынков, в том числе на Дальнем Востоке.

Усиливалась конкуренция между США и Россией за емкий китайский рынок, где поначалу Соединенные Штаты выступали успешнее: их доля в импорте Китая выросла с примерно 1% в 1870 г. до более 10% к концу XIX в. и приближалась к 20% в первые годы XX³. При этом увеличивались и поставки из России, особенно после ввода в строй Транссибирской железнодорожной магистрали и Китайско-Восточной желез-

ной дороги (КВЖД). Доля России в суммарных закупках Китая поднялась до 6% в 1905 г., 17–18% в начале 1910-х годов и приблизилась к аналогичному показателю для США. В 1900–1913 гг. динамика ввоза товаров Китаем из России заметно опережала прирост американо-китайской торговли⁴, которая развивалась неравномерно и в отдельные годы сильно сокращалась.

В период конца XIX — начала XX в. отмечалось значительное повышение хозяйственной активности России на своих сибирских и дальневосточных территориях. Этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, по мере развития капитализма и устранения крепостнических пережитков заметно возросла подвижность населения в различных формах, которое к тому же быстро увеличилось (в 3,5 раза в течение XIX в. и, согласно всеобщей переписи 1897 г., составляло 126 млн человек). Важнейшим направлением миграции было передвижение земледельческих рабочих из центральных и южных губерний на восточные окраины, где они принимались за обработку новых земель. В итоге население восточных губерний росло быстрее, чем в целом по европейской России⁵. В первые пореформенные десятилетия в силу ограничительной политики правительства преобладали самовольные переселения крестьян в Сибирь, но с конца 1880-х годов для смягчения остроты аграрного вопроса в европейской России и более планомерного заселения восточных территорий стали применяться определенные льготы для переселенцев. Так, в 1889 г. были приняты «Правила о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (устанавливали для них право на получение ссуд на продовольствие и покупку семян, освобождение от уплаты казенных сборов и арендных платежей на три года, также прощались все недоимки и оставшиеся выкупные платежи в местах прежнего проживания), в 1894 г. введены «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселенцев», а в 1909 г. вступил в силу закон «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев»⁶.

Во-вторых, улучшалось транспортное сообщение между центром и отдаленными территориями империи. В 1890-х годах была построена Транссибирская магистраль, имевшая очень важное значение для заселения и хозяйственного освоения восточных регионов страны, развития там торгового земледелия и животноводства, расширения экономических связей с восточноазиатскими странами, в первую очередь с Китаем. По этому поводу тогдашний министр финансов России С.Ю. Витте в докладе о значении Сибирской магистрали для экономического развития страны писал: «Китай, Япония и Корея, население которых в совокупности не менее 460 млн, а современные обороты международной торговли не менее 500 млн руб. золотом, далеко не развили своих торговых отношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис. Неудивительно поэтому, что народы европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами»⁷.

В-третьих, были сформированы кредитные институты для поддержки предпринимательства на Востоке России и развития торговли с восточноазиатскими странами, включая Сибирский торговый банк, Русско-Китайский банк (в 1910 г. в итоге его слияния с Северным банком был основан Русско-Азиатский банк).

Во внешнем дальневосточном контуре Россия выступала достаточно агрессивным игроком, рассчитывая за счет усиления своего военно-политического и экономического присутствия в данном регионе смягчить нарастающее внутри страны недовольство царским режимом. Отношение США к российской политике на зарубежном Дальнем Востоке формировалось, прежде всего, под влиянием закрепления России в Северном Китае и эскалации российско-японского военно-политического противостояния.

После короткой победоносной войны с Китаем в 1894–1895 гг. Япония получила контроль над Ляодунским полуостровом, а также утвердила свое влияние в Корее. Одна-

ко такое усиление Японии не понравилось России, Франции и Германии. Уже в 1896 г. под давлением европейских стран Япония была вынуждена отказаться от Ляодунского полуострова и своего единоличного присутствия в Корее.

В свою очередь, в 1896 г. Российская империя заключила с Китаем концессионный договор на строительство КВЖД (введена в строй в 1903 г.), а в 1898 г. добилась от Китая аренды южной части Ляодунского полуострова и Порт-Артура, который впоследствии стал ее главной военно-морской базой на Дальнем Востоке. В 1900 г., во время восстания икхэтуаней в Китае, русские войска оккупировали Маньчжурию, что вызвало уже резкое противодействие со стороны Японии, Великобритании и США, которые не желали усиления российского влияния в Северном Китае.

Действия Российской империи в Маньчжурии вынудили Японию подписать с Великобританией союзный договор 1902 г., в результате которого Россия, под международным давлением, пошла на соглашение с Китаем и обязалась вывести войска из Маньчжурии в течение восемнадцати месяцев. Вместе с тем российская сторона затягивала выполнение соглашения, что привело к резкому обострению ее отношений с Японией. В 1903 г. царское правительство потребовало от китайских властей гарантий, что Маньчжурия не будет сдана в аренду другому государству без согласия России, на что Китай, при поддержке Японии и Великобритании, ответил решительным отказом. После этих событий, в июле 1903 г., Япония предложила России план раздела сфер влияния в Северном Китае, однако переговоры быстро зашли в тупик и только усугубили ситуацию. 23 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь с 26 на 27 января 1904 г., не дожидаясь объявления войны, японская эскадра напала на российский Тихоокеанский флот в Порт-Артуре.

В рассматриваемый период конца XIX — начала XX в. регион Дальнего Востока приобрел особое значение в американской геополитике в силу большого и перспективного экономического и ресурсного потенциала, невысокой степени его колонизации и возможностей выстраивания новых альянсов, возросшей транспортной доступности. Еще перед началом Испано-американской войны республиканцы в США реанимировали идею «явного предназначения» — идеологический концепт развертывания США от океана до океана⁵. Фактически и США, и Россией политика экспансии на Дальнем Востоке использовалась в контексте укрепления национальной идентичности. Соперничество двух стран на дальневосточном треке стало наиболее масштабным столкновением геополитических и экономических интересов США и России на мировой арене. И как таковое оно не могло не стимулировать американскую общественно-политическую мысль широко и предметно обратиться к этой проблематике.

Продвижение России на Восток в восприятии американцев

Американские политики и исследователи, общественное мнение не могли обойти своим вниманием активизацию хозяйственного освоения Россией ее сибирских и дальневосточных территорий, усиление российского присутствия в экономическом и геополитическом пространстве Дальнего Востока. Тема колонизации новых земель была в принципе очень близка Америке, покупка Аляски максимально приблизила Соединенные Штаты к дальневосточным территориям России, уже на тот момент был очевиден огромный природно-ресурсный потенциал российских Сибири и Дальнего Востока, а бурный экономический рост в США объективно ставил задачи оценки возможностей доступа в будущем к зарубежной ресурсной базе.

В отношении американцев к восточной политике России следует разделять два аспекта и два периода. Два аспекта — это отношение к освоению Россией собственных сибирских и дальневосточных территорий, где в основном преобладали сбалансированные оценки (хотя со временем, по мере ухудшения общеполитического контекста,

усиливались критические взгляды), и восприятие американцами внешней экономической и политической экспансии России на Дальнем Востоке, который США все более рассматривали как зону своих жизненно важных интересов. Здесь практически изначально доминировали негативные оценки, делавшиеся лидерами общественного мнения США как с цивилизаторских, экономических, так и с военно-политических позиций. Два периода — это, с одной стороны, конец XIX в. с преобладанием аспектов экономического продвижения России на Восток, что более миролюбиво воспринималось американской общественностью, а с другой — самое начало XX в., когда Россия стала наращивать свое военно-политическое присутствие на Дальнем Востоке, что, по мнению американцев, угрожало их стратегическим интересам в данном регионе и должно было получить жесткий отпор.

Большая часть американских исследователей и политиков отмечали успехи России в освоении своих восточных и дальневосточных территорий, видели в этом важный вклад в будущее страны, но также указывали на трудности данного процесса. Одновременно подчеркивалось, что экспансия России в восточном направлении затрагивает интересы США, в том числе на китайском рынке, но в то же время приводились аргументы в пользу сотрудничества, а не конфронтации с Россией, что лучше соответствовало интересам США на том этапе.

В числе писавших о восточной политике России — 25-й вице-президент Соединенных Штатов (будущий президент США в 1901–1909 гг.) Теодор Рузвельт, приветствовавший хозяйственное продвижение России на Дальнем Востоке, хотя и понимавший, что в дальнейшем это может создать трудности для реализации интересов его собственной страны (подробнее о позиции Т. Рузвельта см. ниже). Схожих позиций придерживались такие исследователи, как Э. Гросвенор, Дж. Райт, конгрессмены Э. Дж. Хилл и А. Беверидж, работавшие в России американские дипломаты Г. Пирс и У. Маккарти.

В своих работах о России профессор Эдвин Гросвенор рассматривал освоение Сибири Россией как большое достижение и серьезный прогресс, называл Ермака «Кортесом славян», сравнивая русских с европейскими конкистадорами. Гросвенор оценивал выход России к восточным морям и основание Владивостока как свидетельство прогресса. Однако Гросвенор отмечал и недостатки, считал колонизацию Сибири очень медленной, сетуя на то, что механизмы, способствующие развитию новых территорий, появились достаточно поздно — Транссибирская железная дорога и программа оказания помощи волонтерам-переселенцам были запущены лишь на рубеже XIX–XX вв. Гросвенор прибегал к сравнению Соединенных Штатов с Сибирью, ведь Американская республика тоже когда-то была колонией и местом ссылки, как и Сибирь. И в продолжение этой мысли автор полагал, что именно Сибирь должна стать отправной точкой политического обновления Российской империи. Специальное внимание историк уделил «азиатскому вопросу». Рассуждая о перспективах продвижения Российской империи на Восток, Гросвенор писал, что после строительства Транссибирской магистрали царское правительство станет хозяином в этом регионе и одновременно обладателем безграничных природных ресурсов, которыми богата данная территория. Это, по его мнению, сильно затрагивало интересы Запада, прежде всего США. Однако пока, в понимании Гросвенора, Российская империя действует сдержанно и на Дальнем Востоке скорее выполняет цивилизаторскую миссию, не создавая угроз для западных интересов, и единственным соперником в этом регионе остается Япония⁹.

Отдельного внимания заслуживают мнение и труды Джорджа Фредерика Райта, отмечавшего особую важность дальневосточного региона и большой потенциал его развития. С 1900 по 1902 г. Райт совершил путешествие по России и Азии, а по возвращении на родину вышла его двухтомная работа — «Азиатская Россия», которая еще длительный период времени считалась одной из лучших по данной теме. В своих выступлениях и статьях профессор был своего рода оппонентом Джорджа Кеннана¹⁰, и если Кен-

нан обрушивался с критикой на царскую Россию и считал неприспелым почти все, что имело хоть какое-то отношение к правительству, то Райт, наоборот, вставал на защиту существующего режима. В ответ на критику системы ссылок и тюрем в России он приводил пример устройства американской системы исполнения наказаний и указывал на ее серьезные недостатки. Централизацию власти и ее сосредоточение в одних руках профессор называл абсолютно нормальным явлением для крупных многонациональных государств и сравнивал Российскую империю с более отсталыми странами Восточной Азии, подмечая ее позитивные отличия от последних. Райт в целом позитивно оценивал Российскую империю и верил в ее будущее, желая Америке как можно скорее встать на прежний путь дружбы и сотрудничества с Россией¹¹.

Важную роль в осмыслении американской политической элитой процессов на Дальнем Востоке и участия в них России сыграла поездка в 1901 г. члена палаты представителей Э.Дж. Хилла и сенатора Альберта Бевериджа в сибирские и дальневосточные регионы Российской империи. Беверидж изначально активно выступал в поддержку имперских амбиций США на Дальнем Востоке, но после своего возвращения утверждал, что нужно сохранять и улучшать межгосударственные отношения с Россией, потому что именно она будет определять условия хозяйствования на Востоке и способна продвигать американские товары в этом регионе. По мнению Бевериджа, нужно переориентироваться и взять курс на сближение с царским правительством вместо сближения с Китаем. В 1903 г. выходит его книга «Прогресс России», в которой он подробно характеризует итоги своего путешествия и высказывает идеи по поводу перспектив дальнейшего сотрудничества США и России, а также относительно будущего самой России. В тот момент уже началась Русско-японская война, спровоцировавшая глубокий кризис в российско-американских отношениях, поэтому указанная работа вызвала противоречивую реакцию в американском обществе¹².

И Хилл, и Беверидж считали, что дружба с Россией необходима, и здесь дело не только в том, что Америке это просто выгодно, но и в том, что Российская империя — исторический друг США, который всегда поддерживал молодую республику в трудную минуту, да и, наконец, отношение у русского народа к американцам самое благоприятное. Одновременно конгрессмены призывали усилить экономическое влияние Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и в Сибири и использовать этот канал для закрепления интересов США, а также для развития торговли с Китаем¹³.

Хилл, как и Гросвенор, сравнивал Сибирь с западными территориями Соединенных Штатов, однако отмечал, что несмотря на некоторое сходство, Сибирь и Штаты — разные категории. Конгрессмен был приятно удивлен добротой и простым нравом жителей Сибири, высказывал твердое убеждение, что не стоит пытаться реформировать Россию на западный манер, ведь Россия — огромная страна со своими многовековыми традициями, идущая собственным историческим путем, и американцам лучше не вмешиваться в ее внутренние дела. Всю критику в адрес царского правительства Хилл не опровергал, но в то же время подчеркивал, что и правительство Соединенных Штатов не лишено недостатков. «К тому же все развивается, и русские, которых направляет превосходный министр финансов С.Ю. Витте, не самые отсталые из народов»¹⁴ — таким выводом заканчивал свою работу Хилл.

Беверидж давал высокую оценку продвижению России на Дальнем Востоке и считал, что такая дипломатическая, финансовая и торговая экспансия заслуживает уважения и многим западным странам, в том числе самим Соединенным Штатам, следует брать с Российской империи пример. Соответственно, на взгляд Бевериджа, поддержание дружеских и деловых связей с Россией — необходимость для США¹⁵. Как и ряд других политических деятелей Америки того периода, Беверидж видел в России выгодного партнера для защиты и продвижения интересов американцев в Китае.

Рассуждая о развитии России, Беверидж, вслед за многими другими американскими исследователями, проводил параллели с Соединенными Штатами и отмечал большое преимущество у последних. Масштабное строительство железных дорог проходило в США намного успешнее, чем в России. Беверидж объяснял это особым характером и активной жизненной позицией американцев, чего русские были, по его мнению, лишены. В данном контексте сенатор жестко критиковал славянофилов, выступавших за сохранение крестьянской общины, которая, по его мнению, сильно сдерживала прогресс государства и стесняла развитие русского духа. Подчеркивая превосходство Америки над Россией по многим критериям, Беверидж не умалял заслуги правительства Николая II в части модернизации страны, хвалил работу Витте и других министров, указывал на рост грамотности и ослабление всеми ненавидимой цензуры¹⁶.

Работавшие в России американские дипломаты, в силу своей более глубокой вовлеченности в российские дела, лучшего понимания внутренних реалий и российской специфики, в основном положительно оценивали деятельность царского правительства, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. В частности, секретарь американского посольства Г. Пирс, как и Беверидж, хотя и критиковал аграрную систему, которая сложилась в России, никак не соглашался с теми, кто считал, что у России нет будущего, отмечая экономические успехи империи за последние 15 лет, и призывал прекратить любую критику системы исполнения наказаний. По мнению Пирса, централизованное единое управление, учитывая особенности развития государственности и национального характера, более чем какой-либо другой политической режим подходило России¹⁷. В этом Пирса поддерживал военный атташе У. Маккарти, считавший, что своих успехов Россия добивается благодаря особой системе управления, где нет нужды ждать одобрения правительственных решений от законодательного органа, которого и вовсе не существовало на тот момент. Маккарти предскал мощный экономический подъем Российской империи после завершения освоения Дальнего Востока, чему, в том числе, будет способствовать Транссибирская магистраль¹⁸.

Наряду с умеренно-позитивными взглядами на продвижение России на Восток и кооперационным видением отношений США и России в дальневосточном регионе, в американском общественно-политическом дискурсе усиливались суждения о российской восточной политике с негативной коннотацией, рассматривая ее как угрозу жизненно важным американским интересам. США предлагалось более активно и жестко осуществлять экспансию на Дальнем Востоке. Причем именно такие подходы впоследствии были приняты на вооружение в практической политике Соединенных Штатов и наиболее масштабно проявились в период Русско-японской войны.

О том, что США надо всерьез задуматься об освоении Сибири, еще в 1891 г. американский историк Генри Адамс писал политику-республиканцу Генри Лоджу: «Россия на грани срыва, она политически и морально истощена, система устарела и разлагается... И если так будет продолжаться, то у Америки есть все шансы занять Сибирь»¹⁹. В преддверии наступления нового столетия, в 1899 г. сенатор У.Д. Фульк выпустил второй том своей книги «Славянин или Сакс», где характеризовал соперничество России и США в дальневосточном регионе «как великую битву между государствами за сферу влияния, от которой зависела судьба всего человечества», как «битву славянина и сакса», полем которой выступал Дальний Восток²⁰.

Можно выделить двух исследователей, идеи которых оказали наибольшее влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов на Дальнем Востоке и на образ России, которая все более стала восприниматься как угроза, препятствие для реализации американских экономических и политических интересов. Это — Альфред Мэхэн и Брукс Адамс. Оба историка были убеждены, что Соединенным Штатам, как сверхдержаве, экспансия на Дальнем Востоке была просто необходима, и что судьба мирового порядка зависит от исхода «битвы» за китайский рынок.

Мэхэн является основателем идеи «морской силы» (sea power) и считается родоначальником геополитики. Как ведущий исследователь в этой области, он был убежден, что именно Российская империя, а не кто-либо другой, может создать серьезную угрозу для продвижения американских интересов на Дальнем Востоке и считал русских «безжалостными лживыми варварами, какими и подобает быть азиатам»²¹. Другой идеолог американской экспансии — историк и философ Б. Адамс разделял точку зрения Мэхэна по поводу основного конкурента Соединенных Штатов на Дальнем Востоке — Российской империи. Б. Адамс связывал необходимость экспансии для американцев с внутренними преобразованиями собственной страны. Он утверждал, что любая экспансия — двигатель прогресса, ведь она заставляет увеличивать производство, повышать производительность, стимулирует просвещение, инженерно-техническую и социально-политическую мысль.

После своего путешествия по России в самом начале XX в. Б. Адамс писал, что России будет очень сложно покорить и поставить под свой контроль рынок Поднебесной империи. Этому, по его мнению, мешали такие качества русских, как леность, необразованность, расточительность, наличие которых само себе не позволяло им справиться с задачей такого масштаба. Учитывая сказанное, Адамс считал, что цивилизаторскую миссию в Китае должна выполнить более развитая нация — американская: «американцам судьбой предписано покорить азиатскую окраину»²².

Особую позицию в отношении российской экспансии на Дальнем Востоке и вытекающих из этого задач для Соединенных Штатов занимал видный американский политолог и дипломат Пол Самюэль Рейнш. Он полагал, что мотивы российской экспансии на Дальнем Востоке имеют специфический характер, а ее последствия могут состоять в еще большем отдалении России от западной цивилизации.

В своей книге *World Politics at the End of the 19th Century* (1900 г.) Рейнш развивает эти идеи²³. Политолог поддерживал движение России на Дальний Восток, отмечая, что любая сверхдержава имеет «естественное» право на экспансию с единственной оговоркой — чтобы она не нарушала национальных интересов другой сверхдержавы. Рейнш признавал за Россией лидирующую роль на Дальнем Востоке, объясняя это не только близостью границ, но и самой природой государственного устройства России, которое он относил к восточноазиатскому типу.

В продвижении Российской империи на Восток Рейнш, как говорилось выше, усматривал отдаление от западной цивилизации: «К большому сожалению, все эти события, как правило, лишь подчеркивают азиатский характер Российской империи и все больше отчуждают ее от западной и, особенно, англосаксонской цивилизации». Что также важно, освоение новых территорий сплавливает население и укрепляет самодержавие в лице Царя, целиком или частично отодвигая в будущее решение ключевых проблем внутреннего развития: «Нет никаких сомнений, что успешная экспансия на Дальнем Востоке лишь усилила авторитарный режим Российской империи. Российское правительство так преуспело в приобретении новых территорий и в предоставлении новых земель своему населению, что голоса нигилизма и либерализма были заглушены хвалебными возгласами в адрес самодержавия. Никогда прежде усилия российского правительства по подавлению национальных протестов в Польше и Финляндии не были такими успешными. Еще никогда российское правительство не было таким сильным в решении своих внутренних проблем. Любая мысль о предоставлении народу Конституции, которая бы ограничивала власть монарха по западному образцу, была бы немедленно отклонена»²⁴.

Целью российской экспансии Рейнш считал не борьбу за рынок Поднебесной, так как индустриализация сравнительно слабо касалась России и ее промышленность не создавала излишков продукции, а получение новых территорий для землепользования. «Следует еще раз отметить тот факт, что российская экспансия — это не столько борьба

за рынки, ибо развитие промышленности не позволяло удовлетворить свой собственный внутренний рынок, а скорее борьба за землю для обеспечения постоянного расширения территории для земледельческих работ. В этом состоит фундаментальное отличие Российской империи от других стран, осуществляющих экспансию на Дальнем Востоке, для которых самое важное — рынки»²⁵.

Рейнш подчеркивал невероятную способность Российской империи абсорбировать целые народы и предрекал, что с Дальним Востоком будет точно так же. В связи с этим, учитывая интересы Соединенных Штатов в данном регионе, он полагал, что нужно осторожно, взвешенно подходить к развитию ситуации, чтобы не навредить американо-российским отношениям и не подтолкнуть Россию к полному отказу от западных ценностей: «Русское продвижение и русские усилия по расширению границ цивилизации ценны для всего человечества. Если русская нация в действительности лучше других проводит процесс ассимиляции восточных национальностей, если она более других европейских стран может распространить цивилизацию среди азиатов, сопротивление ее продвижению является бессмысленным. В то же время такое сопротивление породит враждебность и полное отчуждение от западных идеалов. Ее (России. — *Авт.*) прогресс очень медленный. Любая попытка нарушить привычные имперские методы экспансии приведет к краху всей ее политики»²⁶.

Резюмируя, Рейнш утверждал, что чем бы не завершилась российская экспансия на Восток, для американцев этот регион все равно останется очень привлекательным, поскольку, в отличие от России, Соединенным Штатам нужен емкий китайский рынок, который в любом случае будет открыт для американских товаров и капиталов, так как и сама Россия в них нуждается. В завершение своего труда Рейнш указывал на имеющийся потенциал для расширения сотрудничества с Россией: «Когда мы понимаем, что наши западные владения находятся в непосредственной близости от новых русских территорий, в то время как другие государства находятся очень далеко, а также то, что Россия нуждается в наших товарах для развития Сибири, соблюдая режим наибольшего благоприятствования для Соединенных Штатов, стоит задуматься о том, что это многообещающее поле для взаимодействия между нашими странами, выгодное нашему государству»²⁷.

Демонизация образа России в США в преддверии и в период Русско-японской войны

По мере роста масштабов и кристаллизации интересов Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, усиления критики царской власти в США и в целом ухудшения восприятия России американцами, в том числе в связи с проводимой самодержавием жесткой внутренней и внешней политикой, тональность американского дискурса по дальневосточной проблематике поменялась на однозначно негативную для Российской империи.

В США очень внимательно следили за событиями, происходившими на Дальнем Востоке в первые годы XX в. В своей статье в журнале *Foreign Affairs* американский историк и журналист Альфред Маурис Лоу²⁸, характеризуя позицию США в связи с действиями России в Маньчжурии, писал о том, что «Соединенные Штаты — тихоокеанская держава, поэтому США не могут оставаться пассивным наблюдателем событий на Дальнем Востоке и должны взять на себя функции международного арбитра в этом регионе. Будучи тихоокеанской державой, Соединенные Штаты не могут быть равнодушными к нарушению политического равновесия, при котором одна из сторон находится в доминирующем положении, по сравнению с другими»²⁹. А. Лоу усматривал закономерность в российской оккупации Маньчжурии, однако отмечал, что такие действия со стороны России идут вразрез с интересами США на Дальнем Востоке. «Россия захватила Маньчжурию

по достаточно объективным политическим и экономическим причинам. Благодаря оккупации Россия усилит свое влияние в Северном Китае и получит порт в Тихом океане с хорошо укрепленной базой в Японском (Желтом. — *Авт.*) море... Такое усиление России напрямую противоречит интересам Соединенных Штатов. Наряду с Великобританией, США являются крупнейшим трейдером в Маньчжурии и, согласно мнению экспертов, торговые обороты будут только увеличиваться, так как данный регион является отличным рынком для избыточного продукта американских хлопчатобумажных фабрик и нефтяных компаний. До тех пор, пока двери, ведущие в Маньчжурию, остаются открытыми для всего мира, Соединенные Штаты на равных условиях могут конкурировать с остальными державами и извлекать прибыль, но если Россия, используя свое доминирующее положение в этом регионе, установит дополнительные тарифы, которые будут дискриминировать иностранных производителей в пользу российских, то США потеряют эти рынки сбыта»³⁰.

Осуждая нерешительные действия европейских государств по противодействию политике Российской империи на Дальнем Востоке, А. Лоу писал о негативном влиянии российской экспансии на страны этого региона, заканчивая свою мысль критикой самой России: «Мы наблюдаем любопытную фазу цивилизации двадцатого века. Россия, будучи наименее цивилизованным и наименее прогрессивным государством из всех современных крупных держав, диктует свои условия на Дальнем Востоке. Россия отстает от развитых стран абсолютно по всем параметрам, за исключением численности вооруженных сил. Есть поговорка — «цивилизация приходит с ружьем», но, например, английская экспансия, помимо ружья, несет и печатный станок, и школьное образование. Завоеванная Англией Индия сейчас является государством, где есть свобода прессы и свобода вероисповедания. США, в свою очередь, несут цивилизацию на Филиппины, где за ружьем так же, как и в случае с Англией, следует школьный учитель. Но можно ли сказать то же самое о России? Чем российская цивилизация лучше китайской? Можно ли ожидать, что Россия предоставит иностранцам те права, которыми не обладают ее собственные граждане? В какой части России можно найти свободную прессу, политические, гражданские или религиозные права? Российская пресса подвергается жесточайшей цензуре, а система образования, посредством которой знания стали бы доступны всему населению, отсутствует. Для крестьян существует один закон, а для чиновников — другой. И эту цивилизацию, из-за трусости и нерешительности западных стран, Россия пытается навязать Китаю!»³¹.

Помимо Fogut, «дальневосточный вопрос» широко освещался в еженедельном американском журнале *The Literary Digest*. На фоне событий в Маньчжурии в этом журнале в 1903 г. вышла редакционная статья под названием *Coolness between Russia and The United States* («Охлаждение отношений между Россией и США»), в которой рассматривалось влияние политики Российской империи на Дальнем Востоке на ее отношения с США. «Дружественные отношения между США и Россией, которые многие еще так дипломатично называют «традиционными», будут вскоре подвергнуты серьезным испытаниям. Будущее этих отношений напрямую зависит от политики России, которую она проводит на Дальнем Востоке. Для США очень важно, чтобы этот регион оставался свободным для американской торговли, однако позиция России в этом вопросе неоднозначная. И несмотря на многочисленные заверения официальных представителей России о предоставлении полной свободы американскому капиталу в Маньчжурии, Соединенным Штатам следует готовиться к худшему варианту развития событий»³².

Таким образом, в преддверии Русско-японской войны в Соединенных Штатах уже сформировался образ России как государства-соперника, чья экспансионистская политика на Дальнем Востоке шла вразрез с американскими интересами. Действия Российской империи по оккупации Маньчжурии вызвали резкую критику и протест в США как на официальном уровне, так и со стороны общественности. В американском публичном

дискуссе усиливались негативные образы России, ее нелицеприятные сравнения с Америкой в духе «прогресс — регресс», «страна свободы — страна несправедливости» и т.п. Это привело к тому, что, хотя Япония первая совершила нападение и тем самым спровоцировала войну, симпатии американского народа и официальных лиц всецело были на ее стороне, а истинным зачинщиком войны в представлениях американцев выступала Россия. Американское общество почти единодушно поддерживало японцев, рассматривая Японию в качестве защитника не только своих собственных интересов, но и интересов всего мира, а Россию — как вероломного агрессора. Впоследствии победа Японии будет оцениваться как триумф принципов западной цивилизации и западной модели развития, а поражение России — как закономерное следствие ее отсталости и упадка.

В связи с началом Русско-японской войны в уже упоминавшемся *Literary Digest* появилась обзорная статья под названием *American Sympathies in a Russo-Japanese War* («Симпатии американцев в Русско-японской войне»), в которой проводился анализ отношения американского общества к этому вооруженному конфликту. «Ни одна из газет США, насколько нам известно, не призывает ни к чему, кроме поддержания нейтралитета США в войне Японии и России, но в то же время, большинство изданий желает победы Японии. Разговор о традиционной исторической дружбе США и России уже не воспринимается всерьез, ее цивилизованность ставится под вопрос, ее правительство осуждается, а торговая политика на Дальнем Востоке представляет угрозу нашим интересам. Отношение к Японии совершенно другое. Американская пресса с гордостью отмечает, что именно американец М.К. Перри открыл Японию для цивилизованного мира, и выражает надежды, что она выстоит, став защитником всей Азии. Большинство уверено, что в случае победы Японии американская торговля в этом регионе будет только расти и процветать, а если победит Россия, то «дверь» на этот рынок быстро закроется»³³.

В феврале 1904 г. в том же журнале была опубликована статья, посвященная в основном описанию «героического» поведения Японии в военном конфликте. «Япония оказалась прижатой к стене, где надо было выбирать либо битву, либо поражение. Поэтому Соединенные Штаты ни в коем случае не могут осуждать японцев за те меры самозащиты, которые они для себя избрали. А когда становится ясно, что основное стремление Японии — заставить Россию соблюдать территориальную целостность и суверенитет Китайской империи в соответствии с международными договоренностями, которых, в свою очередь, придерживаются и Соединенные Штаты, становится понятно, что война Японии — наше общее дело»³⁴.

Позже, в 1904 г. в продолжение темы о симпатиях и предпочтениях американского общества, вышла интересная статья в ежемесячном журнале *Century* под названием *American Sentiment Concerning Russia and Japan* («Настроения американцев в отношении России и Японии»), в которой были подробно рассмотрены причины усиления антироссийских настроений в США. Согласно публикации такие перемены были, в первую очередь, вызваны событиями, которые происходили внутри самой России. «Причины американской антипатии (в отношении России. — *Авт.*) следует искать во внутренней политике самой России. За последние двадцать лет русское правительство сумело настроить против себя большую часть американского населения. Благодаря работам американских исследователей России, американское общество узнало о цензуре, о гонениях против евреев, об отсутствии должного правового регулирования, о деспотической власти и крайней отсталости Российской империи, что самым негативным образом отразилось на общем восприятии России в США. Впоследствии к этому еще добавилось и то, что интересы России на Дальнем Востоке тесно переплетались с интересами Соединенных Штатов, и США рисковали своими торговыми интересами в случае победы России»³⁵.

Дальнейший анализ антироссийских настроений американцев в русско-японском конфликте был предпринят в том же 1904 г. на страницах ежемесячного журнала

The Gunton's Magazine американским историком и журналистом С. Сэмсом в статье *The Interest of Civilization in the Russo-Japanese War* («Интересы цивилизации в Русско-японской войне») ³⁶. Автор публикации, продолжив аргументацию из вышеприведенной статьи в *Century*, писал о том, что впервые в истории большинство христианских стран, если не все, симпатизировали не христианской стране — России, а языческой стране — Японии. «Мы можем наблюдать поразительную аномалию, которая заключается в отношении европейских держав к войне между Японией и Россией. Возможно впервые симпатии христианского мира были направлены не в сторону христианского государства, а в сторону язычников» ³⁷. Сэмс объясняет это тем, что религиозный фактор с течением времени теряет свое значение и на первое место выходят вопросы развития и цивилизованности. «Это произошло, в первую очередь, из-за ее (российской. — *Авт.*) политической недобросовестности и из-за противоречий, которые вызвал ее абсолютизм. Как раз против духа абсолютизма, который проявляется в гонениях против евреев, в нарушении обещания об отводе войск из Маньчжурии, в оскорбительном поведении во время недавних переговоров с Японией, протестует и восстает цивилизованное человечество. Сегодня мы наблюдаем, что именно Азия в лице Японии олицетворяет цивилизацию, просвещение и свободу. Россия же до сих пор сохраняет элементы варварского государства и является единственной великой державой Европы, которая все еще придерживается принципов феодализма и абсолютизма» ³⁸. В заключительной части статьи Сэмс делал вывод о том, что победа Японии будет означать победу всего цивилизованного мира с его принципами и идеалами, и, рано или поздно, приведет к краху абсолютизма в самой России. «Единственные народы, которых русские могут «развить» и «цивилизовать», — дикари северных азиатских степей. Победа России означала бы триумф тех принципов, от которых просвещенная Европа отказалась столетие назад. С другой стороны, победа Японии принесла бы пользу всему миру. Япония, будучи самой прогрессивной и просвещенной страной на Дальнем Востоке, способна распространить принципы и идеалы цивилизованного мира на остальные государства в этом регионе. Она бы не препятствовала развитию международной торговли, и сама бы стала одной из ведущих экономических держав. Поэтому неудивительно, что симпатии американцев в этом конфликте на стороне Японии» ³⁹.

Несмотря на всю критику и неблагоприятные для России сравнения, ряд политиков, дипломатов, исследователей и публицистов все же придерживались более взвешенных оценок России и ее перспектив, хотя, в большинстве, также остро критиковали крайне неэффективный, деспотический самодержавный режим.

Очень важной и показательной в рассматриваемом контексте является позиция тогдашнего президента США Т. Рузвельта, который позитивно оценивал будущее России, но поддерживал Японию из прагматических соображений, одновременно сильно критикуя царскую власть. «Меня многое восхищает в русских, и я верю в будущее славян, им надо только найти верный путь. Но пока жив деспотизм, у русских нет будущего. Японцы — настоящие азиаты, но и они не находятся под властью такого деспотизма, как русские... Цивилизованным людям намного лучше жилось бы в Японии, нежели в России...» ⁴⁰ Славяне — великая нация, но в случае победы японцев не только Россия, но и весь мир встретит новую силу в Восточной Азии... По моему твердому убеждению, Япония будет развиваться сама и будет помогать в развитии Китаю, что со временем превратит обе страны в цивилизованные державы. Но эта цивилизованность, конечно, будет отличаться от нашей... Однако это всего лишь мои мысли. Возможно, будет и другой вариант развития событий, при котором оба государства будут воевать до своего полного истощения, что абсолютно исключит их угрозу в дальнейшем» ⁴¹. Уже после окончания войны, будучи посредником в заключении мирного договора, Рузвельт фактически предлагал скорое падение деспотического режима в России: «Возможно ли вообразить более жалкое зрелище, чем то, которое русский деспотизм нам предоставил? Нелспый Царь —

абсолютный властитель миллионного народа. Не мог вести войну, теперь он не может заключить мир»⁴².

В преддверии переговоров о мире вышла статья Фредерика Райта, известного американского специалиста по Дальнему Востоку и России, в которой он призывал американское общество снять романтическую завесу с образа Японии и попытаться детально проанализировать действия России в этом регионе. Райт писал, что победа Японии не такая очевидная, а поражение России не такое сокрушительное. В результате войны в Японии произошел финансовый кризис, который сильно ударил по экономике государства. Автор также напоминал, что Япония, как и Россия, несла потери, японцы утратили почти весь флот, что требовало огромных ресурсов для его восстановления. Райт указывал и на то, что Япония, отразив удары в своем регионе, была абсолютно не способна продвигаться дальше вглубь России, поэтому о сокрушительной победе говорить не приходится. В свою очередь, Райт обосновывал дальневосточную политику России процессом миграции и хозяйственного развития территорий в данном регионе, а американцам, которые критиковали и винили во всем российский политический режим, Райт предлагал посмотреть на свои собственные проблемы и попытаться понять, что и у США их хватает. Райт обращался к сознательной части американского общества и рекомендовал переосмыслить позицию, где доминировала безудержная критика России, одновременно он призывал американцев поддержать начинающиеся переговоры о мире в Портсмуте⁴³.

Другой исследователь Дальнего Востока Дж.Г. Вильсон попытался подытожить, что американцам дала Русско-японская война: «10 лет назад ни один китаец не мог подумать о том, чтобы возразить что-либо американцам. Любой китаец предпочитал американские товары и американцев другим народам. Китайцы уважали американцев больше чем европейцев... Мне кажется, что так оно и было бы по сей день, не будь уроков, преподанных им Японией»⁴⁴. Вильсон считал, что ослабление позиций США в этом регионе произошло именно из-за того, что американцы в Русско-японской войне отдали свои предпочтения японской стороне.

В продолжение идей Вильсона в журнале *North American Review* были подведены некоторые итоги Русско-японской войны. Касательно России отмечалась тесная взаимосвязь поражения и дальнейших внутривнутриполитических изменений в империи. А Япония, переняв ценности западной цивилизации, окрепла, победила в войне и теперь займется распространением своего влияния на весь дальневосточный регион⁴⁵.

Русско-японская война несомненно стала мощным катализатором радикальных внутривнутриполитических изменений в Российской империи. Война серьезно ослабила страну, тем более она наложилась на тяжелый внутренний аграрный, промышленный и финансовый кризис, и это было на руку США и другим крупнейшим державам, боровшимся за мировое лидерство. В итоге Русско-японская война добавила очень существенный, завершающий компонент в формировавшийся на рубеже XIX–XX вв. демонический образ России в представлениях американцев: на полное неприятие и неприкрытое желание скорейшего падения деспотической царской власти со всеми ее атрибутами наложилось видение России как опасного геополитического соперника, несущего свою отсталость другим народам, которого, соответственно, надо всеми силами ограничивать и стремиться ослабить.

В результате разногласий на Дальнем Востоке в российско-американском обществе возник устойчивый геополитический конфликт, разрушавший бывшие дружественные связи и вышедший на первый план в период острого кризиса двусторонних отношений во время Русско-японской войны. В дальнейшем этот конфликт превратился в перманентную составляющую межгосударственных отношений и представлений о России в американском обществе.

Борьба различных стран за расширение своего влияния и роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, куда сегодня переместился центр экономического роста, продолжает-

ся и в настоящее время, причем не менее интенсивно, чем на рубеже XIX–XX столетий. Современной России необходимо последовательно наращивать политическую и хозяйственную активность на данном направлении. Причем это касается как собственных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые обладают огромным и далеко не полностью раскрытым природно-ресурсным потенциалом, так и отношений с ключевыми странами Тихоокеанской Азии — Китаем, Японией, Южной Кореей, государствами АСЕАН. Непоследовательная, противоречивая внешняя и торговая политика нынешней американской администрации создает определенное «окно возможностей» для улучшения политического и экономического позиционирования России в АТР. Таких возможностей на рубеже XIX–XX веков не было. Выстроив эффективные интеграционные конфигурации в АТР, в том числе в рамках продвигаемого Россией мегапроекта Большого Евразийского партнерства, наша страна гарантирует устойчивость своих геоэкономических и геополитических позиций в мире, независимо от действий США.

1. Тимошина Т.М. Экономическая история России. М.: Информационно-издательский Дом «Филинь», 1999. С. 141.
2. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics // OECD. Paris, 2003. P. 261.
3. Keller W., Li B., Shiue C.H. China's Foreign Trade: Perspectives From the Past 150 Years. Princeton University, University of Colorado and CEPR, 2010. P. 41–42.
4. В 1913 г. против 1900 г. российский экспорт в Китай вырос в 4 раза (16 и 4 млн долл. соответственно), американский — менее чем в 1,5 раза (22 и 15 млн долл.). См.: International Trade Statistics 1900–1960. New York: UN, 1962. 82 p. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/IMTS/Historical%20data%201900–1960.pdf>.
5. Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М.: Высш. школа, 1982. С. 120–121.
6. Крестьянство в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1983. 400 с.
7. Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М.: Госполитиздат. 1950. С. 210.
8. Hine R., Faragher J. The American West. A new interpretive history. New Haven and London: Yale University Press, 2000. P. 202.
9. Эдвин Аугустус Гросвенор (Edwin Augustus Grosvenor) (1845–1936) — американский историк, профессор Амхерстского колледжа. *Grosvenor E.A. Siberia // The National Geographic Magazine. Washington. National Geographic Society, September 1901. Vol. XII, № 9. P. 317–324.*
10. Джордж Кеннан (George Kennan) (1845–1924) — американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и каторжной системе в России, вдохновитель так называемого крестового похода за свободную Россию.
11. Джордж Фредерик Райт (George Frederick Wright) (1838–1921) — американский ученый, геолог, профессор колледжа Оберлин. *Wright G.F. Asiatic Russia. In 2 Vols. New York: McClure, Philips & Co., 1903. 637 p.; Wright G.F. The Russians in Manchuria // The Nation. New York: New York Evening Post Company. Vol. LXXI. From July 1, 1900 to December 31, 1900. Sept. 13, 1900. P. 207–208.*
12. Альберт Еремия Беверидж (Albert Jeremiah Beveridge) (1862–1927) — американский историк, профессор, сенатор от штата Индиана. *Beveridge A.J. The Russian Advance. New York and London: Harper & Brothers Publishers. 1903. 486 p.*
13. *Hill E.J. A Trip Through Siberia // The National Geographic Magazine. Washington: National Geographic Society. February, 1902. Vol. XIII. № 2. P. 53; Beveridge A.J. Op. cit. P. 21, 69, 76, 194, 206, 386.*
14. *Hill E.J. Op. cit.*
15. *Beveridge A.J. Op. cit. P. 35, 41, 74, 187–193.*
16. *Ibid. P. 108–109, 340, 368, 380–381, 391, 395–399, 402–412.*
17. *Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P. 431–432.*
18. *McCarty W.F.M. Russia's plans and purposes // The North American Review. Vol. CLXIV. № 486. New York. 291 Fifth Avenue. May 1897. P. 585–591.*

19. Г. Адамс — Г.К. Лоджу, 4 августа 1891 г. // LHA. Cambridge, 1982. Vol. 3. P. 519.
20. *Foulke W.D. Slav or Saxon. A Study of the Growth and Tendencies of Russian Civilization.* 2nd Ed. New York: G.P. Putnam's sons, 1898. 141 p.
21. Альфред Тайер Мэхэн (Alfred Thayer Mahan) (1840–1914) — американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из родоначальников геополитики. *Mahan A.T. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies.* Boston: Little, Brown and Company, 1905. 223 p.
22. Брукс Адамс (Brooks Adams) (1848–1927) — американский историк, философ и политолог; внук Куинси Адамса; критик капиталистической системы. *Adams B. Russia's Interest in China // The Atlantic Monthly.* Vol. LXXXVI. Boston and New York: Houghton, Mifflin and Company, 1900. P. 309–317; *Adams B. The New Empire.* New York: The Macmillan Company, 1903. 243 p.
23. Пол Самюэль Рейнш (Paul Samuel Reinsch) (1869–1923) — американский политолог, дипломат, доктор философии (1898); один из основателей Американской ассоциации политических наук (1904). *Reinsch P.S. World Politics at the End of the 19th Century, as Influenced by the Oriental Situation.* New York and London, 1900. 366 p.
24. Ibid. P. 211–212.
25. Ibid. P. 220.
26. Ibid. P. 256–257.
27. Ibid. P. 318.
28. Альфред Маурис Лой (Alfred Maurice Low) (1860–1929) — американский историк, журналист. *Low A.M. Foreign Affairs // The Forum.* New York. July 1903 — June 1904. Vol. XXXV. P. 16–34.
29. Ibid. P. 16–17.
30. Ibid.
31. Ibid. P. 33.
32. *Coolness between Russia and The United States / Editorial // The Literary Digest.* Funk & Wagnalls Company. January 1903 — June 1903. Vol. XXVI. P. 764.
33. *American Sympathies in a Russo-Japanese War / Topics of the Day / Editorial // The Literary Digest.* Funk & Wagnalls Company, January 1904 — June 1904. Vol. XXVIII. P. 101.
34. Ibid. P. 207.
35. *American Sentiment Concerning Russia and Japan / Editorial // The Century Illustrated Monthly Magazine.* The Century CO., New York, May 1904 — October 1904. Vol. LXVIII. P. 815–816.
36. Стэнхоуп Сэмс (Stanhope Sams) (1860–1933) — американский историк и журналист. *Sams S. The Interest of Civilization in the Russo-Japanese War // The Gunton's Magazine.* Ed. By George Gunton. Washington. January 1904 — June 1904. Vol. XXVI. P. 441–450.
37. Ibid. P. 441.
38. Ibid. P. 442–443.
39. Ibid. P. 449.
40. T. Roosevelt — C.A. Spring Rice, 13 June, 1904 // *The Letters of Theodore Roosevelt / ed. by E. Morrison.* Vol. IV: The Square Deal, 1903–1905. Harvard University Press, 1951. P. 829, 831–832.
41. T. Roosevelt — C.A. Spring Rice, 19 March, 1904 // Ibid. P. 760.
42. T. Roosevelt — J. Hay, 2 April, 1905 // Ibid., P. 1158.
43. *Wright G.F. The Situation in Manchuria // The Nation.* 1905. Vol. LXXX. From January 1, 1905 to June 30, 1905. New York: New York Evening Post Company, 1905. P. 265–266.
44. Джеймс Харрисон Вилсон (James Harrison Wilson) (1837–1925) — американский военный инженер-топограф, историк. *Questions of the Far East as affected by the peace // LC. MD. James Harrison Wilson Papers.* Box 52. P. 1, 20.
45. *Brooks S. Some Results of the War // The North American Review.* Vol.: CLXXXI. New York: Franklin Square, 1905. P. 588–596.

Освещение в прессе Великобритании, Франции и США политической ситуации в Японии в середине XIX века

© 2019

О.Д. Сандомирская

В статье анализируются публикации западной прессы, посвященные ситуации в Японии в середине XIX в. Особое внимание уделено освещению войны Босин (1868–1869) и начального периода Реставрации Мэйдзи, положившей начало модернизации Японии. Отмечается роль западных газет в формировании общественного мнения в Европе и США по отношению к Японии, знакомстве читателей с ранее малоизвестной восточной страной.

Ключевые слова: Япония, Реставрация Мэйдзи, война Босин, колониальная дипломатия, пресса, Великобритания, США, Франция.

DOI: 10.31857/S013128120005309-0

В середине XIX столетия Япония, как никогда прежде, оказалась в центре внимания прессы ведущих западных держав — Великобритании, США и Франции. В результате многолетней дипломатической борьбы с использованием как мирной, так и военной дипломатии, представителям западных стран удалось прервать самонизоляцию Японии и навязать ей дипломатическое и торгово-экономическое сотрудничество на невыгодных для нее условиях. Договоры 1854–1858 гг., получившие название Ансэйских¹, предоставили США, Великобритании, России, Франции и Голландии возможность активно вмешиваться во внутренние дела Японии. Такая политика иностранных держав вызвала рост националистических настроений: 11 апреля 1863 г. был издан «Указ об изгнании варваров», страна оказалась втянута в ряд вооруженных конфликтов с западными державами и в кровопролитную гражданскую войну, так называемую войну Босин 1868–1869 гг.² Поражение сёгуната Токугава в гражданском противостоянии привело к реставрации власти императора. Этот переломный период в японской истории, получивший название Реставрация Мэйдзи, ознаменовал начало модернизации Японии и ее интеграции в западную систему международных отношений³.

Роль западных дипломатов в тот период неоднократно исследовалась не только в японской, но и зарубежной, в том числе советской, историографии⁴. Однако вопрос о том, как данные события освещались в западной прессе тех лет, начал разрабатываться сравнительно недавно⁵. Между тем такой анализ представляется актуальным, поскольку именно пресса, как наиболее массовый источник информации, формировала общественное мнение в США и Европе относительно событий в Японии. Немаловажно и то обстоятельство, что пресса являлась для западного читателя основным источ-

Сандомирская Ольга Дмитриевна, аспирант кафедры регионоведения ФИЯР МГУ им. М.В. Ломоносова; главный специалист отдела научно-технической информации ФАУ «РОСДОРНИИ». E-mail: Sandomirskaya.olga@gmail.com.

ником новых сведений об этом далеком регионе⁶. Каким же образом в западной прессе освещались события гражданской войны 1868–1869 гг. и начального этапа Реставрации Мэйдзи — события, приведшие к коренному изменению общественно-политической обстановки в Японии?

Для анализа были отобраны материалы шести наиболее влиятельных газет того времени: британские «Таймс» и «Манчестер Гардиан», североамериканские «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Трибьюн», французские «Ля Пресс» и «Газета политических и литературных дебатов» (далее «Газета»). С помощью автоматизированного поиска (в качестве ключевого слова для поиска использовалось слово «Япония» и его производные) по оцифрованным версиям этих изданий было выявлено 11 528 материалов по исследуемой проблеме, опубликованных в 1863–1869 гг., из них в данной статье подробно рассматриваются 34.

В течение рассматриваемого периода наибольшее число публикаций с упоминанием Японии вышло в британской «Таймс», наименьшее — во французских изданиях. Это, вероятно, объясняется тем, что для Великобритании, занимавшей позиции лидирующей колониальной державы, проникновение в Японию было логическим продолжением ее политики в отношении Китая, где она преуспела во время опиумных войн (1839–1860), потеснив Францию и США. Рассматриваемые американские газеты также демонстрировали устойчивый интерес к Японии, однако явно меньший, чем в Британии. Видимо, следует учитывать, что внимание американской публики было в первую очередь приковано к событиям собственной гражданской войны (1861–1865) и ее последствиям.

Говоря о характере публикаций, в которых упоминалась Япония, важно отметить, что лишь малая часть из них представляла собой полноценные статьи и репортажи. Чаще всего о Японии упоминали в колонках, сообщавших курсы обмена валют, а также о маршрутах судов и проведении аукционных торгов. Тем не менее после 1859 г., когда Японию смогли посещать западные журналисты, газеты освещали не только дипломатические переговоры, соглашения и конфликты, вопросы развития торговли, но и давали сведения о природе, климате, хозяйстве, культуре и быте населения. Публикации появлялись довольно регулярно, но с опозданием на несколько месяцев, что было вызвано отсутствием прямой телеграфной связи с Японией.

При анализе отобранных статей и репортажей были выделены два основных вопроса, интересовавших западные державы и их прессу: кто победит в войне между сёгуном и императором и будет ли победитель соблюдать ранее заключенные договоры. Западные дипломаты, в отличие от прессы, понимали особенности государственного строя Японии того времени. Япония была разделена на крупные княжества, во главе которых стояли наследные правители из знатных родов — *даймё*, признававшие власть императора и министра-военачальника — *сёгуна*. Сёгуны, возглавлявшие правительство — *бакуфу*⁷, обладали реальной политической властью, в то время как власть императора была номинальной и носила сакральный характер. Во внешней политике правительство *бакуфу* придерживалось курса самонзоляции страны — *сакоку*⁸.

В начальный период политического противостояния, с 1855 вплоть до 1864 г., западные державы преимущественно сообща действовали против Японии, всячески провоцируя нарастание противоречий в политической элите страны и используя конфликт императора Комэя (1846–1867) с сёгунами Токугава Иэсада (1853–1858) и Токугава Иэмоти (1858–1866) для заключения выгодных для себя соглашений. Однако после поражения княжества Тёсю (бывшего главным оплотом борьбы против иностранного влияния) в вооруженном конфликте в порту Симоносэки⁹ интересы западных держав разделились. В условиях обострившейся борьбы за власть между императорским двором и сёгуном, имевшим поддержку части даймё, Великобритания и США стали поддерживать императора, а Франция — сёгуна. Внешне декларируя нейтралитет в отношении сторон конфликта, западные страны снабжали их оружием и военными советниками. Кроме того,

исследователи отмечали и идеологическое влияние, которое оказывали переводная литература и личный опыт японцев, побывавших за границей и познакомившихся с западными политическими институтами¹⁰.

Своей кульминации это внутривосточное и социальное противостояние, подпитываемое соперничеством между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией — с другой, достигло в 1867 г., когда после смерти императора Комэя трон наследовал его пятнадцатилетний сын Муцухито (Мэйдзи) (1867–1912). 3 февраля 1868 г. был издан «Манифест о реставрации императорской власти», по которому институт сёгуната упразднился, но последний сёгун Токугава Ёсинобу (1867–1868) должен был руководить правительством до реорганизации системы государственного управления. Попытка Токугава Ёсинобу и его сторонников удержать власть не имела успеха, хотя война Босин против оставшихся верными сёгуну княжеств продолжалась до лета 1869 г. 6 апреля 1868 г. была обнародована императорская программа преобразований — «Клятва пяти пунктов», в которой пятым пунктом закреплялся принцип открытости международному сотрудничеству.

Обратимся вначале к тому, как на страницах западной прессы объяснялся раскол в японской политической элите в период гражданской войны. «Нью-Йорк Таймс» видела причины войны в открытии портов для иностранцев¹¹, однако ответственность за нее возлагала на местных князей, которые «сопротивляются цивилизационным процессам»¹². Аналогичную позицию занимала и французская «Газета»¹³, но впоследствии изменила ее, заявив, что ставка первых западных дипломатов на союз с сёгунами была ошибочной. Оправдывая этот промах, «Газета» писала, что в 1854 г. сёгун имел больше власти, чем император, сравнивая последнего с британским монархом¹⁴.

Некоторые издания возлагали ответственность за начало конфликта на молодого императора Мэйдзи. Так, британская «Таймс» характеризовала его как «слабую марионетку»¹⁵. Справедливости ради стоит отметить, что «Таймс» предлагала читателям две точки зрения: сторонников и противников вмешательства во внутренние дела Японии. На позиции невмешательства настаивал, например, адмирал Ш. Осборн (1822–1875), участник Крымской войны и второй «копиумной войны». Он полагал, что задача британского правительства — избегать конфликтов с местными властями¹⁶.

Рассмотрим далее, как пресса освещала ход военных событий. Первое, на что следует обратить внимание, — односторонняя подача информации, поскольку затрагивались лишь вопросы, связанные с интересами западных держав. На газетных страницах японская гражданская война представляла как противостояние приверженцев императора и сёгуна, в крайнем случае, — как борьба сторонников и противников вестернизации. Социальные и экономические противоречия, также способствовавшие возникновению конфликта, опускались¹⁷. Газета «Ля Пресс» разделяла участников противостояния на «князей Севера» — сторонников сёгуна и «князей Юга», поддерживавших императора. Кроме того, газета (без указания источников) утверждала, что северные княжества готовы решить конфликт мирным путем — в судах в Великобритании, Франции или США.

Освещение гражданской войны в Японии по горячим следам событий не представлялось возможным, поскольку новости приходили с большим опозданием. Зато отчетливо видно, насколько сильно журналисты ошибались в своих прогнозах и оценках происходящего. К примеру, корреспондент американской «Трибьюн» характеризовал политическую обстановку в Японии в 1867 г. как благоприятную и возлагал большие надежды на нового сёгуна, а также на то, что нововведения иностранцев (школы, церкви, железная дорога, телеграф, газеты) склонят японцев к взаимовыгодному сотрудничеству. В марте 1867 г. «Трибьюн» поспешила сообщить о победе императора над сёгуном, хотя конфликт только разгорался.

В целом американская «Трибьюн» в меньшей степени, чем остальные газеты, пыталась разобраться в тонкостях японской политики и рапортовала о «полном измене-

нии уклада правления»¹⁸. Только 1868 г. она опубликовала статью, в которой разъяснялось политическое устройство Японии и история данного вопроса, император впервые назывался императором, а сёгун — *тайкуном* (для сравнения: аналогичные статьи в других западных изданиях вышли еще 1854–1855 гг.). В то же время в 1868 г. Япония была включена в статистическую сводку по иммигрантам в Нью-Йорке. Согласно представленным в «Трибьюн» данным, за 1867 г. в город въехали 87 японцев (для сравнения: за тот же год — 117 519 немцев, 65 132 ирландца, 185 русских)¹⁹.

Отметим, что, в отличие от британских и французских газет, американская пресса довольно подробно описывала сами военные столкновения, в частности осаду Хакода-тэ императорскими войсками, отмечаая умелое командование обеих сторон. Статьи «Нью-Йорк Таймс» о ходе гражданской войны и начальном этапе Реставрации Мэйдзи примечательны и тем, что в них впервые появились имена японских даймё и сёгунов, но по-прежнему сохранялась путаница в японских именах собственных, должностях и титулах.

«Нью-Йорк Таймс» в 1869 г. написала об окончании войны *Босин*, сообщив о переезде императорского двора в Эдо и о разрушении «каменной стены, обитой железом», отделявшей Японию от остального мира²⁰. Мятежное государство сёгуна ни разу не было упомянуто этой газетой, но публикации о «продолжающейся войне Японии за прогресс» выходили вплоть до августа 1869 г.²¹

Освещению войны *Босин* французская «Газета» уделяла большое внимание. Новость об упразднении сёгуната была напечатана на первой полосе и сопровождалась аналитическим комментарием. «Газета» сожалела о том, что ряд журналистов призывали к вмешательству в конфликт, чтобы поддержать сёгуна, одновременно превознося политику невмешательства как «якорь надежды современного общества». Выражалось сомнение в верности выдвинутой версии о том, что даймё — это закостенелые феодалы, а сёгун — реформатор, как и в понимании особенностей японской государственности через призму французских реалий XIX в. «Газета» упрекала американцев и британцев в желании нажиться за счет гражданской войны в Японии и призывала своих соотечественников не следовать их примеру²². В последующих публикациях издание выражало сочувствие Японии, называя ее «бедной страной»²³. Она также сообщала о начавшихся преобразованиях и оперативно извещала своих читателей об успехах французской миссии при новом правительстве: получении компенсаций за порчу имущества, наказании виновных в нападении на французских матросов, приглашении французских дипломатов на аудиенцию к императору²⁴.

В «Ля Пресс» также следили за развитием противостояния между императором и сёгуном. Вслед за французским правительством «Ля Пресс» перешла на сторону императора и создавала образ милостивого и прогрессивного монарха. Например, сообщалось о замене смертного приговора сёгуну на его изгнание в родовое княжество Мито. В той же заметке говорилось о намерении создать новую систему государственного управления²⁵. Сёгун, напротив, стал позиционироваться как мятежник²⁶. В конце лета 1869 г. чаще стали печататься новости о мирной жизни в Японии: например, о строительстве больницы в Хёго и разведке угольных шахт²⁷. «Ля Пресс» удостоила Японию упоминанием в разделе «Театральные новости», где сообщалось, что в Японии также есть театры²⁸.

Редакция «Таймс» предпочитала не акцентировать внимание на событиях войны, зато регулярно сообщала читателям о том, как продвигается открытие новых портов для иностранцев. Иногда сообщения звучали двусмысленно: «При открытии порта города Осака 1 января 1868 г. трудностей не возникло. Присутствовали 12 британских, 6 американских и 1 французский военный корабль»²⁹. По традиции «Таймс», за новостью об открытии порта следовал материал о городе, с описанием его местоположения, хозяйственной и культурной жизни. Автор материала лестно отзывался об Осаке, называя город «японским Парижем»³⁰. В другой статье бухта города сравнивалась с пейзажами Женевского озера и сообщалось, что здесь варят лучшее *сакэ* в Японии. Продолжая тему,

автор иронично утверждал, что местные князья пристрастились к светлому пиву и шампанскому, что «дает возможность питать смелые надежды в отношении их полной цивилизованности». Корреспондент не сомневался в перспективности британо-японских отношений, но только в отдаленном будущем, благодаря европейской технике и капиталу. А пока, констатировал он, Великобритания могла получить от Японии лишь немного шелка, древесины, бронзовых и фарфоровых безделушек³¹.

В целом «Таймс» считала гражданскую войну в Японии угрозой развитию ее сотрудничества с западными государствами³². Официальная позиция, обнародованная «Таймс», заключалась в том, что император — сторонник прогресса и связей с западом, а сёгун — изоляции страны³³.

Особое место в публикациях западных газет занимала возможная угроза жизни иностранцев и сохранности их имущества. Именно се западные дипломаты использовали как предлог для обоснования увеличения своего военного присутствия на территории страны. Так, в августе 1869 г. «Нью-Йорк Таймс» отмечала антизападные настроения среди японцев, в связи с чем Великобритания переводила часть кораблей из китайских портов в порты Японии для обеспечения защиты европейских поселений³⁴. Консервативная «Трибьюн», апеллируя не к «цивизованности» японцев, а к военной мощи США, успокаивала читателей, отмечая, что «за последние десять лет японцы видели и слышали слишком много о могуществе западной цивилизации, чтобы попытаться вернуться к изоляционистской политике»³⁵.

Во французской «Газете» японцев обвиняли в «фанатизме» и «промышленной отсталости», но вместе с тем выражали сомнение в том, «так ли уж необходимо присутствие европейцев там, где им настолько не рады»³⁶. «Ля Пресс» беспокоилась о судьбе военных консультантов, направленных Великобританией и Францией ко двору как императора, так и сёгуна. Она объясняла их выдворение из Японии отсутствием денег в японской казне на оплату их услуг, а также возросшим влиянием британского дипломата Г. Паркса (1828–1885)³⁷. Недружественное отношение к Великобритании не мешало этому изданию перепечатывать из «Сан» рассказы об оскорблениях, которым подвергались иностранцы в Японии: например, коляску капитана британского фрегата «Океан» остановили, чтобы пропустить экипаж местного даймё; французский лейтенант получил удар палкой по голове и был оставлен лежать без сознания; голландцу с трудом удалось прогнать троих японцев, пытавших поджечь французское посольство³⁸. В заметке от 13 августа 1869 г. отмечалась «ненависть» местного населения в отношении иностранцев³⁹.

Британская «Таймс» также была обеспокоена судьбой соотечественников в Японии и не преминула сообщить о покушении на голландского министра⁴⁰ и об убийстве двух британских матросов в Нагасаки⁴¹. В апрельском выпуске 1868 г. рассказывалось о нападении на дипломата Г. Паркса во время его визита к императору⁴². Отдельная статья была посвящена атаке на британских, французских и голландских дипломатов во время их визита в Киото 23 марта 1868 г. по приглашению императора. Свидетель событий подробно описал этот инцидент, подчеркивая мужество западных дипломатов и трусость их японской охраны. Задержанный нападавший не имел представления о национальности своих жертв и просил казнить его как можно скорее⁴³.

На фоне этих сообщений выделяются репортажи о визите в Японию второго сына британской королевы Виктории принца Альфреда, герцога Эдинбургского (1844–1900), первого представителя западных монархий, посетившего эту страну. Описывая его прием в сентябре 1869 г., «Нью-Йорк Таймс» подчеркивала уважение, которое проявила к нему японская сторона: окна на верхних этажах домов, расположенных по маршруту следования кортежа, были закрыты, для того чтобы никто не мог смотреть на него «сверху вниз». Как отмечала газета, подобная честь оказывалась только правителям Японии⁴⁴. «Манчестер Гардиан», рассказывая об этом событии, отмечала «сердечный» характер

приема⁴⁵. Несмотря на неофициальный характер визита, для британской стороны он символизировал усиление ее влияния в регионе через установление дружественных отношений с японским императором⁴⁶.

* * *

Представленный обзор западных газетных материалов, посвященных Японии в 1867–1869 гг., позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на довольно поверхностное понимание причин, хода и последствий войны *Босин*, западные журналисты, тем не менее, в целом верно описывали ее основные реалии. Ошибочность в их оценках объяснялась не только культурным и языковым барьером, но также и невозможностью оперативно получать и передавать информацию о происходивших в Японии событиях. При этом важно отметить, что газеты перестали ссылаться на средневековые западноевропейские тексты как на основные источники информации о Японии.

Во-вторых, для отношения западной прессы к Японии и ее политикам, а также простому народу, была характерна та же предвзятость, что и для западных правительств, считавших Японию очередным плацдармом для своих колониальных интересов. Вместе с тем в ряде изданий, таких, как французская «Ля Пресс», можно видеть попытку переосмысления этой концепции в более благоприятном для Японии свете. Эту тенденцию также можно наблюдать уже в начальный период Реставрации Мэйдзи, которая стала восприниматься на Западе как однозначно положительное явление.

В-третьих, стремясь передать «восточный колорит», западная пресса способствовала проникновению ряда японских слов и понятий в массовую культуру стран Запада. Если в начале 1860-х годов в журналистских репортажах они дополнялись разъяснениями и аналогиями, то уже через несколько лет стали использоваться как самостоятельные понятия.

1. Ансэйские договоры получили свое название по девизу правления японского императора Комэя (1854–1860), переводится как «Мирное управление»), при котором были подписаны договоры с США, Голландией, Россией, Великобританией и Францией.
2. Букв. «Война года Дракона» (по восточному летосчислению) — гражданская война между сторонниками сёгуната Токугава и силами, выступавшими за реставрацию власти императора.
3. Верисоцкая Е.В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток, 2005. 333 с.
4. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М.: Изд-во АН СССР; Институт истории, 1956; *Medzini M.* French policy in Japan during the closing years of the Tokugawa regime. Harvard, 1971; *Beasley W.G.* Great Britain and the Opening of Japan, 1834–1858. Kent, 1995; *Hammersmith J.L.* Spoilsmen in a flowery fairyland: the development of the U.S. legation in Japan, 1859–1906. Kent (OH), 1998.
5. Ср.: *Бордаков М.А.* Особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 157–162; *Hall F.* Japan through American eyes: the journal of Francis Hall, Kanagawa and Yokohama, 1859–1866 / Edited and annotated by F.G. Notchelder. Princeton, 1992; *Huffman J.L.* A Yankee in Meiji Japan: the crusading journalist Edward H. House. Lanham; New York: Oxford, 2003; *Munson T.S.* The periodical press in treaty-port Japan: conflicting reports from Yokohama, 1861–1870. Leiden, 2012.
6. Ср.: *Молодяков В.Э.* Образ Японии в Европе и России второй половины XIX — начала XX века. М., 1996. С. 7.
7. *Бакуфу* («палаточный лагерь») изначально обозначало ставку верховного военачальника, затем стало применяться для определения своеобразной формы правления в Японии, фактически военной, и правительства.
8. *Сакоку* — «страна на замке». Политика Японии 1635–1853 гг., основанная на принципе самоизоляции страны, предполагала практически полный отказ от внешнеполитических связей с

- целью предотвратить распространение христианства и не допустить роста влияния западных стран. Начата в 1635 г. изданием «Эдиктов Сакоку».
9. Летом 1863 г., в ответ на обстрел торговых кораблей США, Франции и Голландии, международная коалиция при помощи корабельной артиллерии захватила порт Симоносэки, княжество вынуждено было капитулировать. Инцидент иногда называют «Бомбардировка Симоносэки».
 10. *Nobutaka I.* Western influences on the Meiji Restoration // *Pacific Historical Review*. 1948. Vol. 17. № 1. P. 1–10.
 11. A formidable revolution in Japan // *New-York Times*. 17.02.1868. P. 5.
 12. Revolution in Japan // *New-York Times*. 18.02.1868. P. 4.
 13. Faits divers // *Journal des débats politiques et littéraires*. 01.03.1868. P. 1.
 14. *Journal des débats politiques et littéraires*. 10.08.1868. P. 2.
 15. China // *The Times*. 11.03.1869. P. 4.
 16. Japanese politics // *The Times*. 29.02.1868. P. 5.
 17. *Файнберг Э.Я.* Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954. С. 108.
 18. *The New-York Tribune*. 03.01.1868. P. 4.
 19. *Ibid.* 21.01.1868. P. 1.
 20. The revolution in Japan — Removal of the capital // *New-York Times*. 18.01.1869. P. 4.
 21. *Ibid.* 21.08.1869. P. 1.
 22. France // *Journal des débats politiques et littéraires*. 25.03.1868. P. 1.
 23. *Journal des débats politiques et littéraires*. 25.04.1868. P. 2.
 24. Télégraphie privée // *Journal des débats politiques et littéraires*. 19.05.1868. P. 1.
 25. Japon // *La Presse*. 05.07.1868. P. 1.
 26. Lefèvre C. Chronique Politique // *La Presse*. 07.07.1868. P. 1.
 27. Japon // *La Presse*. 15.08.1869. P. 1.
 28. Nouvelles des théâtres // *La Presse*. 17.10.1869. P. 2.
 29. China and Japan // *The Times*. 25.02.1868. P. 7.
 30. Trade with Japan // *The Times*. 28.02.1868. P. 8.
 31. Money-Market and city intelligence // *The Times*. 20.04.1868. P. 8.
 32. Japan // *The Times*. 06.01.1868. P. 7.
 33. Outrages in Japan // *The Times*. 27.05.1868. P. 10.
 34. Japan // *New-York Times*. 09.08.1869. P. 1.
 35. *The New-York Tribune*. 21.03.1868. P. 4; Japan // *The New-York Tribune*. 22.04.1868. P. 1.
 36. France // *Journal des débats politiques et littéraires*. 23.05.1868. P. 1.
 37. Chronique politique // *La Presse*. 05.06.1869. P. 1–2.
 38. Nouvelles du Jour // *La Presse*. 11.07.1869. P. 2.
 39. Japon // *La Presse*. 13.08.1867. P. 2.
 40. Japon // *The Times*. 20.08.1867. P. 10.
 41. Japon // *The Times*. 14.09.1867. P. 9.
 42. Japan // *The Times*. 30.04.1868. P. 9.
 43. Attack on the English mission in Japan // *The Times*. 20.05.1868. P. 10.
 44. Japanese Affairs // *New-York Times*. 30.10.1869. P. 11.
 45. Summary of News // *The Manchester Guardian* (1828–1900). 27.10.1869. P. 4.
 46. The history of Anglo-Japanese relations, 1600–2000. The political-diplomatic dimension, 1600–1930 / ed. by I. Nish, Kibata Y. Vol. 1. Basingstoke, 2000. P. 135.

ФУ

В

И.М. Майский и советско-японские отношения в 1927–1929 гг.

© 2019

Е.В. Хахалкина, Б.С. Жигалов

В статье рассматривается деятельность известного советского дипломата И.М. Майского, с 1927 г. временного поверенного в делах, затем советника полпредства СССР в Японии. Основным источником для подготовки статьи послужила переписка дипломата, в которой анализируется состояние советско-японских отношений второй половины 1920-х годов, дается характеристика японской внешней политики, прежде всего в Китае. Особый интерес представляют рекомендации И.М. Майского относительно взаимоотношений СССР и Японии в дальневосточном регионе.

Ключевые слова: Майский И.М., советско-японские отношения, Гото Симпэй, Танака Гиити, рыболовная конвенция 1928 г.

DOI: 10.31857/S013128120005310-2

В биографии известного советского дипломата Ивана Михайловича Майского важным этапом явилась работа в Японии, куда он в 1927 г. был направлен из Лондона после разрыва британским правительством отношений с СССР¹. Несмотря на кратковременность пребывания в Японии, эта работа обогатила его новым опытом, вовлекла в обсуждение новых проблем. Сам Майский в одном из писем из Японии отмечал: «Проблемы, с которыми здесь приходится сталкиваться, колоссальны по размаху и крайне интересны по содержанию... Все здесь совсем иначе, чем в Англии»².

Майский оказался в Японии в непростое время. Потерпели поражение революционные выступления в европейских странах, наступила политическая и экономическая стабилизация капитализма на Западе. На Востоке в это же время разгорается национально-освободительная революция в Китае, оказавшая огромное влияние на сопредельные страны и в целом на международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Смещаются акценты во внешней политике СССР. Для советского руководства события на Востоке выходят на первый план. Нарком иностранных дел Чичерин писал в ноябре 1924 г. полпреду в Пекине Карахану: «В теперешних выступлениях наших главных лидеров постоянно подчеркивается, что Восток столь же важен и даже важнее, чем Запад»³. В центре внимания советского руководства, наряду с Китаем, оказывается и японское направление.

Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в январе 1925 г. подписанием в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии⁴. Переговоры были долгими и трудными. Состоялось 77 заседаний представителей обеих держав. Но в Москве справедливо расценили этот акт как большой успех советской внешней политики, наряду с Рапалльским договором с Германией.

Хахалкина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru;

Жигалов Борис Степанович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: kecv394@rambler.ru.

157 - 156

137

Среди многих проблем, возникших в связи с установлением дипотношений с Японией, одной из важных оказалась кадровая проблема. Ее решение было обусловлено рядом факторов. Так, середина 1920-х годов — кульминация борьбы Сталина и его сторонников с оппозицией, завершившаяся ее полным разгромом. Сталин нередко связывал решение кадровых вопросов с судьбой своих политических противников. В августе 1926 г. Каменев был освобожден от должности наркома торговли, и Сталин пишет Молотову, тогда секретарю ЦК: «Каменева думаем в Японию»⁵. Далекая Япония казалась удобным местом для политической ссылки оппозиционеров. 12 августа 1926 г. состоялось решение Политбюро о назначении Каменева полпредом в Токио. Несмотря на отказ Каменева ехать в Японию, Политбюро 4 ноября постановило: «Предложить т. Каменеву ускорить свой отъезд в Токио»⁶.

Но неожиданно вмешалась японцы. Японский посол в Москве Танака Токити заявил Чичерину, что «политическая линия вождя оппозиции не будет совпадать с политической линией советского правительства и тем самым будет лишать его авторитетности»⁷. Таким образом японская сторона давала понять, что агреман Каменеву выдан не будет.

В конечном счете полпредом в Японию в январе 1927 г. был назначен В.С. Довгалевский, переведенный из Швеции. Интересно, что когда летом 1927 г. в связи с его болезнью вновь открылась вакансия в Токио, Сталин написал Молотову: «Троцкого в Японию следовало бы»⁸.

Другим фактором, влиявшим на решение кадровых вопросов в НКИД в те годы, были острые разногласия в руководстве НКИД между Чичериным и Литвиновым. В январе 1928 г. Чичерин писал Сталину «о полнейшей и абсолютной разобщенности между мной и Литвиновым, с которым совместной работы у меня нет, никогда не было, и, конечно, не будет... Решения и шаги Литвинова очень часто остаются мне неизвестными»⁹. Конкурируя друг с другом, Чичерин и Литвинов стремились назначать «своих» людей на посты в аппарате НКИД и за границей.

Весной 1926 г. возник вопрос о назначении советника полпредства в Токио, где полпредом тогда был В. Копп, принадлежавший к сторонникам Литвинова. Среди возможных кандидатур впервые была названа фамилия Майского, работавшего в Лондоне. Кандидатура человека, принадлежавшего к «литвиновцам», вызвала резкие возражения Чичерина. Он писал в Политбюро: «Коллегия НКИД считает т. Майского совершенно неподходящим для должности советника полпредства в Японии. Я убежден, что всякий, близко знакомый с его политической работой, не может с этим не согласиться»¹⁰. Трудно сказать, что было в основе этих утверждений наркома, который совсем недавно принимал Майского на работу в НКИД.

На пост советника в Японию была утверждена «нейтральная» кандидатура Г.В. Беседовского, не принадлежавшего ни к одной группировке в НКИД. Беседовский, ставший вскоре «невозвращенцем», описал нравы тогдашнего НКИД в своих мемуарах, вышедших в 1930 г. в Париже. Инструктируя вновь назначенного советника, Литвинов говорил: «Основная язва нашей дальневосточной политики — это Карахан. Он ничего не смыслит в той работе, которая ему поручена, и стремится из всех сил выслужиться перед этой подозрительной шпаной, Бородиным (представитель Коминтерна в Китае), свалившимся нам на голову прямо из кулис чикагской биржи». И далее: «Я надеюсь, что Копп перед своим отъездом даст вам правильную информацию о положении дел на Дальнем Востоке и что вы будете продолжать его линию». Чичерин, в свою очередь, говорил Беседовскому: «Полпред Копп разошелся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботирует соглашение с Японией, которое развязало бы нам руки в Китае. Копп вскоре будет отозван и вам придется долго просидеть поверенным в делах»¹¹.

Результатом этих личностных интриг и конфликтов стала кадровая чехарда в советском полпредстве в Токио. За первые четыре года после установления в январе 1925 г. советско-японских дипотношений в Токио во главе полпредства сменилось пять человек:

полпреды Копп, Довгалеvский, Трояновский, поверенные в делах Беседовский и Майский. Ни одно советское заграничное учреждение того времени не имело такой «текучки» кадров. Любопытно, что все эти пять человек, возглавлявших полпредство, проработав в Японии год-полтора, дружно просили об отозвании из Японии и переводе на другую работу. Причины этого явления Майский потом объяснит в своих письмах из Японии.

В мае 1927 г., после разрыва Англией отношений с СССР, Майский вернулся из Лондона в Москву. Он знал, что, имея поддержку Литвинова, без работы в системе НКВД не останется. В Японию он не рвался, но в письме жене констатировал: «Япония — самая реальная из перспектив. Дело еще не решено окончательно... Имею много сомнений насчет Японии, самые главные: а) полпред — общий отзыв «милый человек», но политически значительно слабее меня, как-то сложатся при таком соотношении наши отношения; б) климат — влажный и теплый, не все его хорошо переносят»¹². Не ясно, в чем Майский видел «политическую слабость» Довгалеvского, бывшего наркома почт и телеграфа, ставшего еще в 1924 г. полпредом в Швеции.

Майского манил бурлящий Китай. В этот период левые гоминьдановцы и коммунисты создали в Ханькоу свое правительство, на которое в СССР возлагали большие надежды. Даже Сталин в одном из писем Молотову утверждал, что «Ханькоу станет скоро китайской Москвой»¹³. Поэтому неудивительно, что Майский формулирует свое пожелание относительно будущей работы следующим образом: «Я лично предпочел бы быть назначенным советником в Ханькоу». Если вопрос о Ханькоу будет решен отрицательно, «я готов ехать в Токио»¹⁴. Литвинов, более реалистично смотревший на развитие событий в Китае, был против этого намерения Майского. Как известно, правительство в Ханькоу очень скоро прекратило свое существование.

Осенью 1927 г. Довгалеvский, проработавший менее года в Японии, был отозван с поста полпреда по состоянию здоровья. 21 октября 1927 г. Политбюро приняло решение: «Обязать т. Довгалеvского выехать в Москву немедленно по прибытии Майского в Токио»¹⁵.

30 октября 1927 г. Майский прибыл в Токио и в течение двух с половиной месяцев исполнял обязанности поверенного в делах. Проводив Довгалеvского и ознакомившись с делами, Майский в своем первом сообщении в Москву дал оценку состояния советско-японских отношений на тот момент. Он писал, что торжественные проводы официальными властями Японии советского полпреда обнаружили «два основных факта: 1) наличие хороших отношений между японским и советским правительствами, 2) личную популярность т. Довгалеvского в здешних правительственных, дипломатических и общественных кругах». И далее он дает оценку «состоянию политической погоды в данный момент. И оценка эта гласит — ясно. При напряженности наших отношений на Западе такой вывод представляет для нас крупнейшее значение»¹⁶.

В другом письме, адресованном своему другу, полпреду в Польше А.П. Богомолу, Майский подчеркивал: «Официальный мир нами не только не пренебрегает, но отчасти даже перед нами заискивает, ибо мы здесь «дружественная держава», с которой японское правительство сейчас желает поддерживать добрые отношения. Как это странно и непривычно после Англии»¹⁷.

Касаясь перспектив взаимоотношений с Японией, Майский писал: «Насколько прочно нынешнее миролюбие Японии в отношении СССР? Думаю, довольно прочно, конечно, при условии гибкости нашей политики»¹⁸.

Действительно, в истории советско-японских отношений за весь межвоенный период вторая половина 1920-х годов, когда Майский работал в Японии, была самой спокойной. Это признавалось официально. В отчете о работе правительства СССР за 1926–1927 гг. говорилось: «Весь отчетный период был главным образом посвящен заключению тех экономических договоров, которые были предусмотрены Пекинским соглашением»¹⁹.

Во главе японского правительства с апреля 1927 г. по июль 1929 г. находился генерал Танака Гинти, который сохранил за собой посты министра иностранных дел и министра колоний. С его именем связан пресловутый «меморандум», который многие спе-

циалисты считают фальшивкой. Танака бывал в России до революции и знал русский язык. В условиях обострения отношений Японии с США и Англией Танака выступал за сохранение хороших отношений с СССР.

После ухода японских войск из Владивостока и ликвидации ДВР мирные отношения с Японией стали приоритетом дальневосточной политики. Уже в октябре 1922 г. Политбюро постановило: «Дать приказ расстреливать всех, кто сделал бы малейший шаг способный втянуть нас в войну с Японией»²⁰. В последующие годы Политбюро часто обсуждало вопросы отношений с Японией, неизменным был курс на недопущение обострения этих отношений. Так, в феврале 1925 г. Сталин писал Карахану, успешно завершившему переговоры с Японией, о «возможности более тесного сближения с Японией (что очень важно)»²¹. В декабре 1925 г. Политбюро постановило: «Вести линию на то, чтобы вбить клин между Японией, с одной стороны, и Англо-Америкой, с другой, стараясь не портить отношений с Японией». При этом было дано указание советской прессе «не заострять нападки на Японию»²².

Всем советским учреждениям на Дальнем Востоке предписывалось придерживаться «дружелюбного тона» во взаимоотношениях с японскими гражданами. В августе 1926 г. Политбюро приняло «строго секретное» постановление «дать директиву партийным организациям тех районов, где имеются японцы, о необходимости в интересах поддержания дружеских отношений с Японией не допускать проявления враждебности по отношению к ним»²³.

Эти документы свидетельствовали о четко выраженной миролюбивой политике СССР в отношении Японии. Это признавалось и японской стороной. В январе 1927 г., выступая в парламенте, министр иностранных дел Сидэхара подтвердил, что советская политика на Дальнем Востоке «носит миролюбивый характер»²⁴.

Чем же определялся миролюбивый курс японской стороны, в частности правительства Танаки, в отношении СССР? Анализируя эту проблему, Майский приходит к следующему выводу. «Дело в том, что положение самой Японии довольно тяжелое. Международно-политически она сейчас изолирована, в Китае ее влияние слабеет на глазах (даже в Маньчжурии), размеры внешней торговли сокращаются, промышленность рационализируется и также сокращается... В такой обстановке Японии, конечно, не до внешних авантур... Не подлежит сомнению, что инициатором (подчеркнуто Майским.— *Авторы*) нападения на нас Япония сейчас не будет»²⁵.

В другом письме, датированном сентябрем 1928 г., он констатировал: «Япония попала в клещи между американским империализмом и китайским национальным движением, отсюда их нежелание осложнять отношения с нами, по крайней мере, сейчас»²⁶. Но такое положение, считал Майский, не будет продолжаться вечно. «Если мы не используем нынешнее состояние Японии... Япония может поискать себе каких-либо “друзей”»²⁷.

«Мирный» характер советско-японских отношений отнюдь не свидетельствовал, что они были безоблачными. В Токио нередки были антисоветские выходки протипредства и его сотрудников. В газетах в связи с событиями в Китае публиковались антисоветские материалы. В июле 1927 г. Коминтерн принял «Тезисы о Японии», написанные Н.И. Бухариным. В них перед японской компартией (малочисленной и крайне слабой) ставилась задача по свержению власти императора и построению социализма. Это вызвало взрыв антисоветизма, по всей Японии прошла волна арестов коммунистов и сочувствующих. Всего было арестовано 1568 человек²⁸. Полпредство отвечало на провокации протестами, требовало наказания виновных.

Разгул страстей в Японии по этому поводу был настолько силен, что Политбюро приняло специальное постановление, где содержались указания «напечатать в газетах сообщение ТАСС “О провокационных вымыслах японской печати”. В “Известиях” дать замечания в духе того, что японская печать валит с большой головы на здоровую. В “Правде” дать статью с руганью по адресу японской печати и разоблачением ее провокационных выходок»²⁹.

По «наследству» от своих предшественников Майскому досталась проблема ратификации Японией так называемого Бессарабского протокола. Этот протокол был подписан западными державами и Японией в октябре 1920 г. и закреплял права Румынии на захваченную Бессарабию. Протокол вступал в силу после ратификации его всеми подписантами. К 1926 г. лишь Япония не ратифицировала протокол и использовала это как средство давления на СССР. Убедившись в невозможности договориться с японцами и убедить их отказаться от ратификации протокола, Майский сообщал в Москву, что японское правительство и впредь «будет использовать бессарабский вопрос как средство давления на нас»³⁰.

Важной функцией советских дипломатов в Токио было отслеживание японской политики в Китае. Это было очень важно, поскольку именно Япония, утвердившись в Южной Маньчжурии, выступала одним из главных противников китайской революции и соперником СССР в Северной Маньчжурии, где проходила принадлежавшая СССР КВЖД. Постепенно Майский, знакомясь с поступающей информацией, формулирует свое мнение о японской политике в Китае: «Здесь дела обстоят весьма печально. Волна 1926–1927 гг. резко упала...»³¹. Ослабевает влияние на Китай капиталистических держав, прежде всего Японии. Отсюда поворот в китайской политике правительства Танаки в сторону большей агрессивности. В апреле 1928 г. Нанкинское правительство во главе с Чан Кайши начало наступление против северных милитаристов Чжан Цзолиня. В ответ японцы в мае 1928 г. ввели войска в Шаньдун. Было заявлено об «особых правах» Японии в Маньчжурии.

В апреле 1928 г. Майский пишет Д.В. Богомолу: «Ознакомившись ближе с маньчжурскими делами, я пришел к твердому выводу, что Южная Маньчжурия (не Северная) для японского империализма абсолютно необходима (там вложено свыше 1000 миллионов иен)»³². Более обстоятельно японскую политику в Китае Майский характеризует в большой статье, опубликованной в Москве. Он писал: «Только с приходом к власти в апреле 1927 г. кабинета Танаки японский империализм вновь сделал попытку перейти в наступление. Эта политика имеет целью:

- препятствовать созданию устойчивого центрального правительства Китая;
- поддерживать Китай в состоянии внутренней слабости и бессилия;
- поставить себе на службу отдельных милитаристов;
- использовать противоречия между другими империалистическими державами, используя их затруднения в Китае»³³.

По мнению Майского, японские интересы в Китае делились на две группы: японские интересы в Маньчжурии и Восточной Монголии и японские интересы во внутреннем Китае. «Маньчжурские интересы» — это интересы финансового капитала и тяжелой индустрии. Главным орудием японской экспансии здесь выступает концерн ЮМЖД (включавший 1100 км железнодорожных путей, морской порт Дайрен и около 900 млн иен инвестиций). «Внутренне-китайские интересы» — это интересы торговли, мелкой промышленности и судоходства³⁴.

Особое внимание Майский уделял советской политике в Маньчжурии. «Очень беспокоят меня наши маньчжурские дела. Необходимо не игнорировать, а искать соглашения с правителем Маньчжурии Чжан Цзолинем... Маньчжурцы ничуть не хуже и не лучше Чан Кайши. Необходима более гибкая политика... Я отнюдь не смотрю на наши возможности в Маньчжурии пессимистически: если мы сумеем проявить там достаточную гибкость и активность».

В другом письме он отмечал, что в Маньчжурии японцы «в связи с усилением Чжан Цзолиня и ростом нацизма в Мукдене чувствуют себя не очень сладко. Положение очень сложное, но при известной ловкости можно было бы удачно сманеврировать. Вот только сумеем ли мы это сделать?»³⁵. Не сумели!

4 июня 1928 г. поезд Чжан Цзолиня был взорван и правитель Маньчжурии погиб. Долгое время это покушение приписывалось японцам. Но появившиеся после распада СССР документы показали причастность советских секретных служб к этому теракту. Пользы СССР это не принесло. Преемник диктатора, его сын, «молодой маршал»

Чжан Сюэлянь, стал проводить откровенно антисоветскую политику. Он признал Чан Кайши главой центрального правительства Китая и во многом способствовал попытке вооруженного захвата КВЖД, приведшей к военному конфликту в 1929 г.

Но это было в Китае. С Японией сохранялись корректные отношения. Более того, в мае 1928 г. Политбюро приняло решение «считать нецелесообразным предложение об официальном протесте против военных действий Японии в Китае»³⁶. Дело ограничилось лишь газетной кампанией против японской политики в Китае.

В письмах к родным Майский рассказывает о бытовых условиях жизни и работы, впечатлениях от природы Японии и ее населения. В конце декабря 1927 г. он писал отцу: «Живем мы в полпредстве. Имеем хорошенькую квартиру из двух комнат с ванной. Питаемся в очень приличной полпредской столовой... Живется нам в Японии пока неплохо»³⁷. Советская колония в Токио небольшая, около 100 человек (с женами и детьми). Отношения внутри полпредства нормальные. «Склок сейчас никаких нет, хотя раньше были»³⁸. Пока Майского все устраивает в Японии. В марте 1928 г. он пишет отцу: «Вот уже пятый месяц, как мы в Японии. В общем очень интересно и поучительно, особенно для меня. Работы у меня много, но я об этом не жалею»³⁹.

Майскому многое нравилось в Японии. В одном из писем он отмечал: «Сама страна и ее народ очень своеобразны и интересны. Ландшафт в большей части Японии крайне живописен, часто дивно красив, но не могуч, как у нас на Кавказе, а мягок, изящен, почти театрален. Япония скорее похожа на Крым. Население также в высокой степени любопытно. Есть много красивых лиц, особенно женских»⁴⁰.

Но японский климат ему не подошел. «Вот и лето прошло, — пишет он в другом письме, — в иных местах лету радуются, а здесь над ним плакать приходится... Лили беспрерывно дожди, в воздухе была мокрая духота. Нечем было дышать, тело вечно было покрыто жаркой испариной. Вдобавок на всем появляется плесень — на домах, на полах и потолках, на ботинках, на платье, висящем в шкафу, на переплетах книг, даже в постели... Это тебе не Польша и даже не Лондон. В Лондоне что — по сравнению с Японией — благодать»⁴¹.

При активном участии Майского полпредство в Токио осуществило две крупные акции. Первая — это организация гастролей в СССР известного японского театра «Кабуки». Пришлось преодолеть немало трудностей организационного и финансового характера, но гастроль японского театра имела огромный успех. Сотрудники ВОКС сообщали Майскому: «Успех превзошел все наши ожидания!. Требовались наряды милиции у касс, где продавались билеты. Причем каждому выдавалось на руки не более двух билетов»⁴². В своих воспоминаниях об этих гастролях Майский приводит слова известного журналиста М. Кольцова, опубликованные в «Правде»: «С билетами на первые спектакли японского театра произошло нечто вроде массового помешательства». Сам Майский, отмечая политические последствия успеха японских артистов, подчеркивал, что в японской прессе «по отношению к западному соседу начинают проскальзывать новые, более мягкие ноты, отмечаются новые, более теплые веяния»⁴³.

Вторая — организация поездки в Москву ветерана японской политики виконта Гото Симпэй, имевшего в Японии репутацию русофила. Он являлся председателем Общества японо-советской дружбы, был близок премьеру Танака, его предполагаемой поездке в Москву в Японии придавалось большое значение. Считали, что ему удастся добиться завершения вялотекущих переговоров по важному для японцев вопросу — заключению рыболовной конвенции.

Формально Гото не состоял на государственной службе, и его поездка носила неофициальный характер. Но сам Гото уже в Москве говорил Чичерину: «Я говорю как частное лицо и в то же время как не совсем частное лицо»⁴⁴. Гото был небогат, возникла проблема финансирования его поездки. Накануне своего отъезда из Токио Довгалевский писал в НКВД: «Я понимаю ваше нежелание терять время на безрезультатные переговоры с ветераном, но грубо отказывать ему нельзя, к тому же Гото считается в Японии про-

советской фигурой»⁴⁵. Аргументы полпредства возымели действие: 11 ноября 1927 г. Политбюро решило «признать необходимым по политическим соображениям принять Гото в Москве... за счет НКВД»⁴⁶.

Гото находился в Москве с 22 декабря 1927 г. по 21 января 1928 г. Он дважды был принят Сталиным (7 и 14 января), а также главой правительства А.И. Рыковым, вел переговоры с Чичерным и Караханом. Основное внимание на этих переговорах было уделено рыболовной конвенции, условия которой обсуждались уже несколько лет. Кроме того, Гото привез проект учреждения японской сельскохозяйственной концессии в районе оз. Ханка, а также пытался обсудить вопросы советской и японской политики в Китае. Предложенный советской стороной проект договора о ненападении по типу советско-германского договора 1926 г. был им отклонен. Конкретно никаких договоренностей на переговорах не было достигнуто. Но через три дня после отъезда Гото была, наконец, подписана советско-японская рыболовная конвенция на условиях, сформулированных советской стороной. Действие этой конвенции затем продлевалось, и она оставалась в силе до Второй мировой войны.

В январе 1928 г. в Токио прибыл новый полпред А.А. Трояновский, лично знакомый со Сталиным и пользовавшийся его полным доверием. Энергичный и коммуникабельный Трояновский, в отличие от своих предшественников Коппа и Довгалевского, сразу стал заметной фигурой дипломатического корпуса в Токио. Он несколько раз встречался с премьером Танака. Так, в марте 1928 г. Танака пришел «пешком», по его словам, на «блины» к Трояновскому в советское полпредство. Неофициальные переговоры велись несколько часов. Майский присутствовал на этой встрече, но участия в разговоре не принимал.

Постепенно деятельный Трояновский берет на себя решение всех основных вопросов, вставших перед полпредством. Сфера полномочий Майского, как советника, резко сужается. Поэтому меняется тональность писем Майского на родину. Если 8 марта 1928 г. он писал: «Я работаю очень много и в общем доволен своим положением»⁴⁷, то письмо от 10 сентября 1928 г. звучит уже по-другому: «Жить в Японии вообще скучно и томительно: политической работы мало (на двоих не хватает), все мало-мальски важные вопросы решаются в Москве. Спасаясь пока лишь исследовательской работой. Ручковожу кружком японоведения, изучаю сам Японию и Тихий океан»⁴⁸.

Итогом этих исследований явилась публикация нескольких работ под псевдонимом (уже упомянутая журнальная статья: Тайгин И. Японский империализм в Китае. Новый мир. 1928. № 8–9; монографии: Тайгин И. Японские силуэты. М., 1931. и Светлов В. Происхождение капиталистической Японии. М., 1931). Последняя монография была для своего времени серьезным марксистским исследованием истории Японии конца XIX в.

Осенью 1928 г. у Майского окончательно созрело решение покинуть Японию. 8 ноября 1928 г. он официально обратился к Литвинову (не к наркому!) с просьбой об отзыве. В заявлении он написал: «Т. Беседовский перед моим отъездом в Японию предупредил меня, что для двоих, полпреда и советника, в Токио не хватит политической работы... Т. Беседовский был безусловно прав». И далее он формулирует свою просьбу: «Обстоятельства складываются так, что я вынужден просить о скорейшем откомандировании меня из Японии»⁴⁹. Эта просьба мотивировалась ухудшением состояния здоровья жены из-за особенностей японского климата.

Что же в реальности толкало Майского и его коллег на стремление оставить работу в Японии? В своих письмах Майский отчасти разъясняет это.

Первос. Это отстранение полпредства в Токио от решения наиболее важных проблем отношений с Японией. Так, главный предмет советско-японских отношений во второй половине 1920-х годов — заключение рыболовной конвенции — обсуждался и решался в Москве. Полпредство в Токио не имело к этому никакого отношения. Это обижало работников полпредства, снижало их статус в глазах японских должностных лиц. Более жестко это сформулировал Трояновский в «личном» письме на имя Сталина

от 6 декабря 1928 г. (Кстати, вскоре сам Трояновский обратился с просьбой об отзыве его из Японии.) Полпред писал: «Мы здесь работаем в очень тяжелых условиях: во враждебной обстановке, вдали от Москвы с редкой диппочтой... меня очень удивило стремление НКВД все сколько-нибудь серьезные переговоры обязательно вести в Москве. Сюда передаются лишь мелкие кляузные или совершенно безнадежные дела... Если полпред ничем серьезным не занимается, то к нему нет смысла присматриваться. ... Серьезная работа полпреда показатель его авторитета»⁵⁰.

Второе. Это изолированность полпредства от японского общества, отсутствие нормального общения с культурными, политическими, общественными организациями и деятелями. Об этом Майский подробно писал во многих своих письмах. Так, 6 января 1929 г. он сообщает Чичерину: «Основное зло, которое здесь буквально отравляет нам существование и связывает нас по рукам и ногам, это полиция. Полиция отравляет нам жизнь двумя способами. Первый способ — слезка — “за каждым нашим шагом”. Второй — “репрессии ко всем кто пробует войти с нами в контакт”. Япония наших дней глубоко полицейское государство, несомненно, самое полицейское из всех существующих сейчас в мире». «С помощью тщательного надзора за нами и запугивания всех желающих поддерживать отношения с нами полиция создает вокруг нас искусственную пустоту. Мы сидим точно под стеклянным колпаком под перекрестным огнем тысяч чужих взглядов»⁵¹.

Просьба Майского об отзывании из Японии была поддержана Литвиновым, и 10 января 1929 г. Политбюро приняло решение отозвать Майского в распоряжение НКВД.

Суммируя свои впечатления о работе в Японии, Майский накануне отъезда на родину констатировал: «Для нас же, советских дипломатов в Японии, страна эта, вероятно, еще надолго останется весьма тяжелым испытанием»⁵².

Прибыв в Москву, Майский сталкивается с новой ситуацией в НКВД. В одном из писем он констатирует: «Г.В. (Чичерин) серьезно болел... Все еще в Берлине и пока неизвестно, когда вернется. Всеми делами заправляет М.М. (Литвинов)»⁵³. В сложившихся обстоятельствах Майский был уверен в продолжении своей дипломатической карьеры. И действительно, стараниями Литвинова Майский решением Политбюро 11 апреля 1929 г. был назначен полпредом в Финляндию.

Несомненно, это решение советского руководства было обусловлено успешной дипломатической работой Майского в Японии. С этого времени собственно и начинается вхождение И.М. Майского в советскую дипломатическую «элигу» и взлет на дипломатическом поприще в 1930-е, и особенно в начальный период Второй мировой войны в должности посла СССР в Великобритании.

1. О деятельности И.М. Майского написано довольно много, больше, чем о каком-либо другом дипломате. Но в опубликованных исследованиях речь в основном идет о его работе на посту полпреда/посла в Лондоне в 1932–1943 гг. Что было «до» и «после» Лондона остается несосвещенным. Отчасти эти сюжеты рассматриваются в монографии: *Жигалов Б.С. И.М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его Дневника, писем и мемуаров*. Томск, 2014. Ни в опубликованном «Дневнике дипломата», ни в мемуарах Майский ничего не пишет о пребывании в Японии. Единственным источником являются его письма руководителям НКВД, родным и друзьям. См.: *Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами*. М., 2005. Кн. 1. (в дальнейшем: *Переписка...*).
2. *Переписка...* С. 229.
3. *Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923—1926 гг.* М., 2008. С. 360.
4. *Документы внешней политики СССР*. Т. VIII. М.: Госполитиздат, 1963. С. 70–77.
5. *Письма Сталина Молотову. 1925–1936 гг.* М., 1995. С. 76.
6. *Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931 гг.*: в 2 кн. М.: Наука, 2007. Кн. 2. С. 63.

7. Там же.
8. Письма Сталина Молотову... С. 107.
9. Москва — Токио... Кн. 2. С. 226.
10. Там же.
11. *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 167, 173.
12. Переписка... С. 280–281.
13. Письма Сталина Молотову... С. 94.
14. Москва — Токио... Кн. 2. С. 112–114.
15. Там же. С. 176.
16. Переписка... С. 283–284.
17. Там же. С. 292–294.
18. Там же.
19. Документы внешней политики СССР. Т. X. М.: Политиздат, 1965. С. 593.
20. Москва — Токио... Кн. 1. С. 141.
21. *Храмов С.С.* По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 298.
22. Москва — Токио... Кн. 1. С. 699–700.
23. Москва — Токио... Кн. 2. С. 49–50.
24. *Кутаков Л.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 72.
25. Переписка... С. 294–295.
26. Там же. С. 326.
27. Там же. С. 295.
28. *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. М., 2005. С. 288.
29. Москва — Токио... Кн. 2. С. 252.
30. Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 440.
31. Там же. С. 302.
32. Там же.
33. Новый мир. 1928. № 8. С. 164–165.
34. Там же. № 9. С. 229.
35. Переписка... С. 302.
36. Там же. С. 288.
37. Там же.
38. Там же. С. 291. Здесь Майский косвенно подтверждает то, о чем писал Беседовский: «В токийском полпредстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе Янель. Жизнь посольства была совершенно отравлена. Сотрудники глядели друг на друга зверьми, устраивали друг другу гадости, писали доносы». Цит. по: *Беседовский Г.З.* Указ. соч. С. 178. Даже учитывая антисоветизм «невозвращенца», следует признать, что до приезда Майского обстановка в полпредстве была ненормальной.
39. Переписка... С. 297.
40. Там же.
41. Там же. С. 322.
42. Иностранная литература. 1966. № 5. С. 237.
43. Москва — Токио... Кн. 2. С. 195.
44. Там же.
45. *Молодяков В.* Указ. соч. С. 312.
46. Там же. С. 313.
47. Переписка... С. 299.
48. Там же. С. 325.
49. Переписка... С. 326.
50. Москва — Токио... Кн. 2. С. 264–265.
51. Переписка... С. 337–340.
52. Там же. С. 341.
53. Там же. С. 347.

31

В

Конфуцианство как гражданская религия: проблемы и перспективы

72
f

© 2019

М.А. Хаймурзина

Концепция гражданской религии сегодня приобретает значение для китайского социума. Религиозные традиции — ценности, символы, ритуалы, убеждения — связывают всех граждан в единое целое, определяя религиозную составляющую общественной жизни. Гражданская религия в Китае, фундированная конфуцианскими ценностями, призвана дать китайской нации полную общность интересов, чувств и мыслей.

Ключевые слова: конфуцианство, конфуцианская религиозность, гражданская религия.

DOI: 10.31857/S013128120005311-3

Конфуцианство интегрировано в китайскую культуру так, что оно неизбежно является предметом теоретических и эмпирических исследований. Жаркие споры о религиозной стороне конфуцианства уже в прошлом, факт наличия религиозного в конфуцианстве признан многими исследователями. В русле конфуцианских исследований последних лет находятся размышления о том, возможно ли в КНР учредить государственную религию, базирующуюся на конфуцианской традиции, или конфуцианство сможет развиваться в форме гражданской религии. В основе этих дискуссий, с одной стороны, настоящее возрождение конфуцианства, происходящее на фоне ностальгии по маоизму и антиконфуцианских настроений, с другой стороны, неоднозначные отношения политики и традиционной культуры. Тема конфуцианства как гражданской религии имеет комплекс политических, социальных и культурных подтекстов.

Изменение отношения к религии

В Китае изменилось отношение к религии, хотя религиозная политика, основанная на атеизме, в целом сохраняет свои позиции. В течение XX в. китайские интеллектуалы трактовали религию негативно, что явилось следствием знакомства с европейским Просвещением, а позже — воздействия радикального марксизма-ленинизма-маоизма. Европейское Просвещение стало основой антирелигиозных настроений во время «Движения за новую культуру» в 1910-е — 1920-е годы. Позже идеология марксизма-ленинизма

ма-маоизма подавляла религию как реакционную социальную и политическую силу. Ультралевый режим пошел еще дальше в 1966–1979 гг., но эта тенденция, как известно, потерпела крах с приходом к власти Дэн Сяопина. Представителям ряда религий была дана свобода распространять свои убеждения, в религиоведческой науке взяли курс на приобщение к зарубежным немарксистским религиоведческим теориям и преодоление узкого взгляда на религию как сугубо реакционное явление¹.

Жэнь Цзюй (1916–2009)² — один из тех, кто критиковал конфуцианство. В 1964 г. он был выбран Мао Цзэдуном для организации Института мировых религий, чьей миссией было критиковать теизм и громить религию при помощи марксизма-ленинизма-маоизма. После окончания культурной революции Жэнь Цзюй продолжил нападки на конфуцианство как религию, обвиняя его в социальных и политических проблемах Китая. Хотя в его взглядах очевидно влияние марксистской идеологии и наследия культурной революции, тем не менее его концепция конфуцианской религии стала импульсом к переоценке конфуцианского культурного наследия в условиях коммунистического Китая в конце XX — начале XXI в.

Определение Жэнь Цзюем конфуцианства как религии изначально встретило неоднозначную реакцию со стороны большинства религиоведов, философов и историков. Однако в начале XXI в. Ли Шэнь, его ученик, использовал утверждения Жэнь Цзюя в своей двухтомной работе «История конфуцианской религии». Неожиданно, но многие исследователи конфуцианства воспрянули и отозвались на эту публикацию. Вероятно, они ждали возможности высказать недовольство по поводу нападок на конфуцианство. Но их недовольство было сопряжено с уважением к основателю Института мировых религий. Поэтому книга Ли Шэня оказалась хорошей мишенью для критики. В это время интернет-сайт www.confucius2000.com стал важной платформой обсуждения конфуцианства.

На смену верноподданым марксистам и секулярным либералам пришло новое поколение — материковые современные (новые) конфуцианцы³, которые заявили, что конфуцианство должно быть религией наравне с другими мировыми религиями. Кто-то даже пошел дальше, утверждая, что конфуцианство — лучшая религия из-за ее рациональности и гуманистичности, исключающих религиозные войны и экстремизм, которые зачастую становились следствиями религий, основанных на иррациональной вере в трансцендентное. Такие суждения, конечно же, не говорят о высокомерии исследователей, в большей степени — это лишь пример религиоведческого незнания, вызванного атеистическим образованием в Китае во второй половине XX в.

Сегодня термин «религия» в китайской исследовательской литературе обладает ценностным и духовным содержанием. Многие интеллектуалы уже далеко ушли от официальных трактовок религии. Культурологический подход в религиоведении стал ключом ко всем этим изменениям.

Конфуцианство как государственная религия

В конце XX — начале XXI в. в академической науке КНР, в том числе и в рамках материкового современного конфуцианства, были сделаны важные заявления о необходимости возрождения конфуцианства для нравственной реконструкции Китая и недопущения развития либеральной демократии; начали говорить о становлении конфуцианства в качестве государственной религии (*гоцзю*). У материковых конфуцианцев разные позиции относительно данных утверждений, однако большинство, если не говорят о явной необходимости данных инициатив, то указывают на их желательность. Но в силу социального, культурного, политического контекста и представители мягкой позиции «желательности», и представители жесткой позиции «необходимости» далеки от достижения поставленных целей.

Проблемы, связанные с провозглашением конфуцианства в качестве государственной религии.

Во-первых, религиозное измерение в конфуцианстве очень слабо. Сегодня уже признано, что конфуцианству присущи религиозные элементы, многие согласны, что в конфуцианстве есть сверхъестественное (трансцендентное) Небо; трансцендентны также Небесный мандат и Небесный принцип⁴. Однако другие полагают, что эти понятия достаточно зыбкие и связанная с ними сакральность — неуловима⁵. Конфуцианство никогда не было источником духовной истины — *аньизнь лимин*⁶ — для всех, а лишь для небольшого числа интеллектуалов, поскольку тонкая конфуцианская религиозность не была обращена к таким экзистенциальным вопросам, как, например, смерть. Поэтому если конфуцианство и провозгласят государственной религией, то останется главная проблема — формирование конфуцианской сакральности среди населения⁷.

Во-вторых, будет ли государство пропагандировать конфуцианскую религию через государственный аппарат? С одной стороны, форсированная пропаганда веры не может сформировать конфуцианскую религиозность среди населения. С другой стороны, учитывая историю взаимоотношений марксизма и конфуцианства, в ближайшей перспективе — это невозможно. Марксистская идеология пришла в Китай в контексте антитрадиционных и антиконфуцианских настроений, которые сильны и в современном китайском обществе. «Идеология марксизма-ленинизма-маоизма с 1949 г. де факто является государственной религией, и в этой связи, в отличие от становления государственной религии, частичная конфуцианизация КПК — возможна»⁸, а если учитывать связь современных политических лозунгов с конфуцианскими представлениями⁹ — реальна.

В-третьих, становление конфуцианства в качестве государственной религии — опасно для общества. Обращаясь к истории, можно обнаружить, что государственная религия выливается в диктаторство, нарушение прав человека, религиозные и этнические войны. Некоторые представители материкового современного конфуцианства предлагают легкую (умеренную) версию государственной религии, смоделированную по образцу англиканской церкви (например, Цзян Цин¹⁰), где конфуцианство имело бы привилегированную роль. Но это архаично. Отделение государства и религии — новый принцип современных реалий. Сейчас модель «нация — религия» близка к вымиранию среди индустриальных сообществ. Религиозный плюрализм стал неизбежностью в процессе глобализации и индустриализации.

В-четвертых, существует проблема религиозной принадлежности. Если конфуцианство признать в качестве религии, то смогут ли китайские буддисты, даосы и христиане считать себя последователями конфуцианства? Многие считают, что конфуцианство синонимично китайской культуре, это общее культурное наследие для большинства китайцев в Китае и за рубежом. Если окажется, что конфуцианство принадлежит только конфуцианским последователям, то как с ними будут делить общее культурное приверженцы других религий? Конечно же, принципы религиозной свободы дают право конфуцианцам создать свою религию и потребовать государственного признания. В Индонезии, например, конфуцианство — одна из шести официальных религий, однако число ее последователей незначительно. Известны религиозные синкретические группы на Тайване, по сути являющиеся конфуцианскими. Их последователи занимаются изучением конфуцианской классики, которая входит в каноническую литературу этих групп и используется при формировании религиозных ритуалов. В реальности эти синкретические организации (*Игуаньдао*, *Сюаньюаньцзяо*, *Тяньдицзяо*) не зависят друг от друга и не связаны с конфуцианством в целом. Другими словами, провозглашение конфуцианства в качестве религии может вылиться в появление не одной, а нескольких конфуцианских религий. Маловероятно, что кого-то устроит такой сценарий¹¹.

Конфуцианство как гражданская религия

В отличие от идеи государственной религии, более вероятным сегодня является становление в Китае религии гражданской (*гунминь цзунцзяо*), в основе которой будет лежать конфуцианство, поскольку большая часть населения разделяет общее культурное наследие и большинство конфуцианских ценностей. Подчеркнем, что нет гражданской религии без общих ценностей.

Важным наследием традиционного конфуцианства являются символы, принципы и ценности, ставшие уже «привычкой сердца» и формирующие отношение к семье, работе, образованию и другим элементам повседневной жизни, наделяемым особым значением и важностью. Именно в плоскости личной этики и нравственности реально воплощение гражданской религии. Отметим, что идея гражданской религии полностью соотносится с позицией руководящей власти об упрочнении гражданского сознания и усилении государственной идентичности — идентификации каждого, вне зависимости от национальности, в качестве гражданина единого государства¹².

Один из первых в КНР, кто сформулировал определение конфуцианства как гражданской религии, — Чэнь Мин (р. 1962), председатель Центра конфуцианских исследований при Институте мировых религий Академии общественных наук Китая.

Чэнь Мин считает, что конфуцианство является неорганизованной религией. Для нее характерно объединение догм, ритуалов и организации с секулярной социальной жизнью. Ритуалы и догмы в нем не выделены в независимую сферу, как в организованных религиях. Такая религиозная система, не обладающая собственной строгой формой, опирается в своем развитии на общество¹³.

Гражданская религия строится на базе традиционной религии, причем последняя задает ее форму. Гражданская религия, не нуждаясь в сильной структурной опоре, существует в нормах поведения, привычках и моральном сознании людей. В связи с этим конфуцианство в качестве гражданской религии способно решить ряд проблем культурной и политической идентификации, а также психологически важный вопрос *аньшинь лимин*. В конфуцианстве возможно найти ресурсы, которые могут стать ориентирами для всех: в нем есть собственные святые (Яо, Шунь и т.п.), сакральные места (храмы), ритуалы (связанные с поклонением Небу и предкам). Одна из характеристик конфуцианства как религии заключается в том, что в прошлом оно играло связующую роль между правительством и народом. После крушения имперской системы конфуцианство осталось в сфере народных религий; на их основе его и возможно возродить. Чэнь Мин разграничивает понятия гражданской религии и политической теологии, полагая, что первая самостоятельно реализуется в обществе, а вторая — развивается государством. Конфуцианство в качестве гражданской религии будет отличаться от *хоцзяо* или системы, объединяющей политику и религию (*чжэньцзяо хэи*). В такой форме оно сможет конкурировать с демократическим режимом. В то же время конфуцианская гражданская религия обеспечит легитимность политической власти, так как ее символические инструменты неотделимы от власти¹⁴.

Размышляя над тем, зачем Китаю гражданская религия, исследователь пишет: «Почему человека можно рассматривать с религиозной точки зрения? Потому что у человека есть мышление, есть жизнь, есть смерть, перед ним стоят вопросы сакральности и трансцендентности. Человеческой природе присущи универсальные чувства и мышление, священное есть конечное направление мышления. Почему государство можно рассматривать под религиозным углом зрения? Потому что повествование о священном — самый эффективный метод совершенствования ценностных концепций общества. Любая мораль и концептуальное общественное сознание очень важны для общественной поляризации и качества граждан. Общественный капитал такого общества получается из религии или культурной традиции. Действительно, культурная традиция, или традиционная

культура, должна включать мистический нарратив, поскольку отправной точкой культуры является начало жизни вообще, а жизнь начинается с мистического и священного, например, с благоговения перед Небом и следования предкам»¹⁵.

Чэнь Мин считает, что в настоящее время политическая перестройка и воскрешение конфуцианства — это две стороны единого процесса, поскольку потребность политики в символичности по-прежнему существует. Исследователь считает, что современные религиозные проблемы стали проблемами политическими, а политические проблемы, в свою очередь, решаются посредством культурных приемов. Поэтому конфуцианство как гражданская религия — это не просто возрождение культурных ресурсов с целью обеспечения механизма психологической и духовно-нравственной стабильности людей, это реальная социально-политическая потребность общества¹⁶.

Ян Фэнган, профессор социологии религии Университета Пердью в США, отмечает, что попытки сделать конфуцианство государственной религией обречены на провал, поскольку в конфуцианстве нет важных религиозных компонентов. Однако возможно воссоздать конфуцианство в форме гражданской религии, а христианство может стать неотъемлемой частью китайской культуры, обеспечивая идейный и институциональный ресурс для строительства китайской гражданской религии¹⁷.

Многие утверждают, что конфуцианство представляет собой особую форму религии: гуманистическую, мистическую и т.п. Они настаивают, что настоящие дефиниции религии — этноцентричны и исходят из западных стандартов. Действительно, большинство определений религии основаны на христианской модели. Отметим, что для Ян Фэнгана такой подход к религии — не просто западный стандарт, это современный стандарт в целом.

Дефиниция религии необходима. Ян Фэнган дает определение религии, основанное на концепциях Э. Дюркгейма и Э. Тейлора: «Религия — система веры и практики о жизни и мире сверхъестественном, которая связывает верующих или последователей в социальную организацию»¹⁸. В данном определении есть следующие элементы: вера в сверхъестественное; представление о жизни; ритуальные практики; социальная организация верующих. С помощью данного определения¹⁹ профессор классифицирует религиозные феномены и социальные.

Совершенные религии — это религиозные верования, в которых развиты все четыре компонента, полурелигии — это те религии, в которых те или другие элементы (например, система веры или организация) слабо развиты. Ян Фэнган выделяет также квазирелигии. Это такие системы веры, которые, по сути, внедрены в другие институты, не имея автономной организации. Сюда он относит и гражданскую религию, которая неотделима от государства, и культ предков, который неотделим от семьи. Согласно его точке зрения, квазирелигии — это диффузные религии, первичной функцией которых является усиление соответствующего секулярного института²⁰. Когда старое государство, организация (гильдия, семья) рушится, соответствующая квазирелигия тоже приходит в коллапс, и ее остаточные фрагменты сохраняются в фольклоре. Квазирелигиозное конфуцианство претерпело кризис во время упадка династической системы. Кан Ювэй инициировал движение за конфуцианскую религию, которое было связано с монархией. После того как традиционная имперская система была окончательно разрушена, конфуцианская религия тоже исчезла, хотя были остаточные движения вне основных тенденций китайского общества, например, в Гонконге и в Индонезии. Однако слабости конфуцианства как религии, считает Ян Фэнган, для гражданской религии могут оказаться, напротив, преимуществами. Гражданская религия, в отличие от развитой религии, может воплощаться в жизнь через мелкие институты (например, школы) и быть признанной всеми религиями в данном сообществе²¹.

Ян Фэнган подчеркивает, что гражданская религия — это совокупность веры и практики, основанная на прошлом, настоящем и будущем людей или нации, и понимае-

мая в трансцендентальной форме. Гражданская религия исходит от людей, но также связана с властью, поскольку является основой недопущения ошибок политическими лидерами. Она обеспечивает национальную идентификацию, служит основой социальной сплоченности. Гражданская религия укрепляет патриотизм. Анализируя американское общество, Ян Фэнган указывает, что гражданская религия служит не для исключения каких-то конкретных религий, она помещает государство под власть Бога. Подобно США, Китай — многонациональное, многоконфессиональное государство. Сегодня Китаю, как и другим странам, стратегически необходимо культивировать среди населения государственную идентификацию. И в этом смысле гражданская религия могла бы помочь²².

Однако может ли конфуцианство быть гражданской религией без христианства? Согласно точке зрения Ян Фэнгана, — нет. Он глубоко верит, что христианство станет источником реанимации китайской культуры, ресурсом для становления гражданской религии в Китае. Профессор отмечает, что христианство уже получило широкое распространение среди китайцев. Например, в США более 30% китайцев считают себя христианами (включая католицизм и протестантство). В то же время примерно 20% китайцев идентифицируют себя с буддизмом. В КНР на долю протестантизма и католицизма приходится 70 млн верующих²³, и число христиан постоянно растет²⁴.

Сегодня перед конфуцианством стоит вызов, связанный с трансформацией феодальных пережитков. Центральные конфуцианские концепции — *сяо* (сыновняя почтительность) и *чжун* (преданность, верноподанность) нуждаются в современном переосмыслении. Примитивный возврат к прошлому равняется фундаментализму, что вредно для человека и сообщества. После событий «Движения за новую культуру» начала XX в., после того как люди узнали европейские ценности свободы и демократии, они не могут вернуться к имперскому принципу *чжун* (преданность, верноподанность) в его старом значении: «если императору надо, чтобы ты умер, ты должен умереть». «Как много людей согласятся практиковать традиционную *сяо*, запечатленную в романе Ба Цзиня “Семья”?» — задает вопрос Ян Фэнган. Профессор считает, что именно христианство будет способствовать преобразованию конфуцианской этики. Например, конфуцианский принцип «сыновняя почтительность» (*сяошунь*) можно заменить на христианский принцип «уважение к старшим» (*сяоцзин*). Традиционно в конфуцианстве подчеркивается сыновняя почтительность (*сяошунь*). В китайском христианстве существует понятие «уважение к старшим» (*сяоцзин*). Уважать родителей — одна из десяти заповедей, которая известна не только китайцам за рубежом, но и китайцам в Китае. Таким образом, Ян Фэнган говорит не про замену конфуцианского *сяо* чем-то новым. Напротив, он подчеркивает то, что уже есть в китайской культуре — христианский принцип «уважение к старшим» (*сяоцзин*)²⁵.

Подчеркнем, что гражданская религия, которую имеет в виду Ян Фэнган, основывается на христианстве и конфуцианстве. Такая гражданская религия будет сформирована не только для Китая, но и для всей Восточной Азии, Тихоокеанского региона, даже для всех «под Небом». Количество христиан растет в китайских сообществах (сегодня на Тайване около 5% китайских христиан, в Сингапуре — 15%, в Гонконге — 10%, в США — 30%). В США, Канаде, Австралии быстро растет число мигрантов из Восточной Азии. Азиатско-Тихоокеанский регион взаимодействует со всем миром на экономическом, социальном и культурном уровнях. Это взаимодействие, возможно, и породит в будущем глобальную гражданскую религию, основанную на конфуцианстве и христианстве²⁶.

Себастьян Бийу, профессор Парижского университета Дидро, проводит полевые исследования о влиянии конфуцианской культуры на разные сообщества Китая. Он выделяет две большие группы среди своих информантов: первая — объединения людей, открыто идентифицирующих себя с конфуцианством; вторая — общности, продвигающие элементы конфуцианской религиозности.

Первая группа, как указывает С. Бйю, представляет собой небольшие организации, где люди проповедают конфуцианские ценности и изучают конфуцианские тексты. Основной миссией таких организаций является обучение других и распространение конфуцианского учения, что сопряжено с известной конфуцианской моделью «ученик — учитель». В процессе нравственного самосовершенствования учителем может стать любой, кто в процессе духовных поисков познал конфуцианскую истину *аныиэнь лимин* и другие важные конфуцианские принципы. Такие группы являют собой мелкие «конфуцианские клетки», постепенно укореняющиеся в обществе²⁷.

Во вторую группу попадают буддийские сообщества и другие синкретические организации. Например, французским профессором была проведена работа в рамках Луцзянского культурного центра в г. Танчи (пров. Аньхой), созданного в 2005 г. тайваньским буддийским монахом Сюй Ехуном (Xu Yehong), специалистом по буддизму Чистой Земли. В данной организации люди проходят «моральное усовершенствование», живут в течение шести месяцев и соблюдают «основные принципы поведения», сформулированные Сюй Ехуном, а также слушают лекции, например, о сыновней почтительности и отношении к родителям²⁸.

Такие феномены в современном китайском обществе, когда в буддийской организации пропагандируются важнейшие конфуцианские принципы, имеют исторические прецеденты, могут служить для иллюстрации механизмов развития и распространения конфуцианства в обществе. Сегодня этому способствуют многие факторы, в частности, доступ к конфуцианской классике и отсутствие барьеров для воспитания традиционных ценностей.

Конфуцианские элементы присутствуют и в синкретических религиозных организациях в КНР, например, в «Игуаньдао». С. Бйю участвовал в тренингах «сподвижников дао» (этот термин используется для обозначения участников данной организации). Он отмечает влияние на них текстов «Чжун юн» (интерпретированного как «учение об онтологии»), «Да сюе» (интерпретированного как «учение о самосовершенствовании»). Таким образом, конфуцианство формирует основу учения Игуаньдао. Возможно, это объясняется тем, что конфуцианство менее эзотерично и более доступно в сравнении с другими элементами, вплетенными в данную идеологию. Данная организация распространена в КНР среди среднего класса, зачастую среди людей без высшего образования или полного общего среднего образования. Исследователь полагает, что конфуцианство не связано со смыслами, привитыми идеологическим дискурсом маоистской эры, и потому адепты легко «проглатывают» конфуцианские ценности и принципы. Это представляет собой одну из форм реактивации конфуцианской религиозности²⁹.

Сегодня в Китае происходит обращение к традиционной культуре в целом, не только к конфуцианству. Однако масштабы этого обращения ограничены. Сдержанному отношению к конфуцианству в официальном дискурсе есть очевидные исторические причины (изначально КПК основывалась на антитрадиционных позициях, находилась в оппозиции ко всему старому, в том числе и к конфуцианству). Эпизодические ссылки на конфуцианство — от сценографии открытия Олимпийских игр до появления статуи Конфуция на площади Тяньаньмэнь в начале 2011 г., или именовании международной сети институтов культуры и китайского языка за рубежом (они известны как Институты Конфуция) — говорят о потенциале конфуцианства в деле идеологической перестройки страны. Однако в отличие, например, от Тайваня³⁰, в КНР — все неоднозначно и противоречиво. Власть проводит отдельные эксперименты в обществе (например, разрешает открывать конфуцианские школы), а не обращается к конфуцианству в полной мере. Политическое руководство выжидает, оценивая, насколько привьются конфуцианские инициативы. Участие властей в конфуцианских проектах объясняется следующими причинами: локальные экономические интересы (туризм), нужды нравственного и идеологического воспитания (в таких целях используют конфуцианскую интерпретацию «гармонич-

ного общества» для пропаганды жителям в провинциальных городах и пытаются привить конфуцианскую «веру» местным чиновникам), стремление к развитию провинциальных традиций и к противодействию развитию христианства³¹.

Нет очевидных фактов, подытоживает С. Бийу, которые бы демонстрировали явное обращение к конфуцианству. Поэтому ежегодные конфуцианские церемонии в Цюйфу — лишь предмет тематического исследования (case study) противоречивого проекта создания «символического города китайской культуры» в районе Цюйфу — Цзоучэн — Цзюйлуншань³².

В связи с этим, по мнению французского профессора, развитие в КНР конфуцианской гражданской религии сталкивается с рядом проблем. Учитывая историю отношений КПК и конфуцианства, сложно вообразить, что последнее может стать сегодня «культом единения общества». Антиконфуцианские настроения до сих пор очень сильны в Китае. Но настоящий ценностный кризис может сгенерировать потребность в конфуцианских ценностях. Поэтому, с одной стороны, развитие гражданской религии может принести пользу собственно конфуцианству. С другой стороны, если предположить превращение конфуцианской гражданской религии в политический инструмент, тогда, в итоге, это будет абсолютно контрпродуктивно³³.

Формирование гражданской религии в Китае — реально, но проблематично. Гражданская религия связана с вопросом «общей религии», представляющей диффузный набор верований и оценок, которые определяют философский, религиозный и этический универсум народа, его этос (дух). С этой точки зрения, фокус — на человеке, а не на государстве. Существует мнение, что конфуцианство можно развить до статуса «общей религии». Однако сегодня в Китае нет «общей религии», которая бы провозглашала конфуцианскую идентичность, хотя разделяемые большинством китайцев ценности — традиционно конфуцианские. Кроме этого, конфуцианская религиозность не может претворяться в жизнь в рамках профессиональных групп, церквей и т.п. Конфуцианская религиозность может развиваться в малочисленных группах, а потом распространяться в обществе. Такой неформальный путь развития конфуцианской религиозности обуславливает трудность ее распространения. Более того, для С. Бийу очевиден слабый эффект от действий конфуцианского меньшинства; у него возникают сомнения по поводу практического пути будущего развития конфуцианско-ориентированной «общей религии»³⁴.

Тем не менее, указывает С. Бийу, сакральное измерение коллективной идентификации не обязательно является преимущественным для государства, «коммунитарная гражданская религия» тоже возможна. Он полагает, что тонкая конфуцианская религиозность сегодня является ориентиром — ресурсом — не только для конфуцианских организаций, но и для других религиозных групп. Подобная религиозность позволяет легко привлечь людей, даже молодежь. Религиозное возрождение стало реакцией на индивидуализацию китайского общества. Это своего рода встречный поток, позволяющий сформировать разные формы субъективности, которые реактивируют коллективные ценности, выступающие основой развития конфуцианства. В обществе формируется конфуцианский дух, совместимый с другими формами религиозности. Появление этого конфуцианского духа является предпосылкой дальнейшей рефлексии символического выражения коллективного единения. Не исключено, что в дальнейшем этот процесс может стать побочным продуктом политических манипуляций³⁵.

Не претендуя на законченность данной темы исследования и предполагая продолжение научных изысканий в указанном направлении, все же сделаем некоторые выводы.

Концепция гражданской религии, ставшая популярной во второй половине XX в. благодаря американскому социологу Р. Белла, сегодня приобретает свое значение и для китайского социума.

Гражданская религия в Китае, базирующаяся на конфуцианских принципах, должна стать своего рода историческим продуктом нравственно-духовного и социополитического развития.

тического развития китайского общества. Гражданская религия призвана выразить общие убеждения, ценности, символы, ритуалы и определить религиозное измерение общественной жизни, в том числе политической.

Влияние религиозных верований на общественную и политическую сферу огромно, религии представляют собой важный фактор, способный дать народу полную общность интересов, чувств и мыслей. Гражданская религия в Поднебесной способна стать основой консолидации светского общества и породить сильные чувства общенациональной солидарности, духовно мобилизовать всех граждан в рамках единой китайской нации. Гражданская религия в Китае, вероятно, — это то, чего действительно следует ожидать.

1. В рамках «политики открытости» были сформированы идеологические выводы и в отношении религии. Произошли изменения в интерпретации религии, стало возможным системное и специализированное развитие религиоведческой науки. Подробнее см.: *Забияко А.А., Хаймурзина М.А.* Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая пол. XX — начало XXI в.). Статья первая // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал.* 2013. № 2. С. 64–74; *Забияко А.П., Хаймурзина М.А.* Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX — начало XXI в.). Статья вторая // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал.* 2013. № 3. С. 70–88. О формировании и современном состоянии религиоведческой науки КНР см.: *Филонов С.В., Ли Синь.* Формирование и современное состояние китайского религиоведения (об оценках извне и изнутри) // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал.* 2018. № 1. С. 126–143.
2. Жэнь Цзюй известен как философ, историк и религиовед. В 1964 г. им была создана первая в истории КНР академическая научная структура, специализирующаяся в области религиоведения, — Научно-исследовательский институт религий мира при Академии общественных наук Китая. Вплоть до 1985 г. Жэнь Цзюй оставался его директором. Подробнее см.: *Филонов С.В.* Исследования даосизма в Китае: достижения и перспективы // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2012. № 1(33). С. 88; *Филонов С.В., Ли Синь.* Указ. соч.
3. *Хаймурзина М.А.* Развитие современной конфуцианской мысли в XX—XXI в.: периодизация, представители и смысловое содержание терминов // *Россия и Китай: история и культура. Сб. статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции.* Казань: Академия наук РТ, 2017. С. 654–660.
4. См., например: *Забияко А.П., Хаймурзина М.А.* Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев // *Проблемы Дальнего Востока.* 2014. № 1. С. 124–133.
5. *Billioud S.* The revival of Confucianism in the sphere of mores and the reactivation of the civil religion debate in China // *Confucianism, a habit of the heart / ed. by Ph.J. Ivanhoe, Sungmoon Kim.* N.Y., 2016. P. 47–70.
6. Конфуцианская концепция *аньшэнь лимин* предполагает духовное развитие человека в реальной жизни: «препорушение себя небесному Пути», «следование небесному велению» через самоличное «осознание и совершенствование [индивидуальной] природы», следование моральным истинам и нравственное совершенствование. В результате достигается соединение двух сторон — духовного умиротворения и удовлетворения посюсторонней жизнью. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Философский анализ конфуцианской религии в творчестве Лю Шусяня // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2013. № 11. С. 194–196.
7. *Billioud S.* Op. cit. P. 50.
8. *Yang Fenggang.* Confucianism as civil religion // *Confucianism, a habit of the heart / ed. by Ph. J. Ivanhoe, Sungmoon Kim.* N.Y., 2016. P. 30.
9. О связи политических лозунгов с конфуцианством см., например: *Россия — Китай — 2050: стратегия соразвития // Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко.* М.: Институт экономических стратегий, 2006.
10. *Хаймурзина М.А.* Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX — начала XXI в.: дис... канд. филос. наук: 09.00.14. АмГУ. Благовещенск, 2014. 180 с.

11. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 25–46.
12. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Новые тенденции в официальных трактовках религии в КНР // *Религиоведение. Научно-теоретический журнал*. 2017. № 1. С. 49–55.
13. *Чэнь Мин*. Вэньхуа жусюэ: сыбянь юй луньбянь: [Культурное конфуцианство: размышления и споры]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 74.
14. Там же. С. 47–55.
15. Там же. С. 45.
16. Там же. С. 45–49.
17. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 31.
18. Ibid. P. 32.
19. Такое определение религии является характерным для религиоведческой науки КНР. Оно сформировано в рамках теории «четырёх элементов религии» Люй Дацзи. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Интерпретация религиозных оснований конфуцианства...
20. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 35.
21. Ibid. P. 36.
22. Ibid. P. 38–39.
23. Сведения о количестве христиан (католиков и протестантов) существенно разнятся: от 23 до 80 млн верующих. Официальная статистика дает еще более скромные показатели. Подробнее о христианах в Китае см.: *Пелевина О.В.* Христианские общины в современном Китае: типология китайских религиоведов // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 1. С. 151–160.
24. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 40.
25. Ibid.
26. Ibid. P. 43.
27. Это может быть небольшое семейное предприятие, где хозяин/ка — ярый приверженец конфуцианства, желающий привить основные конфуцианские идеи своим сотрудникам — социалистическому поколению, лишенному основных представлений о традиционной культуре. Или это могут быть «маленькие академии» (*шу юань*), такие, как конфуцианская школа Цзян Цина, куда приходят люди разного возраста и для которых конфуцианство становится источником духовного становления и смысла жизни. См.: *Billioud S.* Op. cit. P. 50–51.
28. Ibid. P. 53–54.
29. Ibid. P. 55–56.
30. «Культурная революция» в КНР привела на Тайване к переоценке традиционной культуры и конфуцианских ценностей, включая сыновнюю почтительность и верность государству, а также способствовала возобновлению внимания, в частности, к «трем принципам» Сунь Ятсена. Гоминдановские лидеры обратились к конфуцианской системе *даотун*, которая позволяла проследить древнейшие истоки китайской культуры. Были введены программы, целью которых было внедрение конфуцианских ценностей. Это укрепило легитимность гоминьдановского режима. См.: *Billioud S.* Op. cit. P. 62.
31. Ibid. P. 62.
32. Ibid. P. 53.
33. Ibid. P. 63.
34. Ibid. P. 64.
35. Ibid.

16

Научная жизнь

ФЧ

М

72

Ежегодная научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «40 лет экономических реформ в КНР»

1–2 апреля 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась ежегодная научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «40 лет экономических реформ в КНР», в работе которой приняли участие более 30 ученых и аспирантов ИДВ и аспирантов и магистрантов российских вузов. К обсуждению были представлены 25 докладов, сгруппированных по двум секциям: «Общие проблемы социально-экономического развития КНР» и «Отраслевые и региональные проблемы КНР».

Конференция открылась докладом заместителя директора ИДВ РАН, руководителя Центра социально-экономических исследований Китая (ЦЭСИК) д.э.н., профессора **А.В. Островского** «40 лет экономических реформ в КНР: результаты, проблемы и перспективы», в котором акцентировалось внимание на следующем:

40 лет экономической реформы в Китае показали, что руководство КНР и КПК нашли пути реформирования экономики. 2-я сессия ВСНП 13-го созыва (март 2019 г.) отметила, что «основные целевые задачи социально-экономического развития Китая выполнены успешно». Китай встретил XIX съезд КПК огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. При сравнении результатов социально-экономического развития Китая за этот период с результатами таких стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, при сравнении Китая и Индии, которые в начале 1980-х годов находились на одном уровне, Китай в настоящее время опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской. Уже много лет западные средства массовой информации говорили о трудностях в китайской экономике, прогнозировали распад Китая. На этом фоне становятся особенно заметными не соответствующие реальному положению дел разрабатываемые на Западе «теории о распаде Китая» (*Чжунго бэнкуйлунь*). И как отметил в интервью китайской газете «Хуаньцю шибао» в ходе XIX съезда КПК профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй, «в настоящее время «теория о распаде Китая» потерпела полный распад».

Результаты социально-экономического развития Китая показывают зримые успехи Китая в мире. В то время как мировая экономика периодически попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики. Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли — 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место в мире по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, и китайская валюта — юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду

126-183

с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной. В социально-экономической сфере Китай также добился заметных успехов. Уже большая часть населения — 59,5% превратились в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с 2000 г. — началом XXI века. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах в конце 2018 г. — примерно 4000 юаней в месяц (около 40 тыс. рублей) Китай уже обогнал Россию (примерно 30 тыс. рублей в месяц). Большая часть китайского населения — не только городского, но и сельского, уже охвачена различными системами социального страхования: пенсионного обеспечения, различных форм медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. Таким образом, Китай успешно реализует свою модель экономической реформы, о чем свидетельствуют результаты за 40 лет.

Однако все вышесказанное не означает, что Китай и далее так же успешно будет решать задачи социально-экономического развития. По-прежнему остро стоят три основные проблемы — огромная численность населения, относительная нехватка энергоресурсов и экологическая проблема. По оценкам ряда демографов, в годы 12-й пятилетки доля экономически активного населения начнет постепенно снижаться, Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве, то есть перейти от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики. Только в этом случае в Китае можно будет решить пенсионную проблему и проблему относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий.

Успехи китайской экономики за 40 лет реформ показывают жизнеспособность китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, связанной с большой ролью государственного регулирования и значительным объемом инвестиционных программ для развития страны.

Д.э.н., г.н.с. ЦЭСИК, академик РАЕН проф. Э.П. Пивоварова представила доклад «Роль экономической реформы в достижении поставленных задач модернизации КНР», в котором отметила, что задача избавления страны от бедности и отсталости фигурировала в качестве главной цели социально-экономической стратегии всех поколений китайского руководства. Менялись только средства, с помощью которых Китай пытались сделать могущественной и богатой страной. Уже в самом начале проведения политики реформ и открытости КПК разрабатывает стратегическую цель модернизации Китая. Руководствуясь с 1978 г. принципом «практика — критерий истины», КНР сумела выйти на «передний край реформ» в социалистическом мире и смело поставила целый ряд таких кардинальных вопросов теории социализма, как необходимость развития товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма в формах собственности и распределения. Полученный в результате проведения такой политики социально-экономический успех стал основой для выдвижения цели построить к столетнему юбилею КПК среднезажиточное общество, а к столетию КНР — превратить Китай в модернизированное социалистическое государство.

Большой интерес вызвал доклад д.э.н., г.н.с. Л.Д. Бони «Первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни — установка XIX съезда КПК в действии». Как отметил докладчик, одной из важных проблем, обсуждавшихся на недавней 2-й сессии ВСНП 13-го созыва, стали задачи ближайших двух лет по завершению полного построения общества среднего достатка *сяокан*. Сложная внутренняя экономическая ситуация и глубокие изменения внешней обстановки последнего времени существенно усложнили условия борьбы за достижение критериев полного построения *сяокан*, особенно в деревне. Деревня продолжает оставаться основным «отстающим звеном» в достижении критериев полного *сяокан*. При общем замедлении темпов роста доходов городского и сельского

населения в последние годы быстрее продолжают снижаться темпы роста доходов сельчан, причина чему — низкие темпы прироста двух основных источников дохода в деревне: от заработка на стороне и от хозяйственной деятельности на земле. Соответственно крайне низким остается внутренний спрос деревни (а это 40% всего населения страны), что не обеспечивает прочной основы для стабильного устойчивого роста экономики страны. Нужно наращивать темпы роста аграрной экономики в целом. Указав все звенья отставания и проблемы, сдерживающие выполнение программы полного построения общества *сяо кан* в деревне, руководство страны поставило шесть «жестких задач» («железных задач») преодоления отставания деревни в ближайшие два года (к концу 2020 г.): ликвидация абсолютной бедности в деревне; обеспечение эффективного предложения важнейших видов сельхозпродукции, стабилизация производства зерна; строительство инфраструктуры, преодоление отставания в сфере окружающей среды и общественных услуг в деревне; развитие производства, расширение занятости и каналов роста доходов крестьян; углубление реформ, стимулирование новых движущих сил развития; совершенствование системы управления в деревне (Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1, 2019 г.). Гарантией выполнения поставленных задач должна стать установка на «**первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни**», выдвинутая XIX съездом КПК и поставленная в заглавие Документа ЦК КПК № 1. 2019, которая подтверждает серьезную поддержку государства в четырех сферах: 1) кадры; 2) размещение ресурсов, создание свободного обращения ресурсов между городом и деревней; 3) обеспечение инвестиций; 4) обеспечение сферы общественных услуг в деревне. Особое удовлетворение в этой связи вызывает тот факт, что указанная выше установка «первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни» представляет собой новый долгосрочный стратегический курс руководства страны на реальное переформатирование нынешних неравных отношений между городом и деревней и обеспечение их интеграционного развития.

Д.э.н., г.н.с. Центра политических исследований и прогнозов (ЦПИП) ИДВ РАН Л.И.Кондрашова выступила с докладом «Китай: можно ли говорить о повороте влево».

Д.э.н., г.н.с. ЦЭСИК Л.В.Новоселова в докладе и презентации «Строительство жилья в Китае: потребности и реальность», отметила, что сфера недвижимости является одним из важнейших факторов экономического развития в современном Китае. По оценке китайских специалистов, инвестиции в недвижимость обеспечивают более 10% роста экономики, а их удельный вес в формировании ВВП КНР составляет сегодня примерно 15% против 4% в конце 1990-х годов. При этом особенно стремительный рост наблюдается в строительстве жилья, на долю которого приходится около 15% валовых инвестиций и 15% численности занятых в городах Китая. Не удивительно, что жилищное строительство, прошедшее в последние десятилетия через ряд последовательных глубоких трансформаций, является не только одним из основных драйверов феноменального взлета китайской экономики в XXI веке, но и необходимым условием создания благоприятного фона экономических реформ в стране. Вместе с тем имеются и серьезные недостатки в развитии жилищной сферы, включая опережающий рост цен и крайне низкий уровень доступности жилья, огромные запасы нереализованных площадей и др. Рассмотрение возможных вариантов решения этих проблем явилось задачей предлагаемого доклада.

В докладе и презентации в.н.с., к.э.н. А.В.Афонасьевой рассмотрены китайские бизнес-центры и рынки, крупные, средние и малые китайские компании в России, в том числе компании китайских мигрантов. Автор делает попытку оценить минимальный объем китайского капитала в России. В докладе выдвинут тезис, что китайские компании, в том числе компании китайских мигрантов, станут главными субъектами в строительстве «пояса и пути», если он пройдет через территорию России.

Большой интерес участников заседания вызвал доклад с.н.с. А.Пиковера «Оценка основных тенденций электронной коммерции Китая».

В.н.с., к.э.н. Р.А.Варфаловская выступила с докладом на тему: «Тенденции и проблемы внешнеторговой политики в современный период реформ Китая». Она под-

черкнула, что доля Китая в мировом товарообороте в 2017 г. составила 11,5% (1978–0,75%). Кроме того, с 25 странами достигнуты соглашения о свободной торговле, примерно 30 стран мира проводит переговоры по подписанию или расширению этих соглашений. За период реформ внешнеторговый оборот вырос с 35,5 млрд юаней (5,3 млрд долл.) в 1978 г. до 30,5 трлн юаней (4,6 трлн долл.) в 2018. По величине экспорта услуг Китай занимает 5-е место в мире, по величине импорта услуг 2-е место в мире в 2017 г. Внешнеторговый оборот услугами повысился в Китае с 4,69 млрд долл. в 1982 г. до 695,7 млрд долл. в 2017 (рост в 148 раз). С 2004 г. по настоящее время ЕС и США являются лидерами китайской внешней торговли (соответственно в 2018 году 15% и 14,2%) на страны ОПОП приходится 27%. В 2018 г. товарооборот России и Китая увеличился на 25% до 108 млрд долл. Российский экспорт в Китай превысил импорт впервые с 2006 г. В структуре мировой электронной торговли КНР занимает 3-е место (8%) после США (28%) и Японии (10%).

Аспирант ФГБОУ ВО «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» Цайцюань Чжоу выступила с докладом (содокладчики: к.э.н., доцент И.П. Мамий, ФГБОУ ВО «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова»; д.э.н., доцент Т.Н. Юдина ФГБОУ ВО «Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова») на тему: «Запасы, добыча и потребление нефти и газа в КНР: статистическая оценка». В своем выступлении она отметила, что поскольку нефтяная и газовая промышленность являются основополагающими отраслями экономики страны, то вызывает несомненный интерес со стороны ученых, аналитиков и бизнесменов оценка запасов основных энергетических ресурсов, их объем производства и потребления. Феномен стремительного развития экономики Китая за 40 лет реформ обуславливает необходимость тщательного изучения потоков энергетических ресурсов от их запасов до потребления. В докладе дана оценка запасов основных энергетических ресурсов в Китае за период с 2000 г. по 2018 г., а также определены основные тенденции объемов добычи и потребления таких полезных ископаемых, как сырая нефть и природный газ, за тот же период. На основе проведенного исследования тенденций увеличения объемов добычи и потребления авторами выявлены закономерности роста объемов потребления сырой нефти в Китае, которые в 2018 г. в 2 раза превысили объемы добычи, что привело к значительному увеличению импорта нефти, в том числе и из России. Далее авторы доклада, используя уравнение тренда, осуществляют расчеты для интервального прогноза объемов добычи и потребления нефти и газа на период до 2020 г.

С.н.с., к.э.н. Е.И. Крапина посвятила свое выступление строительству «экологической цивилизации» в Китае. Она обратила внимание на то, что за 40 лет проведения политики реформ и открытости (1978–2018) Китай совершил поворот от разрушения природного базиса к его защите и восстановлению, создав весьма важные предпосылки к поиску путей «устойчивого развития». Взят курс на соблюдение баланса между экономическим развитием и защитой окружающей среды; проведение реформы правовой экологической системы; внедрение «зеленых», стратегических отраслей и разработку новых, более совершенных инновационных технологий; массированный перевод промышленности с Востока на Запад, с обеспечением экологической защиты принимающих территорий. Разработаны и реализованы программы действий по предотвращению и устранению загрязнения атмосферного воздуха, воды и почвы. Необходимым условием «устойчивого развития» является сочетание трех компонентов: «предотвращение загрязнения, восстановление и экологическое строительство».

С.н.с., к.э.н. Н.Н. Коледенкова в своем выступлении отметила, что развитие машиностроительной промышленности за годы экономической реформы (1978–2018 гг.) рассматривалось китайским руководством как важная составная часть стратегии страны в сфере промышленного производства, в которой определены задачи, направленные на превращение Китая в мировую промышленную державу. Слабость отечественной машиностроительной базы на рубеже 70-х, 80-х годов являлась одной из главных причин тех-

нико-экономической отсталости страны. В этих условиях достижение поставленных целей машиностроительной промышленности пришлось решать довольно сложные задачи, которые были направлены на модернизацию отечественной индустрии. Столь успешное ее развитие за 40 лет реформ позволило Китаю занять 4-е место в мире по объему производства машиностроительной продукции, уступая США, Германии и Японии. Основой такого мощного развития китайского машиностроения стало сочетание дешевой рабочей силы, широких мер государственной поддержки, осуществление стратегии скоординированного развития военных и гражданских сфер и внедрение иностранных технологий. Несмотря на это на сегодняшний день только 20% машиностроительной продукции соответствует мировым стандартам. По уровню развития китайское машиностроение уступает промышленно развитым странам по таким показателям, как производительность труда, качество роста и развития.

В.н.с., к.э.н. ЦПИП Е.С. **Баженова** выступила с докладом «Проблемы жизненного уровня и бедности в КНР (итоги 40-летия реформ)», в котором рассмотрела ситуацию в области жизненного уровня населения. Определены основные задачи, поставленные XIX съездом и 5-м пленумом ЦК КПК по улучшению качества жизни населения и элиминированию бедности к 2020 г. Генеральный план, определяющий дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая до 2050 года, был очерчен на XIX съезде КПК в 2017 г. Были приняты решения, как «выиграть три тяжелых битвы»: борьба с бедностью, загрязнением окружающей среды и финансовыми проблемами. Искоренение бедности рассматривается руководством КПК как важная и необходимая часть работы по обеспечению социальной стабильности. Председатель КНР Си Цзиньпин полагает, что при их решении нужно как можно больше использовать новые технологии, в частности обработку больших массивов данных (*big data*). Генеральный секретарь призвал сделать их анализ основой всех проводимых реформ. Эти планы касаются и борьбы с бедностью: ставится задача тщательного учета числа бедных районов, уездов, волостей, деревень, домохозяйств и определения степени бедности, чтобы в первую очередь направить усилия на самые бедные территории и самых бедных людей для оказания им адресной помощи и отслеживания эффективности этой помощи с возложением ответственности на соответствующие структуры местной власти. Приближается знаменательная дата — 2021 год, год столетия основания Компартии. К этой дате Дэн Сяопин планировал построить «общество малого благоденствия, *сяокан*», что в первую очередь означает искоренение бедности. Си Цзиньпин неоднократно заявлял о приверженности этой цели. Особую важность мерам по уничтожению нищеты придает тот факт, что в 2018 г. страна отмечала 40-летие «политики реформ и открытости», с которой начался экономический подъем КНР.

В.н.с., к.ю.н. Центра СВА и ШОС ИДВ РАН, доцент ВАК В.И. **Балакин** выступил с докладом «Перспективы экономического доминирования КНР на континенте Евразии». Как отметил докладчик, после распада биполярного мира резко возросла роль КНР в глобальных и региональных делах, что объективно привело к теоретическим изысканиям в китайских экспертных кругах по таким важным вопросам, как государственные экономические интересы, национальная безопасность, а также геостратегия мировой и региональной торговли. Пекин выработал долгосрочный внешнеполитический курс, суть которого состоит в следующей формуле: «умиротворить Запад, опереться на Север, бороться за Восток и Юг». Считается, что Китай, как государство восточной части Евразии, просто обязан развивать стратегические партнерские отношения с ведущими державами евроазиатского континента. Таковыми руководство КНР рассматривает Германию, Россию и Индию, поскольку только находясь в процессе «самостоятельной» и «совместной» трансформации с ними, Китай способен окончательно стать главной движущей силой изменяющейся мировой системы. Мощный экономический потенциал позволяет Пекину оказывать заметное воздействие на геополитическую ситуацию в Евразии и проводить вполне самостоятельную, без оглядки на своих «стратегических» партнеров, внешнеэкономическую политику.

Магистрант Уральского государственного юридического университета **С.Н. Жилкибаев** выступил с сообщением на тему «“Красный технократ”»: очерк политэкономических идей Чэнь Юня». В докладе описывается биография и политэкономические идеи великого китайского политического деятеля, экономического руководителя и коммуниста Чэнь Юня. Прослеживается принципиальная верность Чэнь Юня марксистской политэкономии, научному коммунизму и пролетарскому интернационализму как в годы маоизма, так и на первом этапе «политики реформ и открытости». В докладе делается упор на большое теоретическое и практическое наследие идей и руководства Чэнь Юня на первом этапе экономических реформ в КНР как реальной альтернативы программ реформ и открытости Дэн Сяопина.

В.н.с., к.полит.н. **П.Б. Каменнов** открыл вторую секцию конференции «Отраслевые и региональные проблемы КНР» докладом «Военно-промышленный комплекс КНР в годы экономических реформ». Как отметил докладчик, в годы экономических реформ осуществлен перевод ВПК на структуру государственных военно-промышленных корпораций, открытых для частного и иностранного капитала и выпускающих как военную, так и гражданскую продукцию. Главной задачей ВПК является обеспечение реализации принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны Китая, которую намечено в основном завершить к 2035 г., а к середине XXI века полностью превратить НОАК в вооруженные силы передового мирового уровня. Одновременно возможности ВПК широко используются в экономическом строительстве — в атомной энергетике, в космической, авиационной, электронной промышленности, судостроении и других высокотехнологичных отраслях. За годы реформ потенциал ВПК существенно возрос и позволяет выпускать вооружения и военную технику во всех секторах военного производства; эта продукция приближается к мировым стандартам качества. Дальнейшее развитие ВПК осуществляется в контексте военно-гражданской интеграции в направлении создания инновационной системы науки и технологий, объединяющей военные и гражданские научно-технологические и производственные ресурсы.

В.н.с., к.э.н. **З.А. Муромцева** в докладе «Реформирование госсектора КНР: к постановке вопроса об общей факторной производительности» прослежены социально-экономические мероприятия руководства КНР в процессе создания современной системы предприятий, касающиеся институционализации технико-технологического, инновационно-информатизационного и финансового развития. Реформирование указанных направлений позволило поставить на XIX съезде КПК (2017 г.) вопрос о необходимости повышения общей факторной производительности. Отмечены болезненные явления в экономической трансформации движущих сил реформы.

В.н.с., к.э.н. **С.Л. Сазонов** выступил с докладом «Инновации в железнодорожном комплексе Китая». Он отметил, что в настоящее время скоростной железнодорожный транспорт входит в число самых передовых отраслей китайской экономики в коммерческом и инновационном плане — в отрасли производится высокотехнологичная и конкурентоспособная на мировом рынке продукция с высоким уровнем добавленной стоимости. Китайские специалисты научных центров разработали ряд инновационных технологических решений и полноценное интеллектуальное обеспечение для управления подвижным составом, позволившие создать самые современные поезда для высокоскоростного движения, которые в будущем смогут перевозить пассажиров в беспилотном режиме.

В.н.с., к.э.н. **В.В. Чуванкова** в докладе «Развитие малого и среднего предпринимательства в КНР в годы экономических реформ: итоги и перспективы» рассмотрела роль малого и среднего предпринимательства в экономическом развитии страны за 40 лет реформенных преобразований. Показан рост численности, экономического и инновационного потенциала частных и индивидуальных предприятий. Выявлено их приоритетное значение в обеспечении сбалансированного и устойчивого развития страны, расширении каналов трудоустройства, повышении уровня жизни населения в новых условиях тормозящей экономики, под давлением внешних вызовов и внутренних трудно-

стей. Прослежены конкретные меры, предпринимаемые китайским руководством для стимулирования и поддержки благоприятной бизнес-среды для средних, малых и микропредприятий, включая целевое сокращение налогов и понижение денежных сборов, упрощение порядка торгово-промышленной регистрации и получения финансовых услуг, снижение порога доступа на внутренний и внешний рынки, повышение инвестиционной активности, поощрение инновационной деятельности, улучшение качества рабочей силы, раскрытие потенциала в сфере потребления и занятости.

Вызвал интерес аудитории доклад в.н.с., к.э.н. М.В. Александровой «Китайский импорт лесной продукции: современные тенденции», в котором рассмотрены основные этапы развития лесного хозяйства КНР. Анализируются причины, повлиявшие на изменение породного состава импортируемого Китая круглого леса. Дан ретроспективный анализ особенностей импорта пиломатериалов с выделением крупнейших стран-экспортеров. Указываются основные причины резкого увеличения объема импорта пиловочника в последнюю пятилетку. Исследованы перспективы экспорта российского лесопромышленного комплекса на китайский рынок. Автор отмечает, что в настоящее время наблюдается постепенное расширение географии использования российской древесины в КНР: ранее российский круглый лес использовался лишь на северо-востоке, в северной, западной частях Китая, а также на востоке вдоль морского побережья, а в настоящее время российские лесные ресурсы получили распространение в центральной части и на юго-западе страны. Расширяется сфера применения российской древесины и пиломатериалов. Ранее они использовались только в качестве расходного строительного материала в низкоценовом сегменте рынка. В настоящее время из них изготавливают мебель, включая изделия для детей.

Научный сотрудник ЦЭСИК Т.Г. Терентьева осветила тему «Итоги развития стратегии «выхода за рубеж»: региональный аспект». Как отметил докладчик, после вступления в ВТО (2001 г.) Китай активно стал наращивать объемы прямых инвестиций за рубежом. Так, за 2002–2017 гг. их объем увеличился с 2,7 до 158,3 млрд долл., что позволило стране значительно улучшить свои позиции среди крупнейших инвесторов в мире. Если в 2002 г. Китай занимал по объему прямых инвестиций 26-е место, то в 2017 г. — уже 2-е, после США и Японии. Главной региональной особенностью Китая в экспорте прямых инвестиций является высокий удельный вес офшорных зон и территорий, предоставляющих значительные налоговые льготы, таких, как Гонконг, Каймановы острова, Британские Виргинские острова. Трендом последних лет является заинтересованность Китая в совершении сделок с компаниями европейских стран и США.

Аспирант ЦЭСИК Е.О. Заклязьминская в докладе «Цели и задачи административной реформы в туризме Китая: первые результаты и новые вызовы после объединения ведомств культуры и туризма» отметила, что согласно предложению, выдвинутому на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва в марте 2018 г. было основано Министерство культуры и туризма, задачей которого стало объединение работы в этой сфере. По мнению докладчика, интеграция двух ведомств — логичное завершение сорокалетнего строительства туристической отрасли. На современном этапе в целях стабильного роста туристической отрасли, обеспечения равновесия платежного баланса и увеличения доли отрасли в народном хозяйстве необходимо использовать не только экономические рычаги, но также осуществлять активное маркетинговое продвижение, вести работу в туристической дипломатии, наращивать «мягкую силу», интегрировать все материальное и нематериальное наследие страны в единую сеть.

Аспирант ЦЭСИК Чэнь Сяо представила доклад «Высокоскоростные автомобильные магистрали и экономика Китая», в котором отметила, что стремительный экономический рост Китая в последние десятилетия в значительной мере был обеспечен масштабными капиталовложениями в развитие и модернизацию автодорожной сети страны, стимулирующей пространственное и экономическое развитие КНР, способствующей укреплению связанности и целостности ее территории, а также международного влияния. Развитая сеть высокоскоростных магистралей ускоряет транспортную доступность, активизи-

рует внутренний спрос и превращается в новую стратегическую отрасль китайской промышленности, содействуя развитию смежных высокотехнологичных производств. Высокоскоростные автомобильные магистрали «сжимают» обширное пространство Китая, способствуя превращению его территориальной структуры в более надежную и доступную. Эти магистрали, которые стали свидетельством инновационной зрелости китайской науки и промышленности, связывают все крупнейшие мегалополисы и административные центры провинций Китая и содействуют поступательному экономическому развитию

В.н.с., к.э.н. М.В. Александрова и магистрант кафедры экономики и экономгеографии ИСАА МГУ О.А. Тутаева, выступили с докладом «Особенности развития Экономического пояса реки Янцзы». Они отметили, что Экономический пояс реки Янцзы (ЭПРЯ) является одной из точек роста современной промышленности КНР. Формирование ЭПРЯ стало ответом КПК и Госсовета на «новую нормальность» развития китайской экономики. В сентябре 2014 г. Госсовет КНР опубликовал «Руководящие принципы Госсовета КНР по продвижению развития Экономического пояса реки Янцзы (ЭПРЯ)», обозначив планы по превращению ЭПРЯ в экономический пояс, оказывающий влияние на весь мир, пояс скоординированного развития сотрудничества между восточным, центральным и западным регионами страны, пояс внутренней и внешней открытости, а также передовой пояс строительства эко-цивилизации. Особо подчеркнули, что несмотря на мощный экономический потенциал этого региона, в настоящее время он сталкивается со многими трудностями и проблемами, которые требуют решения: плачевная экологическая обстановка, значительные диспропорции в региональном развитии, трудная задача перепрофилирования и модернизации промышленности, несовершенство региональных механизмов сотрудничества и др. В докладе отражены ключевые события в развитии Экономического пояса реки Янцзы, современное состояние экономики.

В докладе аспиранта ЦЭСИК О.А. Герасимовой «Политика реформ и открытости как фундамент развития нанотехнологий КНР» рассматриваются этапы становления нанотехнологической базы КНР и перспективы развития. Китай, как быстроразвивающийся регион, раньше всех в мире стал развивать нано науку и нанотехнологии и добился больших успехов. Именно Китай сделал ряд открытий в изучении наноматериалов в смежных исследованиях. Углеродные нанотрубки, наноматериалы и детекция отдельных молекул — наиболее показательные достижения КНР в области нанотехнологий. Слияние фундаментальных исследований с прикладными совместно с высокими ожиданиями потенциальных возможностей нанотехнологий является главной особенностью развития этой отрасли в Китае.

Сотрудник Центра информации и научной документации с.н.с., к.и.н. К.К. Меркулов выступил с докладом на тему «О некоторых особенностях развития системы «зелёной экономики», биоэкономики и «зелёных финансов» в КНР: краткий обзор с точки зрения интересов России».

Два дня работы конференции были наполнены содержательными докладами. Выступления продемонстрировали высокий научный уровень. Следует при этом отметить наличие особого внимания научного сообщества к новым проблемам социально-экономического развития КНР. Многие доклады вызвали большой интерес аудитории, о чем свидетельствуют многочисленные вопросы и дискуссии.

Рецензии

16

Китай и развивающийся мир: диалектика отношений (Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки. М.: ИД «Форум», 2018. 336 с. ISBN 978-5-8199-0771-9)

Отношения Китая со странами развивающегося мира (РМ) являются важной гранью современной геоэкономики и геополитики. Выстраивание архитектуры этих отношений во многом будет определять грядущий мировой порядок. И Китай, полностью осознавая это обстоятельство, интенсифицирует свои усилия по политико-экономическому «внедрению» в РМ.

Процесс наращивания сотрудничества КНР с развивающимся миром имеет свою специфику, он весьма подвижен и отзывчив на события мировой жизни. Именно поэтому новая монография ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Е.И. Сафроновой, посвященная взаимоотношениям Китая с РМ, в частности Африкой и Латинской Америкой, читается с таким интересом.

Основными задачами работы являются рассмотрение концептуальной базы отношений Китая с РМ (на примере стран Африки и Латинской Америки) со времени образования Китайской Народной Республики и до сентября 2017 г., а также анализ актуального состояния взаимосвязей по линии «Китай — развивающиеся страны». Особое внимание в монографии уделяется новым моментам этих контактов: проблематике китайской инициативы «Один пояс, один путь» в аспекте государств Африки и Латинской Америки, а также концепту и практике «мягкой силы» КНР в указанных регионах.

Это не значит, что вопросы политического и конкретно-экономического сотрудничества сторон выпали из внимания автора. Они также получили рассмотрение, но в фоновом режиме, как иллюстрация и фактологическая опора основных тем работы. Кроме того, там, где это было целесообразно, затрагивались во-

просы отношений КНР и с другими регионами развивающегося мира.

Новизна монографического исследования Е.И. Сафроновой (и закономерно определяемый этим читательский интерес) обусловлены и тем, что автор прослеживает те вопросы контактов «Китай — развивающийся мир», которые еще не получили должного целевого рассмотрения в отечественном востоковедении, включая не только эволюцию теоретической базы отношений Китая и развивающегося мира со времени образования КНР до наших дней, но и взгляд Китая на современное состояние и значение проблематики «Юг — Юг» и «Север — Юг».

В Главе I книги представлен авторский подход и к трактовке, и к явлению «развивающийся мир» (РМ). В целом автор исходит из того, что под РМ следует понимать совокупность субъектов международных отношений, обладающую рядом характеристик, свойственных только ей, что и делает ее целостным «миром». Автор подчеркивает, что РМ — это те страны Земли, которые наиболее остро подвержены воздействию единых для них внешних обстоятельств и которые реагируют на это воздействие сходным образом. Автор предлагает анализ этих характеристик, выполненный с учетом уже существующих научных наработок, но с привнесением собственных уточнений и нюансировки (с. 22), выдвигая в своей книге и новые, политологически удачные по форме и по сути термины. Например, в Главе I это «развитость резервного уровня», который автор детально объясняет, предлагая свой взгляд на ее критерии и таким образом возводя термин в ранг концепта.

В Главе II работы рассматриваются этапы и процессы развития политико-экономи-

ческих контактов КНР с развивающимся миром как особым субъектом международных отношений и через это прослеживается логика эволюции самого Китая от страны «третьего мира» до авторитетного члена мирового сообщества. Обширный раздел Главы посвящен тематике отношений «Север — Юг» и «Юг — Юг» в свете обоснования интересов Китая по линии этих дихотомий. Интересна позиция автора, исходящая из того, что дихотомия «Юг — Север» отражает не конъюнктурно продекларированное, а реально существующее противостояние, обусловленное разницей между уровнем материального развития «золотого миллиарда» и экономическим положением почти всего остального человечества. Объединение же стран мира под номинацией «Юг» дает им возможность решать проблемы на коллективном уровне, а не в одиночку, и быть услышанными на международном уровне.

Глава III посвящена анализу концептуальной базы отношений Китая со странами РМ, включая вопрос обоснованности *статуса* КНР как развивающейся страны, ибо именно он во многом определял и определяет специфику позиций Китая не только среди развивающихся стран, но и в мире в целом. Здесь автор убедительно аргументирует положение, что сама логика событий, пережитых страной, обусловила ее линию на членство в развивающемся мире, принятое на себя на заре КНР и официально подтверждаемое в наши дни. Также автор подчеркивает, что по-прежнему называя себя развивающейся страной или государством «Юга», Китай обосновывает свое участие в мировой жизни по обеим координатам — и «Север — Юг», и «Юг — Юг», не ограничиваясь одним «Востоком» или даже «Севером» (если учесть периодическое участие КНР в работе G7). В силу этого «замах» международного присутствия КНР оказывается более широким, нежели у любого другого государства.

При этом объективный подход автора к международным реалиям приводит его к закономерному заключению: экономический успех Китая не мог не повлиять на особенности его внешнеполитического поведения даже в среде РМ. В силу этого дипломатия КНР, несомненно, переходит от дипломатии «с оглядкой» на великие державы к дипломатии именно великой державы (с. 144). Китай не отрицает свой статус державы «ответственной». На XIX съезде КПК была поставлена задача в течение ближайших десятилетий превратить КНР в авторитетнейшее государство мира. По сути, такой дуализм перспективного статуса и текуще-

го поведения КНР дает ей простор для широко политического маневра. Там, где Китай силен, он действует в стиле влиятельной развитой страны, а там, где он еще не добрал международного «веса» или не хочет брать на себя широкую ответственность, он предпочитает именовать себя развивающимся государством (с. 303).

Особый интерес вызывает Глава IV — «Инициатива «Один пояс, один путь» и страны Африки и Латинской Америки», поскольку в ней подробно изучается актуальное состояние сотрудничества КНР с указанными развивающимися регионами не только в практическом контексте проекта «Нового Шелкового пути», но и на уровне его политической надстройки. Пекин предпринимает особо активные шаги по экстраполяции «Большого проекта» на Африку и Латинскую Америку, в частности и потому, что в случае успеха в этих регионах Инициатива ОПОП обретет уже не межрегиональный и/или трансконтинентальный, а именно глобальный масштаб.

В Главе также характеризуются политические и экономические сложности и риски, с которыми сталкиваются Китай и его партнеры в аспекте проекта «Пояс и путь». Автор приходит к выводу, что КНР, обладающая высокой адаптивностью к рискованным условиям работы, имеет немалые шансы провести корабль «Большого проекта» между рифами непростой конъюнктуры развивающегося мира. Вплетение развивающихся стран в сеть Инициативы укрепит их привязку к экономике Китая там, где она уже есть, и создаст ее наново для пока невовлеченных акторов. Таким образом, тезис о хозяйственной взаимодополняемости КНР и развивающихся стран получит новое наполнение.

Е.И. Сафронова усматривает объективную подоплеку сложностей партнерства по линии ОПОП, подчеркивая, что «если какая-либо страна предпринимает за рубежом масштабные инициативы, то их реализация никогда не идет абсолютно гладко, без того, чтобы не задеть чьи-либо интересы и не потревожить конкурентов. Иначе просто не может быть. Главное — это весомость результатов, чего Китай, несомненно, достигает» (с. 208–209).

Автор небезосновательно утверждает, что развивающийся мир не просто нашел свое место в проекте «Пояс и путь», но является его главным объектом и ареалом (с. 149). Китай ведет «игру» в РМ в опоре на привлекательные для развивающихся государств внешнеполитические принципы (невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и выбора

модели социально-экономического развития, ускорение развития и пр.), задействуя при этом приятную для уха «глобального Юга» антиэксплуататорскую риторику (с. 207).

Фактором, благоприятствующим сотрудничеству по данному вектору, является и то, что в инфраструктурные проекты, начатые КНР в развивающихся странах, «генетически», осознанно и целенаправленно заложена их совместимость с Инициативой «Пояс и путь», именно поэтому они быстро получают от Китая все необходимое инвестиционное обеспечение.

Не менее интересна и Глава V, посвященная «мягкосиловой» активности Китая в РМ.

Е.И. Сафронова отмечает, что именно в развивающемся мире целевой свод китайской «мягкой силы» (МС) пополняется еще одной, особой задачей. Это — упрочение и модернизация (прото)идеологической основы сотрудничества по векторам «КНР — РМ» и «Юг — Юг». Понятно, что наличие общей идеи — конкурентное преимущество и фактор кооперационного успеха, отсутствующие по линии «Север — Юг». Сочетание общности идейной базы с масштабностью финансовых вливаний «работает» на репутационный актив Китая как партнера-донора.

Источниками концепции «мягкой силы» в китайском исполнении Е.И. Сафронова называет лозунги «мирного развития», «гармоничного мира» и новейший, особо важный сейчас тезис об «общности мечты и судьбы» (с. 305). Можно сказать, что РМ — это ступень реализации и доступный объект приложения «китайской мечты».

Автор анализирует направления практической «мягкосиловой» работы КНР в РМ, среди которых он выделяет: 1) политико-мировоззренческий вектор: демонстрация успехов китайской МСЭР (на практическом примере и через научный дискурс); 2) экономический аспект: реализация объективного (то есть не силового, а обусловленного хозяйственными успехами) лидерства в развивающемся мире не только через традиционные экономические связи, но и путем предоставления технологической помощи, беспроцентных или низкопроцентных ссуд, торговых льгот и преференциального рыночного режима, «помощи развитию», реструктуризации и/или списания задолженности, укрепления кооперации («Юг — Юг»); 3) деятельность по расширению репутационного актива: участие в международных организациях и форумах ad hoc по проблемам регионального и глобального значения, выполнение миротворческих функций, оказание гума-

нитарной помощи, демонстрация достижений китайского здравоохранения; 4) культурный диалог, организуемый силами официальных ведомств КНР («публичная дипломатия»), китайской диаспоры, «народной» или «общественной дипломатии» (автор характеризует различия между формами этих неофициальных дипломатий); 5) сооружение «объектов престижа» (стадионов, правительственных зданий, медицинских центров, аэропортов и проч.), которое имеет не только экономический и пропагандистский смысл, но и облегчает достижение дипломатических целей; 6) использование потенциала СМИ и зрелищных форм общения; 7) задействование канала личных контактов лидеров высокого и высшего уровня и межпартийных обменов (с. 230, 232–233).

Рассматривая роль «мягкой силы» Китая в РМ, автор высказывает интересную мысль о том, что Китай не предпринимает ощутимых попыток изменить устоявшийся мировой порядок. Резкий его слом — небезопасен, весьма затратен да и нецелесообразен, поэтому цель КНР — постепенно, эволюционно, «мягко» «размыть» опоры старого мирового порядка, заменяя их новыми по своему усмотрению (с. 306, 230).

В свете МС Китая в книге также высказана весьма дискуссионная, но примечательная мысль о том, что ныне мир проходит этап «смены руководства» — транзита через стадию многополярности от одного состава «флагманов» биполярности к другому. Во времена перемен особенно важно занимать контролирующие позиции в международных отношениях. КНР, пока не способна составлять военно-стратегическую конкуренцию Западу, ищет новые пути повышения ее мировой роли. И один из механизмов этого она видит в «мягкой силе». Удачное использование МС поможет Китаю преодолеть точку бифуркации в нужном ему направлении.

В заключение работы Е.И. Сафронова подчеркивает, что развивающийся мир — «если не вечное, то весьма длительное явление мирового бытия, поскольку на международной арене всегда будут акторы, менее успешные в социально-экономическом и политическом отношении. Если допустить, что когда-то мир достигнет однородности, равномерности и непротиворечивости развития всех субъектов международных отношений, то с этим исчезнет предпосылка для борьбы противоположностей, а с ней и само развитие» (с. 300). Отсюда закономерно вытекает мысль, что отношениям Китая с развивающимся миром «уготовано долгое

и плодотворное будущее», ибо он несомненно потянет свое значение для КНР как круга поддержки, источника ресурсов, объекта влияния, аргумента в диалоге с Западом и «отправного пункта» для достижения мирового лидерства.

Планам Китая в РМ благоприятствует тот факт, что, как полагает автор, из всех субъектов международных отношений именно развивающиеся страны наиболее восприимчивы к китайской МСЭР (центроориентированная политическая система плюс экономическая открытость внешнему миру) как образца быстрого и продуктивного экономического роста.

Автор делает небезынтересный вывод: концептуальная база отношений «КНР — развивающийся мир» — это постоянно эволюционирующий «организм», меняющийся в зависимости и, можно сказать, в гармонии с корректировками модели социально-экономического развития КНР. И сама модель социально-экономического развития Китая, и доктринальная база его отношений с РМ пригодны для «ввода» новых и «отладки» старых параметров (с. 301).

В наши дни, когда соперничество КНР и США в международной жизни приняло очевидный характер, Пекин стал придавать сотрудничеству с РМ значение не только механизма формирования многополярной системы международных отношений, но и средства противостояния тем процессам глобализации, которые дирижируются Западом. Симптоматич-

но, что хотя Китай и предпочитает устанавливать конструктивные отношения с правительствами всех политических ориентаций, тем не менее в развивающемся мире заметен количественный перевес его соглашений с государствами, оппозирующими Западу (Венесуэла, Боливия, Куба, Судан, Зимбабве) (с. 207).

Так или иначе, но бурное мирное развитие Китая, набор им огромного политико-экономического «веса» ныне позволяет ему трактовать экономическую глобализацию в том смысле, что именно КНР становится той страной, которая способна на практике продвигать свое видение мирохозяйственной жизни и противостоять («мяткю» или когда-нибудь и «жестко») западным порядкам в международных экономических отношениях, в том числе и в развивающемся мире.

Это можно считать одним из основных выводов монографического исследования.

Подводя итог, следует отметить, что данная работа является политологически выверенным, высокопрофессиональным, оригинальным, во многом новаторским исследованием на крайне актуальную тему. Заслугой автора является ввод в научный оборот целого ряда редких латиноамериканских и африканских источников.

Читается книга с интересом и будет полезной не только для исследователей-востоковедов, дипломатов, политиков, но и для любого вдумчивого читателя, кому небезразличны судьбы современного мира.

© 2019

*Владимир Петровский, доктор политических наук,
действительный член Академии военных наук
E-mail: petrovsk4@gmail.com*

Contents

ROUND TABLE IN THE IFES RAS

Actual Problems of Modern Russian-Chinese Relations

POLITICS

N. Zamaraeva. The PRC and Problems of Peaceful Settlement in Afghanistan

ECONOMY

D. Lebedeva. Chinese Planning System at the Present Stage

V. Akimova, I. Tikhotskaya. The Rise of Solar Energy in China and Japan

V. Namzhilova. Economic Development of the Inner Mongolia Autonomous Region at the Beginning of the XXI Century

THEORY AND METHODOLOGY

A. Kaplunenko, V. Vishnyakova. On the Effectiveness of the Use of Speech Techniques of Persuasion in the Budget Message of the Presidents of the Republic of Korea

F. Strugach. Japan in Classic American Geopolitical Theories

STATE AND SOCIETY

I. Gruzinov. Elements of Traditional Chinese Ideology in the Modern Ideological Course of the CPC

N. Anisimisev. On the Civil Aspects of Taiwan Modernization

VIEW POINT

Sun Xiuwen. On Some Aspects of Geopolitical Relations in the Arctic

V. Balakin. The Choice of the Optimal Integration Paradigm in Eurasia

HISTORY

S. Spartak. Eastern Expansion of Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries and Its Perception in America

O. Sandomirskaya. Press Coverage by the UK, France and the US of Political Situation in Japan in the Middle of the XIX Century

E. Khakhalkina, B. Zhigalov, I.M. Maysky and Soviet-Japanese Relations in 1927–1929

RELIGION

M. Khaymurzina. Confucianism as a Civil Religion: Problems and Prospects

SCIENTIFIC EVENTS

N. Koledenkova. Annual Scientific Conference of the Center for Social and Economic Research of China in IFES RAS «40 Years of Economic Reforms in China»

BOOK REVIEW

V. Petrovsky. The PRC and the Developing World: Dialectics of Relationship
(*Safronova E.I.* The PRC and the Developing World: Concepts and Modern Practice of Relations in the Case of Africa and Latin America)

Contents

Summary

Поправка

Имя автора рецензии на книгу Д. Макмахона (2019, № 1, с. 180–182) следует читать как Андрей Петров.

Редакция приносит извинения за допущенную неточность.

Summary

N. Zamaraeva. The PRC and Problems of Peaceful Settlement in Afghanistan

The article analyzes China's position on the settlement of the crisis in Afghanistan. It presents the dynamics of Beijing's approaches taking into account the intra-Afghan and regional challenges — strengthening the armed opposition in Afghanistan, its influence on the Muslim Uighurs of Xinjiang, strengthening the strategic partnership of the US and India in the region. The turning point for the region was 2015, when Beijing and Islamabad signed documents to create the China — Pakistan "economic corridor" (CPEC).

Key words: Afghanistan, militants, government of national unity, China, Pakistan, USA, Uighurs.

D. Lebedeva. Chinese Planning System at the Present Stage

The article analyzes the changes in the macroeconomic planning of China during the periods of 12th and 13th five-year plans of social and economic development of the national economy (2011–2020). The trends that emerged during the preparation and implementation of the 12th five-year plan (2011–2015) are considered and reflected in the 13th five-year plan (2016–2020).

Key words: China, macroeconomic planning, 12th and 13th five-year plans, "small welfare society", "new normality".

V. Akimova, I. Tikhotskaya. The Rise of Solar Energy in China and Japan

Solar energy, based on the achievements of modern photovoltaics, became an important factor in the development of the world fuel and energy complex at the beginning of the XXI century. The article analyzes the current state of solar energy, the main directions and prospects of its further development on example of China and Japan, the world leaders in this field. It is noted that such factors as inexhaustibility and environmental friendliness, high innovation potential and progressive cost reduction contribute to the growth of investment attractiveness of solar energy in these countries.

Key words: solar energy, solar power plants (SES), photovoltaics, "drift to the East", Japan, China.

V. Namzhilova. Economic Development of the Inner Mongolia Autonomous Region at the Beginning of the XXI Century

The article discusses the features of modern development of the economy of one of the largest regions of China — the Autonomous Region of Inner Mongolia. The author studies the "phenomenon of Inner Mongolia" — a record for the duration of ultra-high economic growth that took place in the first decade of the XXI Century, replaced by strict conditions of "new normality". She analyzes the changes in the sectoral structure, focusing in detail on the priority sectors: electricity, chemical industry, mechanical engineering, etc. Special attention is paid to the improvement of the mechanism of cooperation between ARIM, Russia and Mongolia.

Key words: Autonomous Region of Inner Mongolia, economic development, industry structure, external openness, economic belt of the Silk road, economic corridor China — Mongolia — Russia.

A. Kaplunenko, V. Vishnyakova. On the Effectiveness of the Use of Speech Techniques of Persuasion in the Budget Message of the Presidents of the Republic of Korea

The paper analyzes the persuasive statements in the budget messages of South Korean presidents sent to the Parliament. Efficiency, eloquent power of the corresponding texts is considered by the authors as persuasive elements. The prime attention in the article is paid to the illocutive power of persuasive speech techniques in the speeches of the presidents of the Republic of Korea.

Key words: Republic of Korea, political discourse, persuasive statement (persuasive), illocutive force, sincerity conditions.

F. Strugach. Japan in Classic American Geopolitical Theories

The article analyzes the main provisions of the theories of classical American geopolitics A. Mahan, N. Spikeman and J. Kennan in relation to U.S. policy in the Asia-Pacific region as a whole and in relation to Japan in particular. Despite various transformations in politics, classical theories remain the foundation of modern US foreign policy. The author concludes that the concepts of American theorists mainly reflect the current foreign policy actions of the United States in the region.

Key words: USA, Asia-Pacific region, Japan, geopolitics, cold war, A. Mahan, N. Spikeman, J. Kennan.

I. Gruzinov. Elements of Traditional Chinese Ideology in the Modern Ideological Course of the CPC

The article deals with new approaches to the development of the ideological course of the CPC, which are based on the values of the traditional Chinese world view. In some elements of this course the ideals of ancient Chinese thinkers are used, for example, the ideas of "xiaokang" society and the "noble man". Perhaps it is this appeal to the past that will help to unite the nation and resolve the contradictions accumulated over the years of China's growth. The author believes that traditional ideology has become an integral part of the modern ideological course of the CPC.

Key words: CPC, Xi Jinping, ideology, tradition, Confucianism, "xiaokang" society.

N. Anisimtsev. On the Civil Aspects of Taiwan Modernization

The article contains a brief description of the history of formation and development, the current state of civil law in Taiwan in the context of modernization of society and economy on the island. The topic of property-legal relations is specially considered. The general principles of property law of the country are analyzed. The analysis of the structure and evolution of real law institutions reveals some features of Taiwan's modernization process in the past and present.

Key words: Taiwan, Republic of China, civil code, property law, security rights, modernization.

Sun Xiuwen. On Some Aspects of Geopolitical Relations in the Arctic

The article deals with the phenomenon of "cognitive dissonance" between regional and non-regional players on Arctic issues, its causes and consequences, as well as measures to reduce its degree. The main reason for these differences is national identity, the categorization of which creates differences between "us" and "them". It is easier for countries with similar identities to perceive reality in the same way and to develop cooperation.

Key words: Arctic powers, extra-regional countries, cognitive dissonance, geopolitical relations, national identity, UN Convention on the Law of the Sea, Arctic Council.

V. Balakin. The Choice of the Optimal Integration Paradigm in Eurasia

The article presents the idea of an integration project for Eurasia, the purpose of which is to expand the discussion in this direction. Currently, the initiators of the integration process in Eurasia are, first of all, the Russian Federation and the People's Republic of China, which are seeking new resources for economic growth in the conditions of the growing global financial crisis. Building the Eurasian community Moscow and Beijing see the most realistic integration paradigm in the creation of an effective consultation mechanism that allows to bring together positions on key global issues.

Key words: Eurasia, ideology, Russia, China, integration.

S. Spartak. Eastern Expansion of Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries and Its Perception in America

The article deals with various aspects of Russia's expansion to the East in the late XIX — early XX centuries, including the economic and political components of this process. The reasons for the increased clash of interests between Russia and the United States in the Far East, up to the first systemic crisis in bilateral relations under the influence of Russian expansion in Northern China and the Russian-Japanese war are shown. The main directions in the American public opinion of that time in connection with the Eastern policy of Russia are analyzed. It is concluded that the "Far Eastern factor" contributed to the negativity of the image of Russia in the views of the Americans.

Key words: expansion, Far East, rivalry, crisis, war, market, criticism, moods.

O. Sandomirskaya. Press Coverage by the UK, France and the US of Political Situation in Japan in the Middle of the XIX Century

The article analyzes the publications of the Western press devoted to the situation in Japan in the middle of the XIX century. Special attention is paid to the coverage of the Boshin war (1868–1869) and the initial period of Meiji Restoration, which marked the beginning of Japan's modernization. The role of Western Newspapers in shaping public opinion in Europe and the United States in relation to Japan, familiarity of readers with the previously little-known Eastern country.

Key words: Japan, Meiji Restoration, Boshin war, colonial diplomacy, press, Great Britain, USA, France.

E. Khakhalkina, B. Zhigalov. I.M. Maysky and Soviet-Japanese Relations in 1927–1929

The article deals with the activities of the famous Soviet diplomat I. M. Maisky, the chargé d'affaires (1927), then the advisor to the Soviet mission in Japan. The article was based mainly on the correspondence of the diplomat, who analyzed the state of Soviet-Japanese relations in the second half of the 1920s, described the Japanese foreign policy, especially in China. Of particular interest are the recommendations by I.M. Maysky concerning relations between the USSR and Japan in the Far East.

Key words: I.M. Maisky, Soviet-Japanese relations, Goto Shimpei, Tanaka, Giichi, Fishing Convention of 1928.

M. Khaymurzina. Confucianism as a Civil Religion: Problems and Prospects

The concept of civil religion is now becoming important for Chinese society. Religious traditions — values, symbols, rituals, beliefs — bind all citizens into a single whole, defining the religious component of social life. The civil religion in China, founded on Confucian values, is designed to give the Chinese nation a full community of interests, feelings and thoughts.

Key words: Confucianism, Confucian religiosity, civil religion.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.

Мнение автора необязательно совпадает с точкой зрения редакции.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук

(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции : 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2019 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 05.06.2019 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 402 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/За. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+